

СПЕЦВЫПУСК

АВГУСТ/2020
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№08 (173)

темом Боровиком в 1989 году

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

2

Варяжская стража

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

4

Взятие Тауэра

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ

8

Концы в воду

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

6

Контрабандисты
его Величества

НЕВЕСТА ПИРАТА

ISSN 2070-884X

20008

9 772070 884002

ВАРЯЖСКАЯ СТРАЖА

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Викинги, известные в славянских летописях как варяги, на протяжении двух столетий воевали и торговали с Византией. О путях-дорогах викингов позволяют судить рунические надписи, найденные, в том числе, и в константинопольском соборе Святой Софии.

Большинство историков считает, что термин «викинг» берет свое начало от слова *vík*, которое переводится с древненорвежского как «бухта», «залив» или «фьорд». То есть викинг – это якобы «человек из бухты».

КТО ТАКИЕ ВИКИНГИ? И КТО ТАКИЕ ВАРЯГИ?

Однако существуют и другие версии. Например, утверждается, что термин этот связан с глаголом *wiking*, который ранее на севере Норвегии означал «идти в море для приобретения богатства и славы».

Примечательно, что слово «викинг» довольно поздно стало применяться по отношению к людям. Изначально термином «викинг» именовался сам поход (был в викинге, отправился в викинг и т.д.). Потом словом *vikings* стали обозначать участника дальнего плавания, то есть профессионального морехода.

Ну, а по сути, викинги – это люди, занятые грабежом и пиратством, необузданные и кровожадные. Это жестокие варвары и авантюристы, обыкновенные головорезы и разбойники.

А КТО ЖЕ ТАКИЕ ВАРЯГИ?

Некоторые историки считают, что варяги – это всего лишь русское обозначение викингов. Но это не совсем так. Слово «варяг» происходит от древнегерманского слова *waiga* (клятва, обет, присяга). Таким образом, викинги – это образ жизни «северных людей», связанный с мореходством и нападениями с целью наживы. Со своей стороны, варяги – это были воины по найму, охранявшие границы других государств от набегов, в том числе и своих собратьев-викингов.

А для летописца Нестора «варяг» – это был «наемник» или просто «выходец из заморья». Он называет варягами четыре племени. Это варяги-свеи, варяги-готы, варяги-урмане и варяги-англы. Первые – это шведы, вторые – это готландцы, третьи – это норвежцы. Последние – это англичане, и Нестор полагал «землю англичанскую» границей варяжских народов.

ВИКИНГИ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Викинги, которых в славянских летописях называли варягами, предположительно положили начало построению Киевской Руси. Во всяком случае, «Повесть временных лет» летописца Нестора именно с ними связывает появление Древнерусского государства. Нестор утверждал, что варяги жили по Варяжскому (то есть по Балтийскому) морю, и славяне «призвали» одного из них, звавшегося Рюриком, и тот пришел к ним, чтобы положить конец внутренним раздорам и междоусобицам. И именно Рюрик стал основателем Новгородского княжества на Руси, князем новгородским с 862 года и родоначальником княжеской (ставшей впоследствии царской) династии Рюриковичей.

А еще викинги на протяжении двух столетий воевали и торговали с Византией. Историк Мария Исабель Кабрера-Рамос, автор книги о варягах в Константинополе, считает, что варяги – это были люди, населявшие современную Швецию, которые в IX веке покинули берега Варяжского моря и спустились в степи в поисках мехов и рабов. Она пишет: «Там они десятилетиями вели

торговлю, пиратствовали и служили наемниками».

Варяги появились в Константинополе ближе к середине IX века. Для этого они пересекли Восточную Европу по озерам Ладога и Онега, а потом по рекам, и этот путь соединил Византийскую империю с северными странами (путь «из варяг в греки»).

Скандинавы, продвигавшиеся на восток, были больше заняты торговлей. В дополнение к шведам сюда начали приходить и датчане с норвежцами.

Поначалу варяги только торговали, но постепенно ими овладела жажда наживы, и в 860 году они осадили Константинополь. Считается, что эта первая атака шла из Киева, но есть и другое мнение: набег на Константинополь в 860 году мог быть организован флотом викингов из западной части Средиземного моря. В любом случае, тогда викинги (варяги) были разбиты, но сумели произвести устрашающее впечатление на защитников города.

ВАРЯЖСКАЯ ГВАРДИЯ (ВАРАНГИ)

Уже в начале X века, после нескольких неудачных нападений на громадную империю, варяги предпочли заключить с византийцами торговый договор. Этот договор содержал также пункт о том, что варяги, пожелавшие поступить на службу в византийское войско, могут поселиться в империи. Так возникла скандинавская гвардия варягов (варяжская стража). Это особое подразделение получило название «варанги», а скандинавы называли Константинополь Миклагардом (великим городом).

Есть мнение, что термин «варяг» был известен в Скандинавии в форме «вэринг» (*vaering*). А вот арабские писатели говорили о народе «варанков», жившем на южном побережье Варяжского (Балтийского) моря, в его славянском регионе.

Наверное, термин «варанг» для обозначения отряда наемников возник в Византии, а не в Скандинавии и не на Руси. С другой стороны, утверждается, что слово «варанг» (*warang*) переводится с древнеславянского наречия (древане – это славянское племя, на чьей земле потом возник город Гамбург) как «меч». И под варангами подразумевались воины, дав-

шие клятву верности на мече. То есть, получается, что варанги – это меченосцы. А уже потом, в Византии, слово «варанг» получило значение «верный», «принесший клятву верности». В этом значении оно и вошло в византийские хроники. Ну, а на Руси термин «варанг» прижился уже в форме «варяг».

Византийский император Василий II, начавший править в 976 году, считался «высшей властью цивилизованного мира». Однако титул не помешал многочисленным врагам пойти на него с оружием в руках, чтобы отобрать власть, и Василию пришлось обратиться за помощью к варягам. И те пришли к нему на помощь в количестве от 5000 до 6000 человек. Эти люди сыграли решающую роль в разгроме врагов Василия II, и это стало причиной, по которой император возвел варяжскую стражу в ранг своего элитного войска.

Слухи о гвардии варягов постепенно стали распространяться по Скандинавии, потому что наемники возвращались домой с рассказами о богатом и щедром юге. И многих привлекала перспектива богатства и почестей на императорской службе.

Характерный пример – исландец Болле Боллесон. После многих лет, проведенных на императорской службе, вернулся назад с одиннадцатью своими товарищами. В одной исландской саге говорится: «Они все были одеты в пурпурные одежды, и их седла были позолочены. Они все выглядели нарядными, но лучше всех был сам Болле».

Этот самый Болле Боллесон вернулся домой примерно в 1030 году, но он был далеко не первым. Известен, например, некий Торкель Светлая Прядь, сын Тьоста, который в течение семи лет, с 937 по 944 годы, «ходил под рукой», то есть служил в Миклагарде. Сохранились сведения и об исландце Финнбоги Сильном – дружиннике императора Иоанна Цимисхия. А вот, начиная с XI века, сообщения о пребывании скандинавских наемников в Византии насчитываются уже десятками и сотнями.

Информация тут страшно противоречива, но складывается впечатление, что варанги (вэринги) были не очень многочисленным, но весьма привилегированным контингентом «северных людей» на византийской службе. То есть это был отряд телохранителей императора, императорская гвардия. С

другой стороны, в византийском войске служили и другие, более многочисленные (насчитывавшие подчас тысячи человек) отряды скандинавов.

При этом, безусловно, положение тех, кто составлял императорскую гвардию, отличалось от положения входивших в состав регулярного войска в Византии.

Служба в скандинавской гвардии (варяжской страже) была высокопрестижной. Она позволяла накопить большое богатство, то есть существенно влияла на социальный статус возвращавшегося с этой службы человека. Чтобы было понятно: бойцы варяжской стражи получали плату, эквивалентную 45-60 г золота в месяц, и это в полтора-два раза превосходило размер жалования солдат других элитных формирований и почти в десять раз – размер жалования простых солдат. Помимо этого существовали различные надбавки, доля в военной добыче и т.п.

Отметим, что Византийская империя включала в свои владения территории нынешней Турции, Греции, значительную часть Балкан и Ближнего Востока. Византийское войско состояло из солдат разных стран и культур. И далеко не все были в равной степени надежными. Варяги же, напротив, были известны фанатичной преданностью императору.

Почему?

Да потому, что, будучи иностранцами, представлявшими совершенно иную культуру, они не имели никакой связи со знатью и находились вне интриг, которыми всегда так отличалась византийская политика. Они пришли из далеких земель, и они не имели никаких связей с вероломной местной знатью.

И тут важно отметить еще вот такой момент. Хотя стража была сформирована Василием II, однако скандинавские воины приносили клятву на верность не какому-то конкретному императору, а императорскому титулу. Эта отличительная черта делала их идеальными солдатами на императорской службе, поскольку, когда умирал один правитель, они автоматически переходили «под руку» следующего. И это, кстати, тоже причина того, что они не принимали участия в бесконечных распрях и борьбе за власть при византийском дворе.

В «Алексиаде», написанной византийской принцессой Анной, старшей дочерью импе-

ратора Алексея I Комнина, говорится: «Варяги, носившие боевые топоры на плечах, рассматривали свою верность императору и защиту императорской персоны как обет и родственную традицию, передававшуюся от отца к сыну. Они никогда не нарушали ее и не желали слушать никаких разговоров о предательстве».

Верные варяги стали элитой армии императора и ее штурмовыми отрядами, состоявшими исключительно из профессиональных солдат. Они первыми направлялись туда, где границам Византийской империи угрожала опасность. Они сражались с норманнами (своими северными земляками) в Италии, с турками и арабами на Ближнем Востоке и с болгарами на Балканах.

ЭЛИТНАЯ ЛИЧНАЯ ОХРАНА ИМПЕРАТОРОВ

Варяги сопровождали императора во всех перемещениях и военных походах в качестве «элитной личной охраны». В этом же качестве они участвовали в публичных церемониях в столице и охраняли дворец императора. По сути, это была дворцовая лейб-гвардия.

Например, во время коронавания нового императора его поднимали на щитах и выносили к народу, чтобы люди могли его приветствовать. Несшие его на щитах были варягами. Во время императорских приемов стало традицией, когда в банкетный зал входил строй варягов. Они выстраивались перед императором, ударяли в щиты и выкрикивали поздравления на своем родном языке.

Они также сопровождали императорскую семью на богослужения в собор Святой Софии. Во время богослужения они стояли позади императорской семьи как почетный караул, держа на плечах боевые топоры. Другими словами, они были символом императорского достоинства и власти. В благодарность варяги получили собственный скандинавский храм, посвященный Святому Олафу.

Варяги в Византии. Иллюстрация из хроники Иоанна Скилицы

Их было примерно 6 тыс. человек, и в их числе преобладал «неславянский элемент», хотя число русских «солдат удачи» иногда бывало весьма велико. Приток скандинавов был значителен, и это были в основном шведы, датчане, исландцы и норвежцы. Главная причина этого притока была очевидна – это слава и золото. Благодарные императоры за преданность и храбрость платили своим гвардейцам жалование, достойное знатного человека той непростой эпохи.

А еще «северные люди», возвращавшиеся из Константинополя, рассказывали про тамошний обычай, когда, при кончине императора, они могли ходить по всем его дворцам, в которых сохранялись его сокровища, и при этом имели право брать себе все, сколько могли унести в память о своей службе при покойном государе.

Доход, на который могли рассчитывать воины варяжской стражи, многие из которых выросли в бедности и простоте в северных

лесах, был так высок, что иные даже весьма благородные викинги проезжали полмира до Константинополя, чтобы поступить на службу к тамошнему императору, сколотить состояние и потом вернуться в родные края. Служить в варяжской страже – это было делом чести, но это и открывало путь к богатству, причем путь для скандинавов привычный и вполне понятный: надо было просто уметь хорошо воевать.

И конечно же, служба в Константинополе давала скандинавам репутацию, ибо их везде почитали как героев.

В скандинавских сагах речь главным образом шла о том, какими варяги (викинги) были храбрыми. Они выделялись высоким ростом, экзотической внешностью и роскошным военным снаряжением. Но в тех же сагах встречаются и отрывки, в которых раскрывается одна их слабость: у них была явная склонность пить слишком много. Их даже называли «винными мехами» или «винными бочками императора». Это и понятно, непомерное жалование позволяло варягам (викингам) тратить огромные суммы на земные наслаждения.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С УЧАСТИЕМ «СЕВЕРНЫХ ЛЮДЕЙ»

Византия почти постоянно находилась в состоянии войны. В таких условиях империя просто не могла обойтись только собственными силами, и она призывала под свои знамена лучших представителей иностранных государств. Наемники могли дислоцироваться в разных районах Константинополя, а также участвовали в «боевых командировках» в районы военных действий, регулярно сменяя друг друга.

Типичный пример варяжского гвардейца, выдающегося во всех отношениях, – это Харальд Сигурдссон (он же Харальд Суровый), младший единокровный брат короля Норвегии Олафа II. Он привел с собой «большое войско» (500 отважных людей) и поступил на службу к императору, который принял его достойным образом и послал его на Сицилию. Харальд отправился туда и хорошо выполнил поставленное перед ним задание. После окончания войны он вернулся к императору, и тот присвоил ему титул «манглабита» (так называли офицеров в гвардии телохранителей императора, отличительным знаком которых был меч с золотой рукоятью).

Харальд Суровый также удостоился почестей за свои действия в подавлении мятежа в Болгарии. Византийские источники рассказывают, что Харальд «принимал участие в походе императора и совершил большие подвиги в борьбе с врагом, как и полагается человеку его рода и больших способностей».

Кровавые бои продолжались целый год, прежде чем мятеж был подавлен. После войны Харальд получил прозвище *Bolgara brennir* (Сжигающий болгар).

После десяти лет на службе в Константинополе Харальд Суровый вернулся домой в Норвегию, а погиб он в 1066 году.

В грузинских хрониках зафиксировано участие в 1045 году 3 тыс. византийских варягов в междоусобном конфликте Грузии между союзником Византии князем Липаритом и царем Багратом IV. При их

помощи Липарит окончательно победил Баграта, а в 1050 году византийское войско под командованием Константина Арианита потерпело поражение от печенегов под Адрианополем, однако падение столицы Македонии было предотвращено своевременно прибывшими на помощь схолариями (гвардейцами). Для дальнейшей войны с печенегами была сформирована новая армия под общим командованием Никифора Вриенния, включавшая нанятых в Южной Италии норманнов (северных людей) и варягов во главе с аколумом (начальником варангов, непосредственно состоявших при особе императора) Михаилом. После нескольких побед и поражений война с этими кочевниками была завершена 30-летним миром.

В 1055 году, после смерти Константина IX, варяги упоминались в связи с дворцовыми событиями – неудачным заговором Феодосия и борьбой между Михаилом VI Стратиотиком и Исааком Комнином, причем в последнем случае варяги воевали на стороне обоих претендентов на власть.

В непродолжительное царствование Исаака I Комнина варяги упоминались только один раз, когда в 1058 году император послал отряд наемников арестовать патриарха Михаила Керулария.

При Константине X Дуке, правившем в 1059-1067 годы, варяги активно участвовали в боевых действиях в Италии. В 1066 году они были посланы на защиту Бари, и тогда же победили Роберта Гвискара в морском сражении у Бриндизи. Тем не менее, в апреле 1071 года последние итальянские владения империи были утрачены.

При императоре Романе IV Диогене варяги упоминались среди войск, отправленных в 1068 году в Малую Азию против турок-сельджуков. В катастрофическом поражении при Манцикерте (в восточной Армении) в 1071 году вместе с императором попала в окружение и погибла вся его охрана, после чего отряд так называемых «провинциальных варягов» прекратил свое существование.

А потом было еще несколько подавлений восстаний, и в этом тоже участвовали скандинавские наемники.

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ ВАРЯЖСКОЙ СТРАЖИ

А теперь снова вернемся к варяжской страже. Так уж получилось, что в конце XII века о ней в различных источниках встречаются лишь разрозненные упоминания. И покончили с ней не турки или арабы, а... христианские участники крестовых походов. Как известно, Четвертый крестовый поход 1202-1204 гг. был направлен против мусульман Египта. Но по пути туда дож Венеции нашел возможность «уговорить» крестоносцев напасть на Константинополь – самый богатый на тот момент город мира.

Коварная «Королева морей» снабдила крестоносцев кораблями, поскольку между Венецией и Константинополем существовала давняя вражда. В результате, в июле 1203 года варяжская стража вступила в свое последнее сражение.

Героическая оборона Константинополя (в ходе штурма города варяги защищали Галатскую башню, яростно отбивая атаки крестоносцев в рукопашном бою) ничего не дала. Царствовавший тогда Алексей III предпочел сбежать, спасая свою жизнь. В конце концов, захватчики взяли штурмом стены города 12 апреля 1204 года, а днем позже столица уже была полностью в их власти.

И тогда «освободители Гроба Господня» позволили себе разгуляться: в течение трех месяцев в городе шли неопишемые убийства и грабежи. И это было последним сражением варяжской стражи, которая к тому моменту состояла в основном из датчан. Они дрались отважно, дрались до последнего. Эти воины-профессионалы верой и правдой служили империи и честно отработывали свой хлеб...

Потом, кстати, эта элитная гвардия формально была воссоздана, но там больше не было скандинавов (их заменили в большинстве своем англосаксы). И единственное, что осталось после этих верных и неустрашимых воинов, – это несколько надписей рунами в Венеции и в нынешнем Стамбуле.

По сути, варяжская стража прекратила свое существование не по причине физического или морального «износа», а из-за предательства, и после этого Константинополь уже не мог себе позволить содержать столь дорогостоящие войска. ■

Варяги Русь. Призвание варягов. Миниатюра из Радзивилловской летописи

ВЗЯТИЕ ТАУЭРА

Сергей МАНУКОВ

Специально для «Совершенно секретно»

9 мая 1671 года в Лондоне произошло одно из самых дерзких и удивительных ограблений в истории Англии. Злоумышленники попытались ограбить Тауэр, где хранится коллекция королевских драгоценностей. Налет организовал ирландский авантюрист по имени Томас Блад. Одной из главных достопримечательностей лондонского Тауэра являются украшенные драгоценными камнями корона, скипетр и держава английских королей. Каждый день тысячи туристов приходят сюда полюбоваться королевскими регалиями, но лишь немногие из них знают, что триста с небольшим лет назад они лишь чудом не стали добычей шайки дерзких авантюристов.

В XVII веке королевские регалии хранились в подвале башни Мартина. Времена тогда были более спокойные, чем сейчас, поэтому сокровищницу никто не охранял. Посетителей в помещение впускал пожилой смотритель по имени Талбот Эдвардс, живший с женой и дочерью тут же в башне. Он каждый день открывал и запирали на ночь хранилище. У него также были и ключи от толстой металлической решетки, отделявшей сокровища от зевак. В один из теплых дней в начале мая 1671 года в подвале башни Мартина случилось маленькое ЧП.

«Моей жене плохо! – услышал Талбот Эдвардс чей-то взволнованный голос. – У нее сильные колики, ей срочно нужна помощь! Помогите кто-нибудь!»

Эдвардс пробрался через толпу посетителей и увидел испуганного пожилого священника с длинной седой бородой, который склонился над стонущей от боли женщиной средних лет. У нее было такое несчастное лицо, что смотритель тут же отправился за водой. Он был настолько любезен, что не только напоил ее, но и помог мужу отнести ее наверх, в свою гостиную. Через четверть часа боли прошли, и супружеская пара покинула квартиру Талбота Эдвардса.

На следующий день священник, которого звали Томасом Бладом, нанес визит вежливости смотрителю королевских регалий. В знак благодарности за оказанную помощь его преподобие подарил миссис Эдвардс четыре пары отличных белых перчаток, сшитых во Франции и стоивших больших денег.

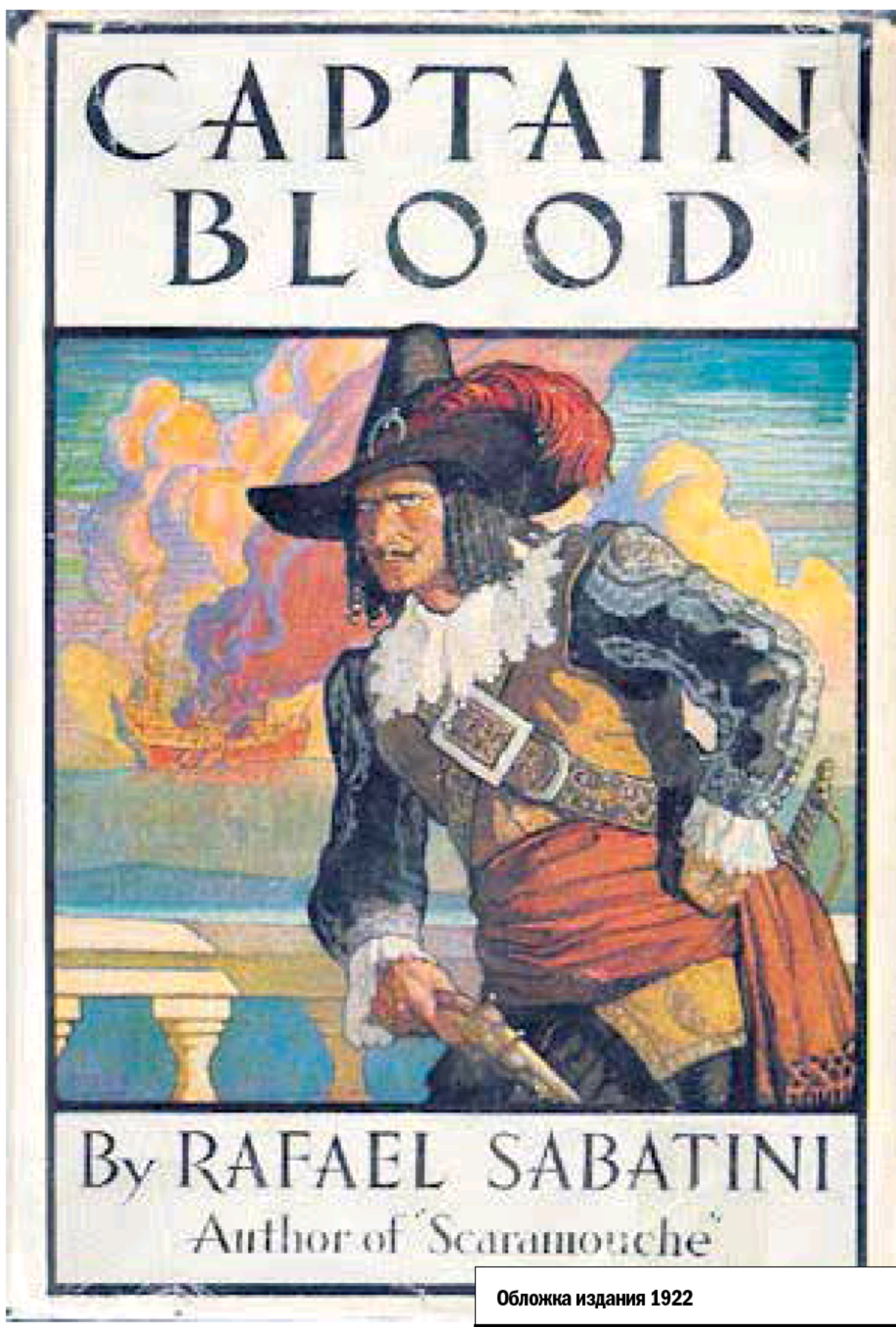
Эдвардсы долго не хотели брать дорогие подарки, но в конце концов все же согласились. С тех пор священник стал частым гостем в их доме. От его внимания не укрылось, что у мистера Эдвардса есть дочь на выданье. Во время одного из визитов Томас Блад заметил, что его богатому племяннику нужна молодая жена.

Идея выдать Люси за племянника уважаемого священника очень понравилась Эдвардсам. Для обсуждения деталей они пригласили своих новых друзей на ужин. Племянник мистера Блада был модно одет, учтив и хорош собой. Он понравился Эдвардсам, и они согласились выдать дочь за него замуж.

Перед уходом Блад обратил внимание на висевшие на стене два пистолета, единственное, как ему уже было известно от болтливого смотрителя, оружие в башне Мартина. Он сказал хозяину, что обещал подарить одному молодому лорду именно такие пистолеты, и попросил продать их. Эдвардс долго отказывался, но не решился портить отношения с будущим родственником. В конце концов, подумал он, за те десять фунтов, что предлагал священник, можно купить три новых пистолета.

Вечером 8 мая Тауэр неожиданно посетил его преподобие Томас Блад. Он объяснил

ПРОТОТИПОМ ЗНАМЕНИТОГО ПИРАТА КАПИТАНА БЛАДА БЫЛ СУХОПУТНЫЙ УГОЛОВНИК

Обложка издания 1922

удивленному смотрителю, что к нему в гости приехали двое хороших знакомых из провинции, которые очень хотят увидеть королевскую корону. Они неосмотрительно отложили посещение крепости на последний день, но вечером неожиданно получили из дома письмо и теперь вынуждены завтра ни свет ни заря возвращаться обратно.

«Не будете ли вы так любезны, мистер Эдвардс, – обратился к смотрителю священник, – показать нам сокровища до открытия хранилища?»

Талбот Эдвардс очень хотел выдать дочь замуж за племянника священника, поэтому решил выполнить и эту просьбу. Блад поблагодарил его и уехал, сказав на прощание, что придет с друзьями и племянником часов в семь утра.

Священник приехал, как и обещал, рано утром. Племянник остался с лошадьми у моста, а Блад с приятелями направился к башне Мартина. Смотритель встретил ранних гостей очень радушно. Он сказал, что открывать сокровищницу так рано ему еще не приходилось, но ради будущего родственника он готов пойти на нарушение правил.

Как только Эдвардс ввел посетителей в хранилище, священник выхватил из плаща

въехал еще один молодой человек. Это был сын смотрителя, лейтенант Уит Эдвардс, неожиданно приехавший в отпуск из Фландрии после почти десятилетнего отсутствия.

Обнявшись с матерью и сестрой, Уит спросил, где отец. Узнав, что он показывает хорошим знакомым сокровища, молодой Эдвардс поспешил в подвал. У дверей хранилища он столкнулся с выходившими оттуда бородатым священником и двумя мужчинами.

Вместо того чтобы связать офицера, налетчики вежливо поздоровались и начали торопливо подниматься по лестнице. Уит Эдвардс вбежал в хранилище и замер на пороге, увидев лежащего на полу отца, который к тому времени пришел в себя. Он развязал его, узнал о краже и, выхватив шпагу, бросился в погоню. Через минуту он выбежал во двор с громкими криками: «Измена! Измена! Украли корону!»

Тауэр являлся важным стратегическим объектом английской столицы и охранялся стражей. Троицу грабителей попытался было остановить вооруженный алебардой часовой, но священник выхватил из плаща пистолет и выстрелил. Солдат упал на землю с простреленным плечом.

Томас Блад с сообщниками перебежали через мост. И тут, когда уже казалось, что опасность миновала и им ничто больше не угрожает, они в суматохе свернули не в ту сторону и оказались на виду стражи внешней стены. Начальник охраны Тауэра капитан Бекмэн настиг Блада, когда тот садился на лошадь.

Лжесвященник выхватил второй пистолет и спустил курок. Капитан быстро прыгнул, и пуля просвистела у него над головой. Он сбросил противника с седла и навалился на него всем телом. Вскоре к нему на помощь подоспели солдаты, и они общими усилиями связали Блада. Из четверых налетчиков уйти удалось лишь одному, племяннику, который остался у моста с лошадьми. Всех арестованных тут же заперли в одну из тауэрских темниц.

Новость о попытке ограбления королевского хранилища в Тауэре разлетелась по Лондону с быстротой лесного пожара. Владельцы домов на площади, на которой обычно казнили государственных преступников, радостно потирали руки в ожидании больших заработков. Вечером того же дня к ним повалили богачи, желавшие снять втридорога комнату с выходящими на площадь окнами, чтобы полюбоваться казнью.

Однако надеждам домовладельцев на обогащение не было суждено сбыться. У полковника Томаса Блада, замыслившего и практически осуществившего дерзкий налет, была, так же, как у Чеширского Кота из кэрролловской «Алисы», не одна, а девять жизней. И не все они были им к тому времени израсходованы...

ЛЮБИТЕЛЬ АВАНТЮР

О детстве и юности Томаса Блада известно немного. Родился он в 1618 году в местечке Сарни, графство Мит, Ирландия, в семье богатого торговца железом. Конечно, Томас мог бы сделать успешную карьеру на родине и прожить тихую жизнь удачливого бизнесмена, если бы не любовь к приключениям и авантюрам. Сельская Ирландия была не самым подходящим местом для искателя приключений, поэтому он переправляется через Ирландское море в соседнюю Англию.

Время для путешествия было выбрано как нельзя удачно. В Туманном Альбионе Томас Блад появился в самый разгар гражданской войны. Сразу же после прибытия в Ливерпуль он записался добровольцем в королевскую армию. Преданность не была самой сильной чертой его характера даже в молодые годы. Когда стало очевидно, что победа будет на стороне республиканцев, лейтенант Блад быстро перешел на сторону Кромвеля.

Став «железнобоком», Томас Блад проявил такие чудеса храбрости в боях с королевскими войсками, что к концу войны он был произведен в капитаны и получил поместья в Ирландии и должность магистрата. К тому времени Томас уже был женат на девушке из

небольшую дубинку и ударил его по голове. Потерявшего сознание старика связали и сунули в рот клаяп.

Затем Блад открыл ограждение и взял со стола корону, державу и скипетр. Несколько ударами все той же дубинки он сплющил корону, чтобы она поместилась в сумку. Выпавшие из нее драгоценные камни налетчики тут же собрали и рассовали по карманам.

Держава легко поместилась в сумку, а вот с длинным скипетром возникли проблемы. Один из налетчиков, которого священник представил смотрителю Хантом, достал припасенную на этот случай ножовку по металлу и принялся распиливать его пополам.

Пока все шло по разработанному несколько дней назад плану. И если бы не вмешательство фортуны, неожиданно решившей в самый ответственный момент отвернуться от похитителей, им бы наверняка удалось скрыться с добычей.

НАЛЕТ НА ТАУЭР

В то же самое утро, вскоре после приезда лжесвященника с друзьями, во двор Тауэра

богатой ланкаширской семьи и воспитывал сына.

Наслаждаться плодами смелости и политический дальновидности Бладу помешало триумфальное возвращение на остров в 1660 году Карла II. Для республиканцев, особенно предателей, каким был Блад, наступили трудные времена. У них отнимали земли и имущество, их бросали в тюрьмы, судили и казнили. Новый король даже распорядился выкопать труп недавно умершего Кромвеля и вздернуть его на виселицу.

Томас Блад с женой и ребенком спрятались в доме другого сторонника Кромвеля, своего шурина и пресвитерианского священника по имени Леки. Он затаил злобу на новую власть и ждал удобного случая, чтобы отомстить.

Разрабатывая планы мести, Томас Блад, который к тому времени сам произвел себя в полковники, решил пока заняться выращиванием крупного рогатого скота. Нелегкий труд скотовода ему быстро наскучил, и он решил заняться более привычным делом – организацией бунтов. Он возглавил в 1664 году заговор против королевской власти. Блад собирался захватить с небольшим отрядом Дублинскую крепость, в которой жил лорд-лейтенант Ирландии Джеймс Батлер, герцог Ормонд.

Захват Дублина, по его замыслу, должен был послужить сигналом к началу восстания в Ирландии. Среди заговорщиков оказался предатель, который обо всем рассказал властям. Несмотря на это полковник Блад решил на штурм. Защитники крепости легко отбили атаку и рассеяли заговорщиков. Большинство республиканцев попали в плен, но их главарю удалось бежать в сутане священника. Сначала он вернулся в Англию, затем переправился в Голландию.

Благодаря обаянию и уму Томас быстро перепознакомился с голландской знатью. Позже он вновь пытается поднять восстание против короля в Ирландии, как и в 1664 году, опять терпит неудачу и в очередной раз уходит от погони.

Далее неугомонный Блад решил поддержать выступавших за независимость шотландских ковенантов. После разгрома войска повстанцев в сражении у Пентлэнда 27 ноября 1666 года неуволному удалось улизнуть от королевских драгун.

Томас Блад часто обращался в бегство, но друзей не предавал. В Ирландии в 1664 году Томас, рискуя жизнью, пытался спасти попавших в плен и вскоре казненных сторонников. Спустя три года он, несмотря на то, что находился в розыске, решил спасти своего старого друга, капитана Мейсона, которого везли на суд восемь солдат. В ходе боя полковник собственноручно убил нескольких конвоиров, был ранен, но спас заключенного. Награда за его голову после этого дерзкого нападения была удвоена и достигла очень солидной по тем временам суммы – тысячи фунтов стерлингов.

У английских властей однако нашлись дела поважнее поисков авантюриста – война с Голландией, чума и Великий пожар в Лондоне. В 1670 году Томас Блад превратился в доктора Аллена и спокойно практиковал в Рамфорде, графство Эссекс.

Узнав, что герцог Ормонд вернулся из Дублина в Лондон, Томас решил покататься с бывшим наместником Ирландии, казнив-

Томас Блад, авантюрист
ирландского происхождения

шим шесть лет назад Леки и других его друзей. Ночью 6 декабря 1670 года Ормонд возвращался с банкета к себе домой в Карендон Хаус. На улице Сент-Джеймс его ждала засада. Герцога вытащили из кареты и связали. Сообщники поспешили в Тибурн, чтобы подготовиться к казни, а полковник повел пленника к Пикадилли.

Нападавшие допустили ту же ошибку, не позволившую Бладу позже украсть королевские драгоценности из Тауэра. Он даже не связал кучера Ормонда. Сразу после того, как бандиты уехали, кучер прибежал к дому герцога и поднял тревогу. Двое слуг отправились на поиски хозяина. Они настигли Томаса Блада и Ормонда недалеко от Пикадилли. Полковник выстрелил в герцога, но в темноте промахнулся. Ему вновь удалось бежать. Он уехал из Лондона и вернулся к врачебной практике. Но вместо того, чтобы затаиться или покинуть страну, Томас Блад решил совершить налет на Тауэр.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

Попытка украсть королевские регалии была таким громким преступлением, что искатель приключений из Ирландии мигот превратился в национального героя. Лондон бурлил. Одни считали, что Карл II сам организовал похищение сокровищ, чтобы потратить вырученные от продажи короны, скипетра и державы деньги на любовные утехы и развлечения, большим поклонником которых он являлся.

Другие говорили, что Томас Блад решил попытать счастья, узнав, что король был уверен в полной безопасности сокровищ в Тауэре, и предложил любому желающему пари, что их невозможно украсть.

Третьи полагали, что кражу организовал Джордж Вильерс, второй герцог Бэкингемский, фаворит короля, втайне сам мечтавший о троне.

Томас Блад категорически отказался отвечать на вопросы тюремщиков и заявил, что будет разговаривать только с королем. Он рассчитывал на свое ирландское обаяние, ум

и известную любовь Карла II к авантюристам и проходимцам.

Как он и надеялся, королю такая дерзость понравилась, и он распорядился привезти Блада в Уайтхолл. В беседе с Карлом, когда на кону стояла его жизнь, Блад показал себя не только большим вралем, но и опытным психологом.

Для начала полковник заявил, что нисколько не сожалеет о происшедшем, несмотря даже на то, что рассчитывал выручить за драгоценности минимум 100 тысяч фунтов стерлингов, а оказалось, что больше шести ему бы никто не дал. Когда Карл II рассмеялся, он вручил ему книжонку с описанием своих прошлых подвигов. Присутствовавший при разговоре принц Руперт шепнул монарху, что полковник Блад – отважный офицер, который неоднократно отличался на службе у отца Его Величества. При этом принц по известным одному ему причинам не упомянул о переходе Томаса Блада на сторону врагов Карла I и о подвигах, совершенных им на стороне республиканцев.

Томас Блад решил играть роль благородного разбойника. Он взял всю вину на себя и попросил освободить его сообщников, после чего поведал королю о заговоре, который придумал накануне аудиенции. Ему якобы поручили застрелить Карла во время купания в Темзе. «Но когда я увидел Ваше Величество без одежды, – дрожащим от волнения и восхищения голосом объяснил авантюрист, – то пришел в такой благоговейный трепет, что выронил пистолет и не смог поднять на вас руку, сир».

Не забыл Блад и о патриотизме. Он очень удачно вставил в разговор реплику о близком знакомстве с голландским адмиралом Рюйтером, которое могло оказаться полезным в неминуемой новой войне с Нидерландами.

В результате такой массивной обработки король Карл II 18 июля 1671 года не только помиловал человека, едва не укравшего у него корону, но и вернул ему ирландские поместья, дал место при дворе и годовую пенсию в размере пятисот фунтов.

К тому времени Томасу Бладу было уже за

пятьдесят, солидный по тем временам возраст. Казалось, ему самое время успокоиться, однако он был не из тех, кто мечтает о тихой старости. В течение следующих девяти лет полковник участвовал еще в нескольких скандалах и заговорах, но однажды не рассчитал сил и поплатился за это.

Томас Блад поднял руку на своего покровителя. Он во всеуслышание назвал герцога Бэкингема негодяем и обвинил в аморальном поведении. Дружба между герцогом и полковником ни для кого не была секретом. Ходили даже слухи, что вторая попытка захвата герцога Ормонда была организована именно Джорджем Вилльерсом. По крайней мере, в этом всеильного министра в присутствии короля обвинил сын Ормонда, лорд Оссори.

Герцог обратился в суд и легко выиграл дело. Узнав, что судья обязал его выплатить Бэкингеми моральную компенсацию за нанесенное оскорбление в размере 10 тысяч фунтов, Томас Блад так расстроился, что заболел. 24 августа 1680 года, через две недели после суда, он скончался в своем доме на Боулинг стрит в Вестминстере в возрасте 62 лет.

Однако похоронами на Вестминстерском кладбище история великого авантюриста не закончилась. О хитрости и коварстве полковника Блада слагали легенды, поэтому власти через несколько дней после похорон эксгумировали труп, чтобы убедиться, что в гробу лежит полковник, а не кто-то другой. После налета на Тауэр у входа в хранилище поставили вооруженного часового. Талбот Эдвардс получил за храбрость и преданность 200 фунтов и еще несколько лет, до самой смерти, работал смотрителем сокровищ и рассказывал посетителям о неудавшемся ограблении.

До 1841 года корона, скипетр и держава лежали в башне Мартина. После сильного пожара для их хранения построили специальное здание, где они находятся и до сих пор.

УДАЧЛИВЫЙ КАПИТАН

О полковнике Томасе Бладе вспомнили полтора десятилетия назад, когда такие же дерзкие преступники попытались украсть из лондонского Купола тысячелетия бриллиант «Звезда тысячелетия». Триста лет после смерти полковника его имя находилось в незаслуженном забвении. Все знали его тезку, капитана Питера Блада. У Томаса и Питера Блада было много общего. Оба были ирландцами и жили примерно в одно время. Оба отправились из Дублина в Голландию, где познакомлись с адмиралом Рюйтером. А вот дальше их пути разошлись.

Капитан Блад, врач по профессии, после многочисленных приключений поселился в городке Бриджутере, графство Сомерсет, и вновь вернулся к врачебной практике. Против своей воли он оказался вовлечен в неудачную попытку восстания герцога Монмута и был осужден за лечение раненого мятежника и дачу ложных показаний. Питера Блада сослали на Ямайку и продали в рабство. Через какое-то время он бежал и стал морским разбойником.

Другое отличие заключалось в том, что полковник стал знаменитостью при жизни, хотя и был быстро забыт после смерти, а с капитаном все произошло наоборот. Своим вторым рождением в 1922 году Питер Блад обязан итальянцу Рафаэлю Сабатини, работавшему клерком в ливерпульской фирме, которая торговала хлопком. К тому времени Сабатини уже был известным писателем, из-под его пера вышли такие бестселлеры, как «Морской ястреб» (1915) и «Скарамуш» (1921).

Книга о приключениях капитана Блада понравилась кинематографистам. Первая эпопея о подвигах благородного пирата вышла на экраны уже в 1925 году, вторая – со знаменитым Эрролом Флинном в главной роли – десятью годами позже. За ними последовали и другие экранизации: в пятидесятые годы прошлого века – «Судьба капитана Блада» и «Беглец капитан Блад»; в 1962 году в «Сыне капитана Блада» снялся сын Эррола Флинна – Шон.

Конечно, не могли не обратить внимания на такой «вкусный» сюжет и советские кинематографисты. Они сняли в 1995 году четырехсерийный фильм «Одиссея капитана Блада».

Капитан Питер Блад вошел в историю и принес своему создателю целое состояние. Рафаэль Сабатини заработал на нем гораздо больше, чем полковник Блад мечтал получить от продажи королевских сокровищ. ■

Лондонский Тауэр

КОНТРАБАНДИСТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

14 (26) ноября 1836 года русский бриг «Аякс» задержал в Суджукской (ныне Цемесская) бухте английскую шхуна «Виксен» (Vixen), что-то выгрузившую горцам. В самом разгаре была кровопролитная и изнуряющая Кавказская война, но на побережье протяжённостью в двести миль было всего три изолированные русские крепости-форты, вся остальная территория была в руках черкесских племён.

Именно через эту береговую полосу и шло снабжение горцев оружием и боеприпасами, доставлявшимися морем из Турции. Лишь в одном 1830 году из Турции к берегам Кавказа прибыло до 200 турецких и британских судов, доставивших военные грузы. Для пресечения этой контрабанды русские власти установили блокаду побережья, предписав кораблям Черноморского флота крейсировать у кавказских берегов, задерживая нарушителей. На Кавказе иностранным торговым судам дозволялось заходить лишь в Анапу и Редут-Кале (севернее Потти, ныне Кулеви), где были таможни и карантинные станции. Суда-нарушители, разгружавшиеся в «неположенном месте» и вёзшие запрещённый груз, подлежали конфискации. Никакого урона черноморской торговле эта блокада не наносила, поскольку велась в основном не через кавказские порты, а через Одессу, Николаев, Херсон, Керчь и Таганрог. Пресекать нелегальные поставки горцам стали с 1830 года, правила же и инструкции по организации и исполнению блокады император Николай I окончательно утвердил в 1832 году. Разумеется, и о блокаде, и о её правилах объявили заблаговременно, уведомив все заинтересованные стороны по дипломатическим каналам. И уж к 1836 году мореплаватели и коммерсанты прекрасно знали, что и где им разрешено или запрещено.

Оружие для черкесов

Если в Европе историю с задержанием шхуны «Виксен» освещали широко, то российская публика узнала о ней лишь полвека спустя, когда в 1886 году статью про этот казус опубликовал в «Морском сборнике» Павел Вульф, сын командира брига «Аякс» Николая Вульфа. До того писать про этот случай в России воспрещала цензура, хотя никакой тайны в том не было, а преследование нашими военными судами «турецких кочерм и захват мелких судов, уличавшихся как-либо в запрещённых сношениях с горцами Кавказа, считалось делом обыденным», — сообщал «Морской сборник».

Первую информацию об этом захвате вышестоящие инстанции получили из рапорта контр-адмирала Самуила Эсмонта, отряд кораблей которого крейсировал между Геленджиком и Сухум-Кале. В его задачу как раз и входила блокада побережья. Адмирал доложил, что «12-го числа сего ноября в 5 часов пополудни при свежем ветре прошла в виду Геленджика по направлению к Суджукской бухте шхуна, флага которой по пасмурности видно не было. Посему я в то же время предписал командиру брига «Аякс» капитан-лейтенанту Вульфу сняться немедленно с якоря и следовать за тою шхуною и, догнав её или застигнув где на якорю, привести на здешний рейд для подробного на основании инструкции исследования».

Подробности же операции по захвату

Как захват английской шхуны «Виксен» едва не стал поводом для войны между Англией и Россией

И.К. Айвазовский. Десант Н.Н. Раевского в Субаши. 1839 г.

нарушителя в своей публикации изложил Павел Вульф, сын командира брига «Аякс». Когда шхуна была замечена, капитан-лейтенанту Николаю Вульфу было приказано «вступить под парус и следовать за неизвестною шхуной... употребить всю возможность догнать её и привести на геленджикский рейд; в случае малейшего с её стороны сопротивления употребить силу оружия». Из-за сильного «свежего противного» ветра командир «Аякса» не смог исполнить приказ немедленно: бригу удалось выйти в открытое море лишь в 9 часов утра следующего дня. Но и в тот день нарушителя не удалось настичь из-за того же мощного встречного ветра и разывавшейся бури. Лишь 14 (26) ноября 1836 года бриг «Аякс» достиг Суджукской бухты, где, став на якорь, «увидел на глубине бухты также стоящее на якоре двухмачтовое судно». Но вновь помешала буря и, рапортовал Вульф, он «должен был оставаться на якорю и только после полдня, при переменившемся тогда ветре, мог приблизиться к неизвестному судну и тогда увидел, что это была купеческая шхуна под английским флагом». Военные моряки действовали строго по инструкции: сначала дали предупредительный пушечный выстрел и затребовали шкипера. Последний, пожаловав на бриг, «на французском языке объяснил, что прибыл из Константинополя с купцом Бель (Белл) и грузом соли, с коммерческой целью, а на предложение командира следовать за бригом в Геленджик решительно отказался, заявив, что он зависит от вышеупомянутого купца Бель». Но тот как раз возвращался на шлюпке с берега на шхуну «и не медля доставлен на бриг». Купец, повторив легенду шкипера, кочевряжился уже не стал и «тотчас же изъявил согласие идти в Геленджик». Но поскольку был уже вечер и сильный штормовой ветер не давал сняться с якоря, выход пришлось отложить до утра, приняв меры предосторожности: бриг остался на рейде возле шхуны и, «чтобы она не сообщалась более с берегом, учредил за нею надзор и взял к себе за аманата (заложника. — Авт.) хозяина груза, купца Бель». 15 (27) ноября оба судна снялись с якоря и в тот же день прибыли в Геленджик.

В своём рапорте адмиралу Эсмонту коман-

дир брига доложил, что «в течение 12 и 13 числа шхуна имела сообщение с горцами и, пока бриг не мог к ней приблизиться, со шхуны успели сгрузить часть груза». Ещё, как подозревал капитан-лейтенант Вульф, «хозяин груза, называющийся купцом, судя по форме его одежды, должен быть каким-либо чиновником английского королевства». Хотя чисто формально Джеймс Станислав Белл (James Stanislaus Bell) — так правильно звучало имя хозяина груза — государственным чиновником вроде бы не являлся, по сути прозорливый офицер оказался не столь уж далёк от истины. При досмотре шхуны ничего запрещённого не обнаружили, кроме груза соли, часть которой, мол, выгрузили горцам. Но соль тоже входила в список запрещённых поставок. К тому же у досматривавших шхуну вызвало недоумение то, что на месте оказалась вся значившаяся по документам соль — сто тонн, хотя что-то с корабля сгрузили. Что именно?

Как резонно предположили русские моряки, скорее всего, оружие. Согласно судовым документам шхуна должна была иметь четыре орудия, которые несомненно на ней и находились. Но, как рапортовал адмирал Лазарев начальнику Главного морского штаба и морскому министру Меншикову, на шхуне «налицо только 2 орудия, других же 2 не оказалось, и подозревать должно, не переданы ли оные горцам, к чему было достаточно времени...». Дополнительное обследование показало: в её кормовой части ранее был ещё некий груз, 20–30 тонн, который «или оставлен где-нибудь на берегу Абхазии или же брошен в море». Поскольку стало ясно, «что свежено было нечто, что экипаж шхуны старается скрыть», то решили задержать судно до завершения полного дознания. Одновременно адмирал Эмонт запросил командующего войсками Кавказской линии генерал-лейтенанта Вельяминова и комендантов Анапской и Геленджикской крепостей задействовать свою агентуру, постаравшись, «буде это возможно, узнать через лазутчиков или приверженных нам горцев, не имела ли команда поименованной шхуны какого неправомерно-го торга с жителями, а в особенности оружием, или огнестрельными снарядами». Шхуну отконвоировали в Геленджик, оттуда в Севастополь, задержав его под формальным предлогом прохождения чумного карантина. Впрочем, пройти этот карантин шхуна всё равно была обязана, поскольку прибыла из

Константинополя, где свирепствовала чума.

Вскоре по дипломатическим каналам из Константинополя пришла агентурная информация: шхуна «Виксен» отправилась к кавказским берегам именно с задачей прорыва блокады, и «что на судне сем находится оружие для продажи черкесам, что оружие то спрятано в низу трюма и покрыто солью». Тогда же «компетентные органы» перехватили и секретное донесение французского консула в Одессе в Париж, где говорилось, что «к берегам Черкесии около Суджук-Кале причалило английское судно, нагруженное товарами для местного сбыта и оружием». Консул довольно точно и детально описал историю задержания «Виксена» за нарушение блокады, особо подчеркнув, что при задержании пресловутый Белл заявил командиру брига, что «король никогда не признавал блокаду берегов Черкесии, что он протестует и будет противиться всеми возможными для него средствами насилия». Самое «вкусное» французский консул приберёт на десерт, сообщив, что «захваченное у берегов Черкесии судно было умышленно туда направлено лордом Понсонби (британский посол в Турции. — Авт.), а следовательно, и английским правительством с целью решительно и остро поставить вопрос о блокаде и пересмотреть его». Одним словом, речь шла о спланированной англичанами провокации: если русские захватят наше судно, мы обвиним их в пиратстве и учиним скандал, если упустят — продолжим снабжать черкесов оружием!

Подтверждала это и заметка о путешествии шхуны «Виксен» к кавказским берегам, опубликованная британской газетой Morning Chronicle ещё 8 (20) декабря 1836 года (опубликована в переводе на русский в 1955 году): «Шхуна «Виксен» (владельцы — мистеры Белл и Андерсон) 17-го сего месяца отплыла из Константинополя с инструкцией прорвать блокаду... установленную Россией у берегов Черкесии... Груз судна состоит, главным образом, из пороха — статьи, запрещённой русским тарифом, но именно поэтому тем более [этот факт] высоко оценивается с точки зрения решительного характера эксперимента, т.к. это даёт возможность испытать законность [установленной] блокады...»

Вскоре российский посол в Константинополе Аполлинарий Бутенёв доложил по инстанции, что «вне всякого сомнения английское судно... было нагружено солью, под солью тайно были положены боевые припасы», а отправлено оно к берегам Черкесии с единственной целью: спровоцировать англо-русский конфликт. Ни малейшего сомнения не вызывает факт, писал посол, что отправка «Виксена» «состоялась под непосредственным влиянием английского посла в Константинополе», причём одновременно «различные британские эмиссары были направлены в те места, чтобы возбуждать восстания и раздавать горцам боевые припасы и убеждать их в том, что Порты не отказалась от своих исторических сюзеренных прав над ними и что иностранные державы поддерживают их».

Вскоре уже исправляющий должность коменданта Анапской крепости подполковник артиллерии Маклаков «донёс секретно», что через «бежавшего от горцев, находившегося у них в плену анапского артиллерийского гарнизона канонира Алексея Малахова» стало известно: в ноябре в Суджукскую бухту действительно приходило «из турецких владений» судно, доставившее горцам значительное количество соли и, самое главное, оружие и боеприпасы — четыре медных турецких орудия трёхфунтового калибра, четыре орудия шестифунтового калибра, «ружей и шашек весьма много и порошу 200 боченков, весом в каждом по 4 пуда». — Такого количества хватило бы более чем на миллион ружейных выстрелов!

Но сведения относительно оружия и пороха пришить к делу было сложно, потому мудро рассудили, что про него публично лучше не упоминать, но «Виксен» всё равно злонамеренно нарушил установленные русским правительством правила: таможенно и карантина не прошёл, в запретную бухту вошёл, выгрузил горцам соль – тоже чистой воды контрабанда. Николай I приказал объявить пойманную английскую шхуну «правильным военным призом», конфисковав её вместе с грузом. Экипаж шхуны и хозяина груза отправили в Одессу, а оттуда в Константинополь – за счёт казны. Судно же переименовали в «Суджук-Кале», включив в состав Черноморского флота. Сначала его использовали как транспортное, потом вооружили 10 орудиями и оно продолжило нести службу как боевой корабль.

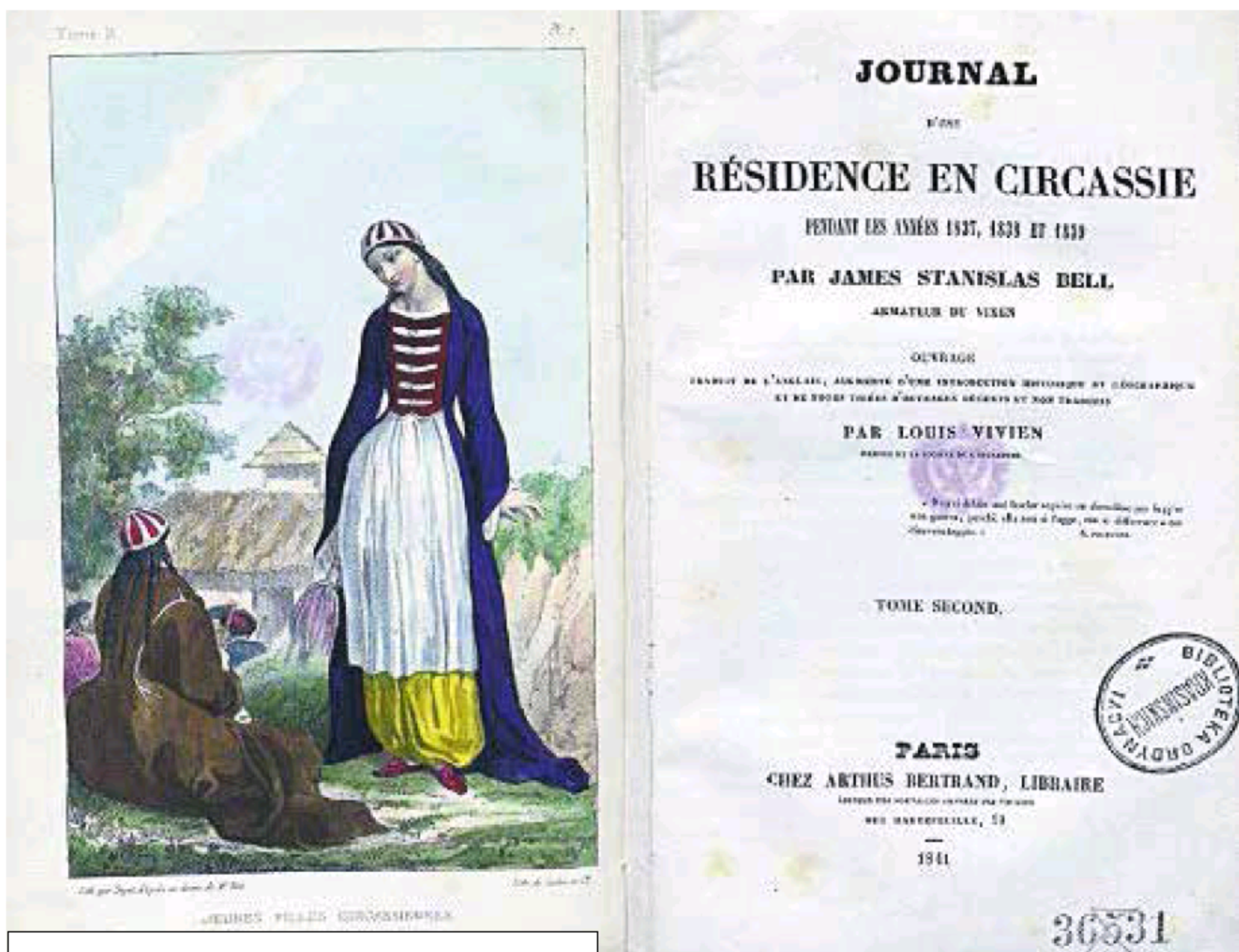
Отметили и тех, кто захватил контрабандистов. Как поведал Павел Вульф, его отец Николай Павлович Вульф за поимку шхуны был представлен к ордену Святой Анны 2-й степени с короной и 5000 рублей призовых денег – для капитан-лейтенанта сумма эта по тем временам была колоссальной, превышавшей пятилетнее жалование контр-адмирала! (Кстати, Николай Вульф дослужился до контр-адмирала, участвовал в обороне Севастополя, его сын Павел тоже получил эполеты контр-адмирала, а внук, лейтенант Владимир Павлович Вульф, погиб в Русско-японскую войну на броненосце «Петропавловск», взорвавшемся на внешнем рейде Порт-Артура.)

«Черкесский барьер» Лондона

Между тем банальное, казалось бы, задержание контрабандиста стало мировой сенсацией и спровоцировало грандиозный международный скандал, едва не вылившийся в войну между Англией и Россией. Британская общественность бурно возмущалась «дерзким пиратским актом» против мирного судна, призывая «покарать захватчика», поскольку «владычице морей» непристойно взирать, как Россия «покушается на нашу торговлю». Дошло до бурных дебатов в палате общин, где даже прозвучало, что когда «Виксен» бросил якорь в Суджукской бухте, то русский бриг, мол, вошёл в бухту как раз в тот момент, когда владелец груза шхуны «и несколько офицеров, высадившиеся на берег, вели переговоры с черкесскими властями относительно размеров требуемой последними пошлины со стоимости груза...». Да уж, черкесская таможня – это сильно, но ведь британская публика на эту чушь повелась! Попутно газеты живописали про «зверства русских войск в Черкесии», публиковались статьи о неправомерности русской блокады, утверждая, что черкесское побережье вовсе не русская территория...

Министр иностранных дел Великобритании лорд Пальмерстон потребовал от русского правительства «указать мотивы, на основании которых оно сочло себя вправе в мирное время наложить арест на торговое судно, принадлежащее британскому подданному». Чуть позже лорд уценил сцену русскому послу в Лондоне графу Поццо ди Борго: «Да, Европа слишком долго спала, – кричал он на посла. – Она наконец пробуждается, чтобы положить конец системе захватов, которые император желает предпринять на всех границах своей обширной империи». Много лет спустя, когда Пальмерстон был уже премьер-министром, он с сожалением заявил: «Захват «Виксена» был прекрасным поводом для нападения. Тогда англичане могли бы нанести России сокрушительное поражение». Цинично заметив, что «суть вопроса не в том, имеет ли Россия право владеть побережьем, а в том, выгодно ли это нам. Британские интересы превыше законов и справедливости, ибо они и есть законы и справедливость»

Интересы у Британии в том регионе действительно были серьезные. По данным издания The Free Press, отказ от прав торговли с Черкесией обошелся Англии в 100 тысяч фунтов стерлингов ежегодно. Всего же британский экспорт в гавани Чёрного моря достигал тогда двух миллионов фунтов стерлингов. Но не только в деньгах было дело: «владычица морей» имела свои виды на турецкое «наследие», рассматривая Черкесию как барьер на пути возможной экспансии России. «Когда черкесы будут побеждены, – уверял журнал The Edinburgh Review, – Кавказ будет открыт, и Персия окажется предоставленной милости Санкт-Петербурга. ...В результате мы увидим, как границы России одним махом придвинутся на 1200 миль к нашим индийским грани-

Форзац книги Джеймса Белла о его нелегальной миссии на Кавказе

цам». Трудно спорить с тем, что в том регионе действительно пересеклись стратегические интересы трёх империй – Российской, Османской и Британской, и уже потому Кавказ никак не мог остаться нейтральным. Воевать же с горцами России пришлось прежде всего для обеспечения своих коммуникаций с Грузией и, как пишет автор современного труда о Кавказской войне Яков Гордин, «обеспечивая тыл и фланг в противостоянии с историческим противником – Турцией».

По Адрианопольскому мирному договору 1829 года восточное побережье Чёрного моря отходило к Российской империи. По тогдашним международным нормам Россия получала права на эти территории, потому что формально черкесские князья были вассалами Турции. Сами горцы полагали иначе. «О неверные русские, враги истинной религии! – писали старейшины убытков русскому командованию. – Если вы говорите, что наш падишах дал вам эти горы, то он нас не уведомил, что отдал вам нас лично; и если бы мы знали, что эти земли вам отданы, то не остались бы на них жить. Мы имеем посланных от султана Махмуда, Мегмет-Али-паши, королей английского и французского. [...] Мы поклялись нашею верою и уведомляем вас о том, что мы не исполним того, что в вашей бумаге написано. Бог будет за нас или за вас!»

Да и сами турки, привыкнув считать Кавказ за свой «огород», чихать хотели на запрет султана снабжать горцев оружием. Но никакой благотворительностью здесь не пахло: «гуманитарные конвои» через Чёрное море были чрезвычайно выгодны, поскольку поставляемый горцами товар был очень востребован – невольники. К тому времени Кавказ оставался едва ли не последним источником поступления «белых» рабов на турецкие рынки. И завоевание Россией Кавказа на корню подрезало вывоз черкесского «живого товара» в Турцию. «Можно положить, – сообщал один из документов того времени, – что из Черкесии вывозят ежегодно до четырёх тысяч невольников и невольниц в разные места Турции». Конечно, с Кавказа вывозили не только рабов, но именно «торг невольниками, – сообщал в своём рапорте капитан-лейтенант Владимир Полянский, командир брига «Пегас», – ...составляет ныне главный артикул

их торговли». Насколько всё это было выгодно, в своём «Дневнике пребывания в Черкесии» откровенно поведал Джеймс Белл – тот самый, кто снарядил шхуну «Виксен»: «Цена на них (невольников. – Авт.) на рынке сейчас, – писал Белл, – ...составляет от трёх до пяти фунтов стерлингов (от семидесяти пяти до ста двадцати пяти франков), что может свидетельствовать, что этот товар имеет большой спрос». И ведь это цены собственно в Черкесии, а на турецких рынках они были в разы выше. Выходит, что лишь на вывозе невольников горцы ежегодно выручали до 20 тысяч фунтов стерлингов? Много это или мало, считайте сами: фунт стерлингов тогда «весил» до 6½ золотых рублей...

Купец-диверсант

Но британцы снабжали черкесов оружием главным образом с целью как можно дольше затянуть Кавказскую войну, обессилив Россию и отвлекая её от дел европейских и попыток выйти на подступы к британской Индии. «Если Персия является заставой Индии, то ещё в большей мере ею является Черкесия, которая защищает Афганистан и которая наравне с Персией защищает и Индию». – Эти слова принадлежат Дэвиду Уркарту (David Urquhart, иногда его фамилию пишут как Уркварт), британскому дипломату, политику и разведчику. Именно он и стал организатором авантюры со шхуной «Виксен».

Жизненная эволюция этого персонажа интересна. Уроженец Шотландии, он в 1827 году волонтером отправился воевать за независимость Греции. Но позже вдруг стал поклонником всего турецкого и ненавистником России, «заболев» черкесским вопросом. В июле 1834 года на яхте «Мисиф» он прибыл к черкесским берегам и высадился в Суджукской бухте, где горцы восторженно приняли его как настоящего посланца английского короля. Впрочем, так оно и было, поскольку идею создания «черкесского барьера» одобрил британский король Вильгельм IV. Призвав горцев к всеобщему восстанию против российского правительства, Уркарт подарил черкесам зелёное знамя с пучком стрел и звёздами, символизировавшее борьбу за «независимую Черкесию»

Карта Кавказского побережья, сделанная в 1840 году британским разведчиком Джеймсом Беллом

и обещал им военную помощь европейских держав. Наградой за эту миссию стал пост секретаря английского посольства в Константинополе, полученный Уркарт в 1835 году. Именно Дауд-бей, как его прозвали горцы, и проложил ту незарастающую «английскую тропу» к черкесам, по которой оружие и снаряжение потекли к ним уже систематически. Уркарт не только организует «гуманитарные конвои» с оружием в Черкесию, но и сам не гнушается нелегальных поездок туда, невзирая на свой дипломатический ранг. Очередную рекогносцировку он совершил в июне 1836 года, выбрав место для прибытия шхуны «Виксен» и время: она появилась аккурат в момент максимального накала полемики в британских политических кругах вокруг черкесского вопроса

Ещё дипломат его величества руководит деятельностью своих эмиссаров, которые внушали горцам несбыточные надежды на то, что Англия вот-вот объявит войну России и пришлёт свой могучий флот к кавказским берегам. Помимо функций пропагандистских и разведывательных, эти эмиссары исполняли порой и обязанности инструкторов-диверсантов.

Одним из них и был тот Джеймс Белл, что снарядил «Виксен». Выходец из богатой банкирской шотландской семьи, Белл на госслужбе формально не состоял, имея репутацию авантюриста, занимавшегося как коммерцией, так и политикой. В 1833 году он отметился в качестве... португальского консула в Глазго, где в этом качестве вербовал наёмников для участия в гражданской войне в Португалии, потом объявился и в Османской империи. Его вполне можно назвать не только разведчиком, работавшим под «крышей» купца-коммерсанта, но, как показали дальнейшие события, ещё и полноценным диверсантом.

«На следующий день по моему прибытию в Константинополь, после пленения Vixen, – писал он в своём дневнике, – я принял решение вернуться в Черкесию, дабы там пополнить исследования, столь печально прерванные». В новое «исследование» он отправился на турецком судне уже 20 марта (1 апреля) 1837 года, «предусмотрев взять с собою немалый ассортимент подарков, таких как ружья, сабли» и основательный запас пороха. Компанию ему составил Джон Лонгворт, трудившийся под «крышей» корреспондента газеты Morning Chronicle. Прибыв к горцам, британцы организовали, как значится в документах, «постоянное и правильное сношение с портом Самсунским».

Петербург отдал предписание захватить «этого злобного английского банкрота, который мечется как чума из угла в угол». Но, как рапортовал командир Черноморской береговой линии генерал Раевский, «захватить живыми сих англичан, всегда вооружённых и тщательно охраняемых кунаками, почти невозможно». Их можно тайно убить, «но и предложить таковую меру постыдно». Потому генерал предложил торжественно объявить их нарушителями общего спокойствия, обнародовав «оценку головы их». Оговорившись, что «если великодушное правительство желает оказать им последнее снисхождение, то, уведомив их о сей мере, можно дозволить им свободный выезд из гор». Император предложение Раевского одобрил, и за живых англичан была назначена награда по 500 червонцев за каждого. Впрочем, инструкция допускала и физическое устранение, не оговаривая конкретной цены: «голова их, как преступников, будут оценены». Но премия так и осталась невостребованной: британский агент пробыл в Черкесии три года, став разработчиком плана ряда операций по разгрому русских фортов на Черноморском побережье...

Войны же из-за «Виксена» в 1837 году удалось избежать. Дабы Лондон не потерял лицо, ответственность за провокацию возложили только на Белла, который и так партизанил в черкесских аулах. Без особой огласки Петербург согласился несколько изменить в пользу англичан таможенные тарифы, но возвращать шхуну категорически отказался. Лорд Пальмерстон на словах согласился с тем, что если Черкесия даже и не принадлежит России, то Суджук-Кале – точно российская территория, и «правительство Его Величества не находит достаточных оснований оспаривать право России на арест и конфискацию судна «Виксен». Уркорта отозвали из Константинополя, уволив с государственной службы, хотя засылку своих агентов к горцам и поставки им военного имущества англичане так и не прекратили.

КОНЦЫ В ВОДУ

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Коррупция по-флотски: почему император Николай I с ней не справился

В шестом часу вечера 8 октября (по старому стилю) 1831 года в крытой камере 84-пушечного линейного корабля «Фершампенуаз», стоявшего на Малом Кронштадтском рейде при входе в гавань, раздался взрыв. Затем полыхнул пожар, корабль выгорел до днища. Погибли 48 членов экипажа и поручик корпуса морской артиллерии не из состава экипажа, пытавшийся спасти утопающих.

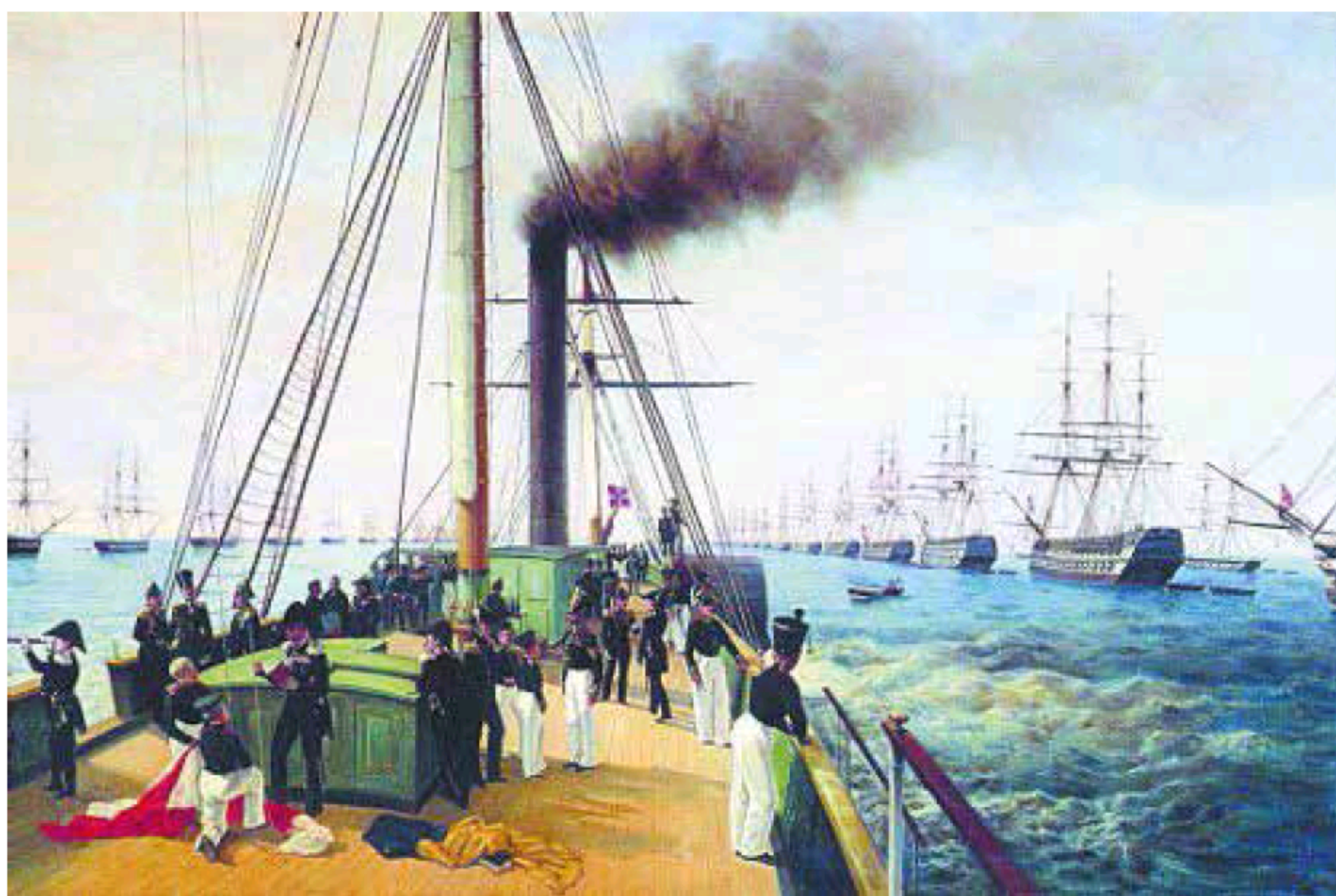
Сгоревший корабль с труднопроизносимым именем (он получил его в память сражения 1814 года союзных и французских войск у местечка Фер-Шампенуаз) только что вернулся из Средиземноморья, где входил в состав русской эскадры. Буквально накануне, как того и требовали правила, с него полностью выгрузили, перевезли на берег и сдали на артиллерийский магазин (склад) весь боезапас: порох, ящики с бомбами и брендскутелями, патроны для ружей и пистолетов. После выгрузки крытой-камеры начисто вымыли от пороховой пыли.

Трудно описать гнев императора Николая I, которому донесли о гибели одного из самых лучших кораблей у домашней причальной стенки. Когда же государь узнал, что «Фершампенуаз» нёс на своём борту ещё и некий груз бумаг деликатного свойства, его негодование переросло в твёрдую уверенность: корабль умышленно сожгли, чтобы те бумаги уничтожить! Лишь в 1855 году историограф российского флота Александр Петрович Соколов в своей «Летописи крушений и пожаров судов Русского флота от начала его по 1854 год» приоткрыл завесу над тем, что считалось страшной государственной тайной: «В числе других корабельных и экипажеских дел, сгорел архив хозяйственной части плавания эскадры в Греческих водах, находившийся на корабле для доставления в Россию». Это стало первым дозволенным цензурой упоминанием того, что именно было на борту сгоревшего «Фершампенуаза». Что позволяет по-иному взглянуть на причины, вынудившие императора обратить свой знаменитый «взгляд Василиска» на дело о гибели «Фершампенуаза». Когда контр-адмирал Михаил Лазарев доложил императору выводы комиссии о том, что пожар возник из-за самовозгорания, Николай в ответ заявил: «А я тебе говорю, что корабль сожгли!»

Интендантские тайны

Поход эскадры Гейдена вошёл в историю как Третья Архипелагская экспедиция. Архипелагская – потому что действовала русская эскадра в районе Архипелага, как тогда именовали многочисленные греческие острова Эгейского моря. Начало ей было положено летом 1827 года, когда в разгар войны греков за свою независимость, согласно подписанному в Лондоне трактату, эскадры Великобритании, России и Франции двинулись в «горячую точку». Как гласило подписанное Николаем предписание, российские корабли должны были «наблюдать строгое крейсирование таким образом, чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать морем как из турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществование войсками или судами и припасами противу греческих сил...». Разрешено было употребить силу и если османы «покусятся силою воспрепятствовать союзным державам исполнить роль примирителей». Далее, как известно, был разгром турецко-египетской эскадры в Наварине, Русско-турецкая война 1828–1829 годов, блокада Дарданелл, борьба с пиратством, участие уже в гражданской войне в Греции... Опираясь на Мальту, позже перенесла базу на греческий остров Порос, русская эскадра крейсировала в Средиземноморье до 1833 года. В сентябре 1828 года к ней прибыл «Фершампенуаз»...

Действуя, как сказали бы ныне, на комму-

Смотр Балтийского флота Николаем I. Алексей Боголюбов. 1848. Точно так же Николай I провожал эскадру в средиземноморскую экспедицию в 1827 году

никациях противника, российские моряки, как это водится в военное время, захватывали и торговые суда под флагом противника, да и вообще всех, кто пытался прорвать объявленную блокаду. В полном соответствии с действовавшим тогда морским правом, захваченное признавалось законным призом, а с призами поступали так, как это было принято. Самые хорошие суда, если была возможность, использовали в качестве вспомогательных. Прочие, сняв вооружение и всё мало-мальски ценное, продавали по сходной цене, нередко его же владельцам. Груз также шёл с торгов. Про вооружение, военные припасы и снаряжение с амуницией и говорить нечего: изымалось всё, вплоть до последнего ржавого ятагана. Что же касается пленённого экипажа, с ним могли поступить по-разному. Если это был «официальный» военный корабль, пленных могли передать союзникам или отпустить восвояси. Командам «нейтралов» ничего не грозило, не считая конфискации груза и, возможно, судна. А вот что делали с экипажами разбойных галер, шебек, тартан и прочих фелюк, история умалчивает. Не исключено, что их путь, в духе традиций и времени, лежал на ближайший невольничий рынок. Туда же отправлялись гребцы-невольники и находившийся на борту «живой товар». Если кто думает, что «освобождённых» женщин Востока из какого-нибудь гарема ждала иная судьба, ошибается. Разве лишь могли освободить насильно вывозимых в Египет греков. Основная часть вырученного за призы распределялась между судовыми командами; если эскадра действовала вместе с союзниками, доля добычи выделялась и им.

Стоит ли сомневаться, что львиная часть этих «внебюджетных» средств растекалась по карманам и зарукавам тех, кто непосредственно осуществлял все эти операции по реализации трофеев, флотских интендантов? Так что бухгалтерия на кораблях эскадры была даже не двойной, а тройной или пятерной, не обо всех трофеях доносилось, не всё фиксировалось в корабельной документации, если вообще фиксировалось. Знали ли об этом офицеры? А как же, хотя и фрагментарно. Но молчали, никогда не вынося сор из семейной избы. Это была самая спаянная каста Российской империи: флот был ещё невелик, а офицеров на нём не так уж много,

да и все они знали друг друга со времён Морского кадетского корпуса, нередко и служили целыми семейными династиями. Это и была семья, а что в ней есть урод, ни в жисть не признали бы, да и доносительство у флотских не почиталось. К тому же офицеров, героев Наварина, не интересовало, откуда у них в карманах вдруг начинали звенеть «внебюджетные» червонцы. И кто их осудит? В конце концов, разве не требовали возмещения тяготы жизни – при их полунищенском содержании, ужасающих условиях корабельного быта, не говоря уже про смертельный риск, которому моряки подвергались не только в бою, но даже просто выходя в море на дающих течь прогнивших кораблях?

Но если офицерам «внебюджетные» червонцы и перепали, жизнь нижних чинов оставалась столь ужасающей, что 27 декабря 1827 года на линейном корабле «Александр Невский», стоявшем в мальтийском порту, вспыхнул бунт. Матросы предъявили претензии ревизору, лейтенанту Алексею Бехтеву, который, как следует из рапорта Гейдена в Морской штаб, «отбирал из общего приёма лучшую зелень и мясо для кают-компанийского стола». Ревизор, выбираемый офицерами корабля, – корабельный интендант, отвечавший, среди прочего, за приём провизии и её сохранность, за содержание свежей воды, наблюдал, «чтоб привозимая с берега свежая провизия и зелень были лучшего качества и в определённом количестве, и чтоб раздавались по артелям правильно». Как же надо было достать боевых моряков, отличившихся при Наварине, – не из-за пучка же редиски они взбунтовались, в самом деле!

Эскадра, меняя состав, крейсировала в Архипелаге до 1833 года, но о её службе после Наварина не пишут практически ничего, словно она совершала курортный круиз. Может удивить и мизерное наличие информации о призах, словно после Наварина всё судоходство в Средиземноморье, ранее интенсивное, вдруг разом прекратилось. Но ведь во время предыдущих Архипелагских экспедиций призы исчислялись десятками, а с того времени мореходство в регионе стало лишь интенсивнее. Всё просто до банальности: настолько же интенсивнее стали применяться и методы сокрытия информации. Хотя кое-что просачивалось.

Так, в конце апреля 1828 года корабли эскадры захватили египетский корвет «Насаби сабах» – практически новый, в отличном состоянии, построенный из лучшего дубового леса, обшитый медью в подводной части, с новёхонькими английскими орудиями. Корвет был признан законным призом. Но когда началась инвентаризация, тут же и обнаружилось, что корвет содер-

жался в столь ужасном состоянии, что ему необходима дезинфекция. Для чего его отвели к маленькому острову близ Пороса, дабы разгрузить без лишних глаз. По официальной версии, извлечённые из трюма тюки с одеждой, ковры, шали и кожаные изделия «предали пламени», сожгли. Особенно «верится» в сожжение ковров, которые потом устилали адмиральские каюты и каюты командиров кораблей эскадры. Кстати, при той дезинфекции из трюмов извлекли 2000 дохлых крыс: не странно ли, что крыс считали до последнего хвоста, а дорогие «сожжённые» ковры отчего-то не сочли... Неведомо куда испарился и другой ликвидный груз: в трюме корабля оказалось много «военных снарядов», а также семь тысяч ружей. Что с ними было дальше, скромно умалчивается. Ещё известно, что за первую половину 1829 года стоимость изъятой контрабанды, по оценкам призовой комиссии, составила 72,5 тысячи рублей. Скромно? Да как сказать, хватило бы на выплату годового жалованья всем офицерам эскадры. Но кто сказал, что это реальная оценка?

Мальтийские соколы

Впрочем, у флотских интендантов имелись и другие возможности позолотить ручку, например за счёт «усушки-утруски» средств, выделяемых на ремонт кораблей, питание и содержание личного состава. Разумеется, самые интересные «кунштюки» проворачивались на Мальте, где в 1827–1828 годах была стоянка эскадры. По указанию Петербурга местом починки русских кораблей первоначально предполагалось избрать порты Неаполитанского королевства, но, как написал в 1861 году в «Морском сборнике» его редактор, капитан-лейтенант Всеволод Мельницкий, адмирал Гейден предпочёл Мальту «по причинам богатства этого порта в сравнении с неаполитанскими». Красноречивая оговорка, особенно с учётом того, что все основные материалы для ремонта пришлось завозить из Англии, лес – с Адриатики, а матчевые деревья – из той же Англии и Неаполя.

Зато некто Жермэн, «богатый судостроитель мальтийского порта, по отзыву графа Гейдена, занимался починкою судов наших весьма ревностно, за весьма сходную цену, отказавшись от многих других заказов более выгодных, в надежде получить за своё усердие медаль от русского правительства». Как же, медаль! Кстати, весь новый стоячий такелаж, приобретённый на Мальте, непрерывно ломался. «Перепрел и перегорел в здешних магазинах», – неловко оправдывался в своих писаниях официальный историограф эскадры капитан-лейтенант Кадьян. Перепрел, а флотские интенданты этого не заметили?

Какие деньги крутились в деле ремонта на Мальте кораблей русской эскадры, даёт представление цитата из уже упомянутого Мельницкого: в марте 1828 года Гейден доносил, что «на удовлетворение английского адмиралтейства, за все исправления мачт, рангоута и якорей, взято у банкира Рочлера, в счёт нового кредитива, 12 000 ф. стер.» – сумма по тем временам колоссальная. Но куда интереснее такое примечание: «Во сколько же обошлась вообще вся починка и снабжение эскадры в Мальте, – из документов, которыми мы пользовались, не видно!» Так потому и не видно, что ехали они на «Фершампенуаз»...

Как свидетельствуют мальтийские истории, по итогам пребывания русской эскадры на Мальте озолотились даже самые бедные мальтийские рыбаки, причём в буквальном смысле: вместо скромных кипарисовых крестиков обзавелись огромными золотыми крестами на солидных золотых же цепурах. Именно тогда и было положено начало состоянию целого ряда мальтийских семейств, процветающих и ныне. Поверим, что щедрые флотские интенданты при этом забыли себя любимыми?

В 1829 году базу перенесли на греческий остров Порос. Это, конечно, не пуп цивилизации, но не потерялись и там. Вот свидетельство, в высшей степени красноречивое. В прощальном письме адмиралу Гейдену греческий президент Каподистрия писал, что «Порос был ещё недавно бедненьким местечком», не имевшим даже дорог, но «Ваше Превосходительство избрали этот порт местом для собрания флота, и вскорости этот остров оживился»: вознеслись «громадные строения», давшие «средства к честному

существованию многим рабочим людям и многим бедным и неимущим», а «город Порос принял благоприятный вид проложением дорог, украсился площадями и выстроенными набережными...». Сколько же золота с русской эскадры осело в этой дыре и неужели при этом к рукам флотских интендантов не пристала даже золотая пылинки?

Мытая крыйт-камера

Для хранения боезапаса на парусном корабле – пороховых зарядов для пушек, ружей и пистолетов предназначено специально сооружаемое помещение, крыйт-камера. Морской устав гласил, что крыйт-камера должна находиться ниже грузовой ватерлинии и быть снабжена кранами для впуска и выпуска воды. Сама она всегда строго изолировалась от соседних помещений, её наружную поверхность обшивали листами жести, стыки пропавивали, а внутреннюю поверхность зашивали свинцовыми пластинами и тоже пропавивали. Нижнюю часть крыйт-камеры также защищали жёстью и свинцовыми листами, поверх свинца всё помещение закрывали плотным войлоком. Вход в камеру представлял тамбур с двумя дверями, одну из которых дополнительно завешивали штормой из грубошёрстного сукна, чтобы воспрепятствовать проникновению воздушных потоков. Герметичность проверяли так: «в фонари пускают дым или жгут в них серу и, если заметят, что дым или серный запах проходит в крыйт-камеру, приказывают исправить их и вновь замазать скважины». Ключи от крыйт-камеры всегда хранились только у командира корабля, а при его съезде с корабля передавались старшему офицеру. Любое отпирание крыйт-камеры – чётко выверенная и отработанная процедура с обязательным присутствием «офицера, для сего посланного».

Столь же дотошно Морской устав распиывает все этапы и звенья погрузки пороха и бомбовых погребов, правила хранения, выдачи, регулярного осмотра, выгрузки и сдачи боезапаса в портовое артиллерийское ведомство. Особо оговорено, что при всех работах с порохом обязательно присутствуют офицеры, а при выгрузке пороха и снарядов «артиллерийский офицер заботится, чтобы крыйт-камеры были чисто вымыты и нигде не оставалось пороховой пыли. Осмотрев оная вместе со старшим офицером, он доносит о том командиру, который обязан лично осмотреть крыйт-камеры»

Данное Соколовым в «Летописи крушений и пожаров» описание пожара на линейном корабле «Фершампенуаз» с точки зрения известных нам уставных норм, правил и морских традиций выглядит нелепо. Что не случайно: Соколов – опытный морской офицер, прекрасно всё понимающий, но и цензуры никто не отменял. Вот он и написал так, что довёл официальную версию до абсурда: кто знает, тот поймёт. Итак, корабль на рейде, боезапас с него свезён, а крыйт-камера вычищена и вымыта. Фактический командир – Григорий фон Платер, но его произвели в контр-адмиралы, и, хотя он держит свой флаг на корабле, командует им уже вроде бы капитан-лейтенант Антон Барташевич. Который официально не утверждён и дел не принял, но свежий адмирал Платер спешит съехать на берег, что явно не соответствовало уставным нормам. «В это время, – сообщает Соколов, – приехал помощник капитана над портом, капитан 2 ранга Бурнашев, для осмотра крыйт-камер; он нашёл, что большая крыйт-камера не довольно хорошо вымыта, ибо в пазах много пороховой грязи, и, предложив командующему кораблём капитан-лейтенанту Барташевичу переменить её вновь, уехал. Это предложение было сделано в кают-кампании, где офицеры обедали, и Барташевич, отдав ключи «старшему артиллерийскому офицеру, поручику Тиббардину, приказал хорошенько переменить крыйт-камеру. Тиббардин тут же передал приказание цейхвахтеру (чин морской артиллерии, соответствующий 10-му классу по Табели о рангах. – Авт.) Мякишеву, и тот, взяв с собою пятерых канонеров (в помощь которым после ещё прислано пять), немедленно занялся этою работою».

Тут сразу несколько нелепостей. Первая: Барташевич в кают-компании – если он командир, его там быть не могло! В кают-компании распоряжается старший офицер, и командиру туда путь заказан, разве лишь по приглашению. Если Барташевич был в кают-компании, то командовал ли он кораблём?

Вторая: предлагается поверить, что капитан 2-го ранга Степан Бурнашев, матёрый морской волк, состоявший в службе с 1802 года, в кают-компании, куда его пригласили отобедать, во время трапезы дал указания по крыйт-камере. Но в кают-компании было нельзя даже заикаться о службе и служебных делах, а уж гость и подавно такого не мог сделать. Сказать же про плохо вымытую камеру, будучи гостем кают-компании, всё равно что облить хозяев помоями. Такого просто не могло быть. Далее нам предлагают поверить, что артиллерийский офицер Тиббардин, грубо нарушая Морской устав, не присутствовал при работах. И при их приёмке не было старшего офицера, а командир лично не осмотрел крыйт-камеру...

Пороховая пыль?

По официальной версии, работа по помывке крыйт-камеры уже завершалась, «как вдруг сделался взрыв, и из большой крыйт-камеры повалил густой дым». Наверху взрыва не слышали, но тем, кто был в кубрике, он послышался «как пушечный выстрел, но только полгече», другим послышался звук, «как упавшая бочка», третьим – «как удар в турецкий барабан». Из чего следует, заключение Соколов, «что взрыв не был силён». О причинах его один из канониров дал такие показания: осматривали полки, где хранились картузы (никаких картузов, напомним, да и вообще ничего в крыйт-камере уже не было), как «вдруг сделалось пламя над площадкой трапа» и все бросились из крыйт-камеры. Слишком много всего, чтобы могло быть правдой. Не говоря уже про то, что вышла вся помывочная команда канониров – в эпицентре взрыва! Да была ли эта помывка вообще? Официально утверждалось, что сама по себе (или от ручного фонаря) вспыхнула засевшая в щелях пороховая пыль. Но с трудом верится, что в герметичной крыйт-камере, дважды выдраенной, абсолютно пустой и влажной, могло оказаться столько пороховой пыли, чтобы она, даже вспыхнув, произвела столь мощный эффект.

Тушение же пожара, судя по описанию, и вовсе скорее похоже на саботаж: словно и не тушили, а ждали, пока не выгорит то, чему должно выгореть. Скажем, почему-то не задействовали для тушения помпы, откачивающие воду из трюмов. В совете офицеров было «положено прорубить и затопить корабль».

А потом на корабль прибыл контр-адмирал Платер, поведение которого с точки зрения здравого смысла и морских порядков не совсем понятно. Он долго не давал команды спасаться, хотя вокруг полыхавшего корабля уже было множество шлюпок, высланных для спасения людей, а спасти корабль уже не было ни малейшей надежды. Затопить его не успели: и ветер был не тот, и после отрубания носового кабельтова корабль заворотило вправо, после небольшого дрейфа он сел на мель близ Лесных ворот, в 10 саженях от гавани. Потом адмирал приказал спастись, но сам непонятно зачем заперся в своей каюте с корабельным доктором Корелиусом и боцманматом. Затем приказал боцманмату выбить раму и все трое спустились по концам – их заранее, что ли, вывесили.

Платера ответственным, разумеется, не признали: он же «был съехавши с корабля». Зато «к лишению живота» суд приговорил капитан-лейтенанта Барташевича, поручика

Слева направо: адмирал Григорий фон Платер, адмирал Михаил Лазарев, император Николай I

Тиббардина и цейхвахтера Мякишева. Но Аудиторский (то есть судебный) департамент Морского министерства Барташевича оправдал, а двух артиллеристов предложил «разжаловать в рядовые без выслуги». Адмиралтейств-совет оправдание Барташевича утвердить не решился, передав участь офицера «в милостивое воззрение государя императора», уже в его присутствии адмиралы предложили капитан-лейтенанта «извинить» и лишь «вменить в штраф бытие под судом».

Корабль сожгли, людей погубили, а виноватых, кроме пары артиллеристов, нет? Разъярённый император собственноручно наложил резолюцию: «Капитан-лейтенанта Барташевича, признавая виновным в пренебрежении к своей обязанности... от чего и последовала при пожаре корабля гибельная смерть 48 человек вверенного ему экипажа, разжаловать в матросы впредь до выслуги, а в прочем быть по сему». Артиллеристов разжаловали в рядовые, и дальнейшая их судьба неведома, а вот Барташевичу сослуживцы пропасть не дали: уже в 1834 году он вновь мичман, в 1837 году – капитан-лейтенант, переведён в 1-й Учебный морской экипаж, а затем командовал ластовыми (то есть береговыми) экипажами и умер в 1851 году в чине подполковника.

Герои распила

Но кто же реальные бенефициары этого распила? Имена их не стали достоянием публики, хотя сам Николай, безусловно, их узнал. Очевидно, те флотские интенданты, что ведали снабжением эскадры на Мальте и Поросе. Кто именно? Пробуем вычислить по старым справочникам и узнаём: интендантской частью на эскадре – на Мальте и Поросе – заведовал статский советник (чин 5-го класса) Сергей Михайлович Бровцын. Фигура любопытная: родился в 1779 году, в 1795 году окончил Морской корпус, служил на Балтике, участник нескольких войн и военных кампаний, в 1811 году удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса за выслугу, во время войны 1812 года командовал тихвинской дружиной Новгородского ополчения, с 1820 года – по Министерству финансов, затем в Морском министерстве, где был правителем канцелярии Адмиралтейств-коллегии. Затем – главный интендант Средиземноморской эскадры, а после – ...обер-интендант Черноморского флота! Свой человек, кто же его на съедение выдаст?

Но были птицы и покрупнее, без которых весь этот шахер-махер был невозможен в принципе: те, кто ведал довольствием для эскадры в Петербурге. Конкретно – директор соответствующего департамента Морского министерства – Комиссариатского. Во главе его с 1827 года служил Лев Александрович Симанский. Тоже фигура интересная – своими связями. Его папа, вице-адмирал Александр Лукич Симанский, в послужном списке которого тот же Морской кадетский корпус, участие в Первой Архипелагской экспедиции, командование придворной яхтой «Петергоф»... Не менее крут был и родной брат фигуранта, Лука Александрович: генерал-майор, герой войны 1812 года и zahraniчных походов, командир лейб-гвардии Измайловского полка, бывший даже адъютантом Николая I. Положим, доложили государю, что определённые подозрения могут иметь место, но ведь это сын и брат таких героев... Однако в 1836 году господина Симанского всё

же попросили с этого места, наградив следующим чином действительного статского советника. А кто его сменил? Да тот же Бровцын, уже генерал-майор. Шуку бросили в воду: Комиссариатский департамент Бровцын возглавлял до своей кончины в 1852 году, став к тому времени генерал-лейтенантом.

Если покопаться, отыщутся и те, кто отвечал за финансовый контроль морского ведомства, но расхитителей флотского имущества в особо крупных размерах отчего-то в упор не замечал. В интересующий нас период это Контрольный департамент морских отчётов, который до 1834 года возглавлял генерал-контролёр тайный советник Даниил Яковлевич Башуцкий. На очень и очень многое он закрывал глаза. Но тоже ведь оказался брат своего брата – генерала от инфантерии Павла Яковлевича Башуцкого, лейб-гвардейца, героя Фридрихсбурга, одно время командира всё того же лейб-гвардии Измайловского полка. А ещё – комендант Петербурга и «за полное усердие и преданность», обнаруженные во время событий на Сенатской площади, пожалован Николаем в генерал-адъютанты; судил декабристов, в воздаяние чего получил кресло сенатора. Преданнейший человек, исполнительный – прикажете тревожить его брата?! Тут нужно было дожидаться удобного времени, чтобы тихо спроводить в отставку, что и сделали, но лишь в 1836 году.

Иллюзия контроля

Было ещё одно контрольное ведомство, столь же удивительнейшим образом закрывшее глаза на хитрости флотских интендантов – специально созданная в Государственном контроле (аналог современной Счётной палаты) именно для «разбора полётов» Временная контрольная комиссия для счетов морского ведомства. Эту контору в 1831–1832 годах возглавлял статский советник Иван Дмитриевич Бардуков, кавалер орденов Св. Анны 2-й степени с алмазами, Св. Владимира 3-й степени и знака отличия беспорочной службы за XXXV лет. Ранее, ещё с екатерининских времён, он служил в Счётной экспедиции Адмиралтейств-коллегии, потом в Контрольном департаменте морских отчётов, дослужившись там до обер-контролёра...

Такие вот реалии авторитарного режима «жестокоего» Николая I: казалось бы, грозный самодержец, только пальцем шевельни, а ничего с коррупцией и коррупционерами поделаться не мог, даже со своим III отделением. Ещё до событий на Сенатской площади Николай восстановил против себя гвардию – она его ненавидела, а после 14 декабря 1825 года распевавшаяся по титулованной знатю. После «Фершампенуаз» вскрылось такое, но позволить себе конфронтацию ещё и со сплочённой кастой флотских офицеров Николай не мог: адмиралы не без греха, так ведь и служат-то как, и заговоров не учиняют, и миллионеров среди них нет. Император не мог себе позволить остаться в дураках, но не мог допустить и огласки, хотя по факту скандал был. Потому, как ему казалось, задача – получить информацию, чтобы контролировать. Но это оказалось иллюзией контроля, а деньги всё равно тратились так, что реальный контроль не предполагался – к бесконтрольности вело само устройство власти. Государю оставалось лишь знать, не делая резких телодвижений и ничего не расчёсывая – иначе до гангрены недалеко или до апоплексического удара табакеркой. ■

НЕВЕСТЫ ВЕСЁЛОГО РОДЖЕРА

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Это было во время Столетней войны между Францией и Англией. Тогда многие дворяне французской провинции Бретань выступали за независимость от французской короны. Англия, естественно, поддерживала сепаратистов. В 1343 году один из их предводителей, Оливье де Клиссон, отправился на переговоры в Париж, но там был предательски схвачен, обвинён в измене и обезглавлен.

Когда тело казнённого вернули семье, его вдова, Жанна де Бельвиль, позвала двух сыновей – младшему было только семь, – и перед отсечённой головой отца и мужа все трое поклялись мстить предателям-французам.

Сначала Жанна во главе отряда верных слуг нападала на замки своих врагов. Но королевские войска шли за ней по пятам, и тогда Жанна перенесла борьбу на море. По одной версии, она продала все свои драгоценности и на вырученные деньги снарядила три корабля. По другим сведениям, корабли ей предоставила Англия. Во всяком случае, точно известно, что у Жанны было каперское свидетельство английского короля Эдуарда III – разрешение нападать на корабли Франции и её союзников.

Так началась война ненависти на море, личная война Жанны де Бельвиль. Она сама вела свои корабли на поиски добычи, первой бросалась на abordаж, вела своих пиратов в атаку на прибрежные замки. На французском побережье её прозвали Клиссонской Львицей. Во всех сражениях сыновья следовали за матерью.

«Флот возмездия в Ла-Манше», как назвала Жанна свою эскадру, несколько лет подряд наносил Франции ощутимый урон. Король Филипп VI послал на борьбу с Жанной несколько лучших своих кораблей, но «флот возмездия» разбил и потопил их. Тогда король выставил против «морской львицы» настоящий военный флот. Корабли мстительной бретонки были захвачены один за другим, а её флагманское судно окружено. Казалось, спасения нет...

И всё-таки Жанне с сыновьями и несколькими матросами удалось сойти в лодку и скрыться. Но беглецов подстерегала смертельная опасность: утлый чёлн оказался в открытом море. Шесть дней и ночей волны носили лодку, беглецы изнывали от голода и, что ещё страшней, от жажды, которая переносится куда тяжелее посреди бескрайних вод. Младший сын умер на руках у матери. Его могилой стало море.

Наконец, показался берег. Но не английский, как надеялась Жанна, а всё та же Бретань. К счастью, ей удалось укрыться у верных друзей мужа. Власти были уверены, что с Клиссонской Львицей было покончено, и не искали её.

И всё-таки с Жанной-мстительницей было покончено. После тех страшных дней в открытом море, после гибели сына, огонь мести в душе Жанны выгорел, оставив лишь пепел. Через несколько лет она начала появляться на людях – уже как Жанна де Бентли, супруга знатного дворянина Готье де Бентли. А её старший сын Оливье де Клиссон сделался впоследствии коннетаблем, высшим сановником Франции, великодушным и беспощадным одновременно. Его замок и сегодня один из красивейших в Бретани.

Оборотни в эполетах

Место действия то же – пролив Ла-Манш, только двести лет спустя. Мореходы и купцы теперь не просто молились перед выходом в море, но писали завещания. В водах Ла-Манша появилась беспощадная морская

Кто сказал, что пиратство – не женский промысел, и что женщина на корабле приносит несчастье?

Капитан Редхед «Красавчик», на корабле которого под видом мужчин служили две женщины. Английские гравюры XVIII века

фурия, которая не только грабила и топила захваченные корабли, но и никогда не оставляла живых свидетелей.

Так продолжалось несколько лет. Однажды испанский галеон направлялся к английскому порту Фалмут. Только вошёл он в залив, как вдруг появился пиратский корабль и стремительно взял галеон на abordаж. Началась ужасная резня. И только капитану удалось спрятаться от пиратов. Из своего укрытия он видел, что пиратами верховодит молодая красивая женщина. Ночью капитан выбрался из укрытия и вплавь добрался до берега. Под утро он явился прямо к губернатору Фалмута – лорду Джону Киллигрю. Губернатор заверил испанца, что сейчас же примет меры по поимке пиратов. Тут к мужу и гостю присоединилась жена губернатора, леди Элизабет Киллигрю. Испанец чуть не вскрикнул – это была та самая предводительница пиратов! Разумеется, капитан промолчал, но сразу же отправился в Лондон, где и поведал всю правду.

Началось расследование. Оказалось, что Элизабет Киллигрю была дочерью знамени-

Адульфа четырнадцати лет и девятнадцатилетнюю дочь Грейс. Старейшины клана уже собирались провозгласить преемником недоросля Адульфа, как вдруг появилась Грейс и сообщила, что у неё не меньше прав стать предводительницей клана, чем у Адульфа. И верно, она давно ходила в море и сражалась наравне со взрослыми мужчинами. По обычаю, такие споры разрешались поединком. Брат и сестра скрестили мечи (по другим источникам, они сражались на ножах). Победила девушка. Так Грейс О'Мейл стала главой клана.

С тех пор торговым судам не было спасения в этих водах. Легкие баркасы вылетали из укрытий и быстро настигали купцов. Стрелять по ним из пушек было всё равно что палить по воробьям. Настигнув добычу, пираты шли на abordаж. Впереди была Грейс с развевающимися волосами и с саблей в руке. Пираты грузили добычу на свои баркасы, а захваченное судно вместе с командой топили.

В остальном Грейс была обыкновенной женщиной: вышла замуж за вождя влиятельного клана, тоже пирата, обзавелась тремя ребятишками, овдовела. Второй муж Грейс тоже был пиратом, его звали Ричард Берк, по прозвищу Железный, потому что он всегда носил под одеждой кольчугу.

Грейс была беременна четвертым ребенком, но всё равно выходила на промысел. Ей стало не нравиться, что муж проявляет самостоятельность. Развод по-пиратски выглядел так: Грейс захватила замок мужа, а его самого выгнала вон. И вдобавок взяла себе любовника – пленного испанца.

В это время власти и судовладельцы искали способ разделаться с Грейс. Для этой цели им очень пригодился отвергнутый муж, Ричард Берк. Он прекрасно знал повадки своей жены, места стоянок, подступы к замку. После стремительной операции Грейс была захвачена и отправлена в местную тюрьму. Но она недолго томила в заточении – пираты отбили пленницу.

Имя Грейс О'Мейл дошло, наконец, до слуха королевы. Елизавета I поступила неожиданным образом: она пригласила Грейс в гости, обещая ей полную неприкосновенность. И Грейс приняла приглашение и отправилась в Лондон. Королева приняла ирландку и предложила то, что предлагала многим морякам: пиратствовать, но не грабить своих и делиться добычей с короной. Соглашались с таким предложением знаменитые капитаны и адмиралы, да ещё и благодарили за милость. Но не Грейс О'Мейл! Упрямая ирландка сказала «нет» самой королеве. Елизавета была возмущена, обещание тотчас забыто, и Грейс отправилась в тюрьму.

Полтора года Грейс просидела в тюрьме и наконец дала клятву покончить с пиратством, если её отпустят на свободу. Но как только она оказалась в родной Ирландии, опять принялась за старое. Правда, годы брали своё, да и власти действовали против пиратов решительнее. Грейс О'Мейл скончалась в своем замке в 1603 году. Развалины этого замка и сейчас показывают туристам, рассказывая о пиратских подвигах «неистойвой Грейс».

Любовь Кровавой Мэри

Считается, что коктейль «Кровавая Мэри» – водка с томатным соком – получила своё название в честь знаменитой Мэри Рид. Будто бы она первой стала добавлять в ром густой сок.

Мать Мэри вышла замуж за моряка, он ушёл в море и сгинул, а жена скоро родила мальчика. Вскоре вдова нашла утешение с каким-то парнем и в положенный срок родила девочку. А мальчик как раз в это время умер. Чтобы избежать позора и не лишиться поддержки родственников, вдова стала одевать Мэри как мальчика. В тринадцать лет Мэри уже служила выездным лакем. Она становилась смелой и сильной, всё больше привыкала к мужскому облику. Нанялась матросом на корабль, добралась до Фландрии, там поступила сначала кадетом в пехотный полк, а затем перевелась в

того пирата Филиппа Волверстона. Под руководством отца она прошла отличную школу. Её наклонности не были секретом для мужа-губернатора, он оценил выгоду преступного семейного бизнеса. Лорд Каллигрю надежно прикрывал подвиги своей отчаянной жёнушки.

Вскоре супругов судили и приговорили к повешению. Мужа вскоре казнили, а жене по королевскому указу заменили казнь на пожизненное заключение.

Развод по-пиратски

У берегов Ирландии было неспокойно, процветало пиратство. Для многих кланов этот промысел стал основным источником дохода.

Глава влиятельного клана Оуэн О'Мейл скончался в своём замке, оставив сына

кавалерию. Кавалерист-девица участвовала в нескольких опасных операциях и заслужила уважение солдат и офицеров.

И тут Мэри впервые влюбилась в одного офицера-фламандца, впервые почувствовала себя женщиной. Её избранник долго не понимал знаков внимания, которые оказывает ему сослуживец. Наконец, Мэри открылась ему, и юноша ответил ей взаимностью. Скоро они вышли в отставку и поженились. Эта история надела много шума. Офицеры полка буквально осыпали молодых подарками. Мэри с мужем открыли корчму, в которую валом валили военные и штатские, насыщенные об удивительной судьбе хозяев.

Счастье необыкновенной четы было недолгим – муж умер. Скоро был заключен мир, число военных сократилось, корчма терпела убытки. Мэри решила попытать счастья совсем в другом месте и отправилась на корабле в Вест-Индию. На судно напали пираты, сначала Мэри (разумеется, в мужском платье) была пленником, а затем примкнула к «джентльменам удачи», назвавшись именем Мак. Пираты скоро оценили храбрость и силу нового товарища и впоследствии под присягой свидетельствовали, что никто не был так решительно настроен идти на abordage и навстречу любой опасности, как «славный парень» Мак.

В конце концов Мэри оказалась на корабле «Дракон» капитана Джона Рекхэма по прозвищу Красавчик. Она и там зарекомендовала себя как самый отважный пират. Капитан даже спросил однажды: «Неужели ты не боишься гибели в бою? А тем более позорной казни?» На что последовал ответ: «Страху не место в сердце пирата. На свете полно негодяев, которые грабят вдов и сирот на вполне законных основаниях. Если бы не страх перед виселицей, они бы занялись нашим делом как наиболее выгодным».

У капитана Рекхэма был молодой друг, который сразу обратил внимание на Мака. Капитан Рекхэм как-то очень болезненно реагировал на симпатию своего приятеля к новичку. Но женское чутье подсказывало Мэри: дело тут нечисто, уж нет ли второй женщины на корабле?

Так и оказалось. Второй женщиной на «Драконе» была Энн Бони, незаконнорожденная дочь плантатора из Каролины. Девушка с юных лет проявила дерзкий нрав, доходивший до необузданной жестокости. Рассказывали, что однажды она рассердилась на служанку и тут же заколола её кухонным ножом; что она искушала юношу, который повёл себя с ней, как ей показалось, слишком смело.

И всё-таки Энн считалась завидной невестой, отец уже выбирал ей достойного жениха. Как вдруг девушка без спросу выскочила замуж за простого матроса без гроша в кармане. Отец был так разгневан, что выгнал дочь из дома. Тут и матрос приуныл, ведь он рассчитывал на приданое. Вдвоём с Энн они отплыли на остров Нью-Провиденс, где муж надеялся найти службу.

Там-то Энн Бони и повстречала капитана Рекхэма. Не зря его прозвали Красавчиком, а ещё Калико – так называлась полосатая ткань, из которой он всегда заказывал себе штаны. К тому же он всё себя как джентльмен, чем окончательно покорила Энн Бони. Она бросила мужа и последовала за своим капитаном.

Морские законы, а тем более пиратские, очень строги. Одна из главных заповедей гласит: женщине не место на корабле, если только она не пленница. Поэтому Энн переоделась в мужское платье и стала парнем хоть куда! Через некоторое время Энн забеременела, Рекхэм высадил её на Кубе, где появился на свет ребенок. Через некоторое время молодая мать куда-то пристроила ребёнка и вновь присоединилась к своему капитану. Она храбро сражалась и ни в чем не уступала матерым пиратам.

И вот пути Энн Бони и Мэри Рид пересеклись. Энн влюбилась в Мэри, полагая, что перед ней мужчина. Капитан Рекхэм уже собирался перерезать горло своему сопернику, но две женщины быстро разобрались в «комедии ошибок». Пришлось им посвятить в новую тайну и ревнивца Рекхэма.

Капитан успокоился и хранил секрет теперь уже двух женщин в мужском обличье.

Но любовь посетила вновь и Мэри Рид. Среди пленных, захваченных пиратами, оказался молодой мужчина, то ли врач, то ли лощман, то ли простой плотник. Пираты часто принуждали нужных им людей служить в своих экипажах. Этот пленник подчинился, но не скрывал, что служит пиратам через силу. Мэри сразу полюбила его, предложила сначала «мужскую дружбу», а через некоторое время – и женскую любовь. О, как волнуют некоторых мужчин женщины-авантюристки! И молодой человек тоже влюбился в Мэри.

Однажды один из пиратов задел возлюбленного Мэри, тот ответил, как подобает мужчине, и завязалась ссора. Пиратский закон запрещает поединки на борту, сводить счёты с оружием в руках разрешается только на берегу. Поединок на саблях назначили на утро. Мэри пришла в ужас, когда узнала об этом. Она понимала, что у её возлюбленного немного шансов победить отчаянного головореза. В то же время она гордилась своим избранником, бросившим вызов обидчику. Наконец, Мэри нашла выход: она затеяла ссору с этим же пиратом и вызвала его на поединок, притом на час раньше.

Утром в назначенный час скрестились два клинка. Поединок длился недолго, выпад Мэри Рид оказался стремительным и

Кровавая Мэри Рид убивает на поединке обидчика своего любовника

точным – пират был убит.

После этого случая Мэри и её избранник поклялись, что отныне они – муж и жена. И эта клятва была для них священна, как церковное венчание.

Это было время усиления борьбы с пиратством. 20 октября 1720 года эскадра губернатора Ямайки окружила шлюп «Дракон», и после короткого боя корабль капитана Рекхэма был захвачен. Вся его команда во главе с капитаном предстала перед судом. Вот тогда-то и раскрылась тайна «кровавой Мэри» и Энн Бони.

С мужчиной суду всё было ясно: капитана и его пиратов приговорили к повешению. Только возлюбленного Мэри оправдали, потому что он служил по принуждению и не участвовал в преступлениях.

Энн и Мэри тоже запятнали себя невинной кровью. Даже в последнем бою обе женщины среди немногих оставались на верхней палубе корабля и сопротивлялись, в то время как большинство пиратов укрылись в трюме. Им также ставилась в вину развратная связь с мужчинами. Однако Мэри Рид заявила на суде, что никогда не сожительствовала с мужчиной вне брака. Когда её спросили, кем же ей приходится её любовник, она не «опознала» его. Сказала только, что он честный человек и что они собирались вместе начать честную жизнь.

У Энн Бони не нашлось даже таких оправданий. Ей припомнили, что она бросила законного мужа и бежала с пиратом. Перед казнью капитан Рекхэм умолял о свидании с Энн, и такую возможность ему предоставили. Но у подруги не нашлось для капитана иных слов, кроме горьких насмешек: «Если бы вы дрались, как мужчины, вас не повесили бы, как собак!»

В общем, «невест Весёлого Роджера» тоже приговорили к повешению. Но выяснилось, что обе «морские дьяволицы» беременны! Казнь была отсрочена до родов. Скорее всего, высшую меру им заменили бы на пожизненное заключение. Но Мэри Рид об этом так и не узнала: она умерла в тюрьме от послеродовой горячки. Окончила свои дни за решёткой и Энн Бони.

Страдающая дьяволица

Совсем короткая история о другой Мэри, тоже кровавой.

В те же годы в другом районе Атлантики орудовала англичанка Мэри Линсдей на пару со своим любовником Эриком Кобхэмом. Эта Мэри не скрывала своего пола. Пиратская парочка во главе команды бригантины нападала на торговые суда у побережья Канады, затем судно с награбленным добром скрывалось в укромных бухтах.

Красная под красными и Жёлтая под жёлтыми. Каждой эскадрой командовал адмирал.

Джонки госпожи Цин нападали на китайские и европейские корабли. Ни в открытом море, ни на рейде в порту от них не было спасения, пиратские десанты атаковали даже прибрежные деревни и города. Благодаря малому водоизмещению джонки легко входили в устья рек, поднимались вверх по течению и грабили крестьян и горожан. Чаще всего пираты посылали ультиматум местным властям с требованием выкупа. Если получали отказ, то начинался штурм. Каждый пират был вооружён двумя саблями, они болтались в ножнах под мышками, и в бою пират ловко орудовал обеими сразу. Китайцы – неважные мореходы и не слишком хорошие воины, но они могут себе позволить брать числом, а не умением. Когда китайские пираты шли на abordage или на штурм, то, по свидетельству одного английского моряка, «это было похоже на нашествие крыс». Захватив пленных, пираты пытались их, чтобы выведать имущественное положение и назначить соответствующий выкуп. Если население города или экипаж корабля оказывали упорное сопротивление, пираты никого не щадили. В таком случае они должны были отрубать головы всем подряд и приносить их капитанам, получая награду, так сказать, поголовно.

Вся эта мощная пиратская организация работала слаженно и четко. При этом никто, даже адмиралы, не видел своей госпожи, все приказы доставляли её доверенные люди. Госпожа Цин с самого начала своего правления ввела строгие законы и железную дисциплину, особенно жестоко карались неподчинение и утаивание добычи. В целом законы китайских пиратов походили на законы всех джентльменов удачи. Но «половой вопрос», естественно, был разработан госпожой Цин более глубоко:

«Строжайше запрещено удовлетворять свои желания с пленницами прямо на местах, где они были взяты в плен. Как только пленницы оказываются на борту, необходимо испросить разрешения у бочмана и подождать, пока в трюме будет отведено для этого определенное место. Кроме того, в случае отвращения пленницы, ясно высказанного ею, она имеет право покончить с собой. Любая пленница, грубо изнасилованная вопреки этим правилам, имеет право на денежную компенсацию, а насильник будет наказан смертью».

Конечно, «кодекс госпожи Цин» не мог охватить всего разнообразия пиратской жизни. Например, если оставались невыкупленные пленницы, их могли приобрести по дешёвке сами пираты. В таком случае новой «семье» выделялось место на палубе – на предоставленной «жилоплощади» супруги могли только сидеть, тесно прижавшись друг к другу, либо один из них мог скорчившись лежать на боку. Впрочем, и в случае «дешёвой распродажи» женщина имела право отказать хозяину и покончить с собой. Пленный английский офицер был свидетелем того, как сразу несколько женщин бросились в море и утопились.

Среди пленниц однажды оказалась красавица Мей – жена чиновника, зарезанного накануне пиратами. Она досталась какому-то свирепому пирату, который сразу потащил её в трюм. Женщина отчаянно сопротивлялась, бросилась к борту, но противник её там, ударил со всей силы по лицу так, что кровь потекла изо рта. Тогда Мей обхватила его руками и ногами и с ликующим криком перевернулась за борт, увлекая за собой насильника. Видно, и под водой Мей не ослабила хватки, потому что оба сразу ушли на дно.

Наконец сам император выслал военный флот против пиратов госпожи Цин. Но большие и тяжёлые корабли уступали в маневренности лёгким пиратским джонкам. Императорский флот потерпел поражение. Второй флот также был разбит. Тогда император сменил тактику: он объявил амнистию пиратам и пообещал, так сказать, «подъёмные» всем, кто согласится начать мирную жизнь. Адмиралам и капитанам

Мэри с Эриком следовали золотому правилу: не оставлять свидетелей. Захваченные корабли они топили вместе с командой. А чтобы свидетели не выплыли, Мэри лично отрубала морякам руки.

Награбив довольно богатств, Эрик и Мэри уехали во Францию, где их никто не знал, купили прекрасное поместье недалеко от Гавра и зажили как добропорядочные господа. Правда, они так и не обвенчались.

Мэри и впрямь словно стала другим человеком. А вот Эрик... Тихая жизнь была не по нутру пирату. Он всё чаще пропадал в городе, играл в карты и шатался по борделям. Наконец, он и в поместье завёл гарем из молодых француженок.

Мэри просто сходила с ума от ревности, но поделаться ничем не могла. Ей хотелось то отравиться, то утопиться. В конце концов она сделала и то, и другое: приняла яд и бросилась с высокой скалы в море.

Госпожа-Невидимка

Когда с разгулом пиратов в Карибском море, в Атлантике и в Индийском океане было в основном покончено, этот промысел достиг небывалого размаха в Южно-Китайском море. Сколачивали пиратские флоты мужчины, а вот развивали дело часто женщины – вдовы или дочери пиратов.

В начале XIX века пиратский флот покойного мужа возглавила госпожа Цин. Флот составляли сотни джонок – небольших парусных кораблей с пушками на борту. Флот разделялся на три эскадры: Чёрная эскадра ходила под чёрными флагами,

предлагались крупные вознаграждения и служба при дворе, и во флоте. Такая политика начала приносить плоды. Третью экспедицию императорского флота против госпожи Цин возглавил уже один из её бывших адмиралов, Цун Менсин. Он прекрасно знал тактику пиратов и их секретные стоянки. И хотя его миссия не увенчалась полной победой, силы пиратов продолжали таять.

В конце концов с госпожой Цин осталась лишь горстка самых верных пиратов и слуг. Остаток своих дней она промышляла контрабандой, хотя могла бы и вовсе уйти на покой. Награбленных богатств хватило бы на роскошную жизнь и ей, и её потомкам.

В двадцатых годах прошлого века в тех же водах прославилась «пиратская принцесса» Лай Шо. В переводе её имя значило «гора богатств». От отца ей достался небольшой флот парусно-моторных джонок, который она удвоила по численности. Ей приписывают разграбление и гибель 28 судов с 1921 по 1929 год, и это только крупные корабли, не считая плавучей мелочи.

В отличие от других предводительниц пиратов, госпожа Лай Шо участвовала в походах на флагманском судне. Здесь у неё была особая каюта размером чуть больше рояля, но роскошно убранная, и ещё возвышенное место на корме, где она восседала на пустом ящике, как на троне. Приказы госпожа Лай Шо сообщала капитану через служанку.

В своём доме госпожа Лай Шо всегда выглядела изысканной и ухоженной, встречала избранных гостей и родственников в белом шёлковом платье с пуговицами из зелёного нефрита и в белых, тоже шёлковых, туфлях. Ей было в ту пору около сорока, но волосы её были совершенно черными, убраны в замысловатую причёску, скреплённую драгоценными булавками. В красивых глазах светился ум, но взгляд был жёстким. На борту джонки госпожа Лай Шо и её служанки передевались в мужскую одежду, а перед боем брали в руки оружие и даже опоясывались пулёмётными лентами.

Впрочем, до настоящего боя дело редко доходило. Заметив добычу, пиратская джонка пушечным выстрелом ясно выражала свои намерения. Обречённое судно оставалось, капитан появлялся перед пиратами, и начинался торг о выкупе. Если же добыча пыталась ускользнуть, её догоняли, грабили и топили, иногда брали пленных ради выкупа.

В её каюте была установлена статуэтка морской богини, которой она всегда возносила молитвы. Иногда Лай Шо вдруг отказывалась от намеченного плана, казалось, верного и безопасного, объясняя это тем, что «Дао запретил это делать сегодня». Старшего сына госпожа Лай Шо хотела отправить в Америку: «Пусть торгует рисом с белыми людьми и купит себе «огромный дом» (небоскрёб), который я видела на картинке». Пиратский флот решила передать младшему сыну: «Он уже учится ремеслу на одной из джонок и курит трубку, как настоящий мужчина!» Маленькому пирату было пять лет.

Тайны мадам Вонг

Возможно, читатели помнят фильм «Тайны мадам Вонг». Такая женщина, предводительница пиратов, была на самом деле, флигелю основана на некоторых фактах её биографии. Хотя реальность оказывается подчас интереснее вымысла.

Накануне Второй мировой войны китайский чиновник Вонг Кункит начал заниматься пиратством и контрабандой. А в период японской оккупации – ещё и шпионажем. После войны он всплыл в Гонконге уже с состоянием в десять миллионов английских фунтов. Женится на танцовщице из ночного клуба, но вскоре пуля конкурентов поставила точку в его карьере.

Вечером к мадам Вонг пришли двое ближайших помощников покойного мужа. Оба хотели возглавить преступный синдикат. Мадам сидела перед трюмо и, слушая доводы претендентов, снимала макияж. Потом выдвинула ящик туалетного столика, где

среди блестящих безделушек лежали два маленьких браунинга с перламутровыми рукоятками. «Беда в том, что вас двое», – сказала вдова, быстро повернулась и с двух рук пристрелила обоих.

На побережье и в устьях рек теснились сотни джонок, на которых жили, рождались и умирали тысячи китайцев. Там же сосредоточивались притоны и курильни опиума. В этих плавучих городках укрывались пиратские суда и сами пираты. Доносительство здесь каралось беспощадно. Мадам Вонг строила свою империю по законам китайских триад – ещё более жестоким, чем законы сицилийской мафии.

Флот мадам Вонг был переоснащён, это были уже не джонки, а моторные катера, и вооружены пираты были скорострельными пушками, американскими винтовками и автоматами. Менялась и тактика нападения. Под видом рыболовецких судов катера постепенно стягивались к намеченной жертве, окружали корабль, затем – стремительный рывок, и пираты шли на бордаж.

Применялся и другой метод: старая парусная джонка, не внушающая подозрений, вдруг оказывалась прямо по курсу большого парохода. Капитан давал команду: «Стоп, машина!» Джонка прижималась к борту парохода, из палубы карабкались пираты. Откуда ни возьмись, появлялись бесчисленные катера – пароход был обречён.

Мадам Вонг первой применила пиратский рэкет. В начале 1950-х годов пароходные компании начали получать от неё такие уведомления: «Ваше судно, отплывающее тогда-то, будет атаковано. Перенос рейса вам не поможет. Но, заплатив 25 тысяч гонконгских долларов, вы обеспечите его полную безопасность». Судовладельцы подсчитали, что военный конвой обойдётся им дороже, поэтому соглашались платить мадам Вонг.

«Весёлая вдова» любила посещать казино Гонконга, Макао и Сингапура, где проигрывала порой баснословные суммы. Полиция имела только словесный портрет мадам Вонг,

Вот так пираты XVIII века брали судно на бордаж. С картины американского художника Жана Леона Жерома Ферриса

но искусный макияж делал её неузнаваемой. Была назначена крупная награда за фотографии мадам Вонг. Через некоторое время в полицию поступил по почте конверт, в нём лежали фотографии двух расчленённых трупов с надписью: «Они пытались сфотографировать мадам Вонг».

Для неё, казалось, нет закрытых дверей – она появлялась, где хотела, и исчезала без следа. Однажды вице-президент Филиппин устроил приём для высокопоставленных гостей и дипломатов в своём загородном особняке. Среди гостей была роскошно одетая женщина, назвавшаяся мадам Сенкаку. Весь вечер она провела за игорным столом, удивляя всех крупными ставками. Проигрывая, она лишь улыбалась. «Так могла бы играть только мадам Вонг!» – заметил хозяин. Незнакомка рассмеялась: «Может, она перед вами?» Шутка всем пришлась по вкусу. Через несколько дней вице-президент получил письмо: «Благодарю за приятно проведённый вечер. Вонг-Сенкаку».

Однажды полиция была близка к разгадке тайны мадам Вонг: кто-то из её помощников согласился встретиться с детективом. Но в условленном месте детектив нашёл незадачливого информатора с отрубленными руками и отрезанным языком. Он был ещё жив, но сказать уже ничего не смог.

В 1970-х годах о мадам Вонг почти ничего не было слышно. Одна газета даже написала о её смерти. На другой день в редакции раздался взрыв: мол, не дождёсь!

Свой капитал мадам Вонг вложила в рестораны, казино и публичные дома. Вполне возможно, что она жива до сих пор. Ей должно быть за восемьдесят, и она ещё способна наслаждаться роскошью и азартом рискованной игры.

САМЫЕ СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Владимир АБАРИНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Географическая карта, без которой сегодня не обходится ни один путешественник, в эпоху Колумба и Магеллана была самым охраняемым государственным секретом, а должность картографа при королевском дворе – сродни должности нынешнего директора внешней разведки.

Должно быть, Колумб окончательно осознал свою ошибку в 1498 году, во время третьей экспедиции в Западное полушарие. От Островов Зеленого Мыса он взял тогда курс на юго-запад с таким расчетом, чтобы войти в Карибское море значительно южнее острова Эспаньола (нынешний Гаити). После 17 дней пути из волн поднялись три горы; это был большой остров, названный адмиралом в честь Святой Троицы Тринидад. Из-за мыса, за которым укрылась флотилия, доносился несмолкающий грохот разбивающейся о скалы воды. Колумб назвал пролив Змеиной пастью и поначалу опасался заходить в него. Наутро измерили глубину – пролив оказался глубоким, а течение двойным: один поток шел с запада на восток, другой – в противоположном направлении. И Колумб решился.

За Змеиной пастью открылся источник пресной воды: в залив впадала могучая река. То был один из рукавов Ориноко – великой южноамериканской реки, образующей как раз в этом месте, на территории современной Венесуэлы, обширную дельту. Колумбу стало совершенно ясно, что перед ним не остров, а материк: столь полноводной не может быть река, текущая по острову.

Значит, никакие это не Индии. Между Новым Светом и Островами Пряностей, ради которых замышлялись экспедиции через Атлантику, которыми грезил адмирал и было положено столько сил и жертв, лежит непреодолимая преграда. От этой мысли у Колумба должно было похолодеть сердце...

Охотники за пряностями

В XV веке единственной сверхдержавой мира была Португалия. Она безраздельно господствовала на морях, омывающих Европу. Из африканских колоний в пиренейское королевство рекой текли несметные богатства – золото, рабы, слоновая кость. И пряности. Пряности привозили в Ормуз и Александрию арабские купцы, где их скупали венецианцы. Между тем прямой, без посредников, путь к Островам Пряностей, то есть к Молуккскому архипелагу, сулил неисчислимые выгоды. Прибыль от их продажи составляла тысячу процентов и даже более. Никакие золотые копи не могли сравниться по доходности с плантациями гвоздики, перца и мускатного ореха.

В последней четверти столетия в соперничество на морях включилась Испания. Вскоре при португальском дворе появился генуэзец Христофор Колумб, предложивший грандиозный проект морского путешествия на запад.

К этому времени Колумб уже более 10 лет прожил в Лиссабоне и на Мадейре, женился на португалке, у них появились дети. Занимался различными коммерческими операциями, ходил в море, в том числе в Гвинею и, возможно, на Исландию, стал картографом и каллиграфом. Эти занятия – включая тор-

Христофор Колумб в гавани Палос (Картахена)

говлю – и навели его на мысль о западном пути в баснословные «Индии». Кроме того, он, кажется, был не слишком успешным купцом и довольно много задолжал – во всяком случае, в его завещании в качестве кредиторов, с которыми его наследникам надлежит расплатиться, значится, помимо португальских коммерсантов и одного чиновника, даже безымянный «еврей, живший у ворот лиссабонского гетто». Иными словами, экспедицией он рассчитывал поправить свои дела.

Проект экспедиции на запад не произвел впечатления на советников португальского короля Жуана II. Тогда Колумб решил предложить свои услуги католическим королям Изабелле и Фердинанду. Он уехал из Португалии в 1485 или 1486 году.

Обдумывая план экспедиции, Колумб основательно проштудировал все доступные ему источники. Он взял за основу мнение античного географа Марина Тирского, определившего протяженность евроазиатского материка в 225 градусов. Получилось, что от Канарских островов до Японии всего 3860 километров, тогда как в действительности почти в четыре с половиной раза больше – 17055 километров. Знай Колумб эту цифру, он никогда не пустился бы в плавание.

В действительности идея путешествия на запад принадлежит выдающемуся флорентийскому врачу и астроному Паоло дель Поццо Тосканелли. Он излагал ее в своем послании лиссабонскому канонику Фердаму Мартиншу, вхожему во дворец португальского короля Альфонса V, еще в 1474 году; к посланию прилагалась карта мира, созданная им по заказу короля и отражавшая самые последние открытия португальских моряков. В популярных очерках о Колумбе говорится, что он прослышал о письме и карте и вступил в переписку с Тосканелли; тот будто бы

горячо одобрил план экспедиции и послал ему свою карту. Однако ни оригиналы писем к Колумбу, ни карта Тосканелли не сохранились. Зато есть косвенное свидетельство того, что Колумб вообще не писал во Флоренцию, а просто нашел способ ознакомиться с посланием и картой, хранящимися в дворцовой канцелярии.

Сделать это он мог только нелегально под страхом самого сурового наказания. Географические карты и описания были в Португалии государственной тайной. Ее разглашение каралось смертью.

Колумб покинул Португалию в страшной спешке, оставив семью в Лиссабоне. Бартоломе де Лас Касас в своей «Истории Индии» пишет, что Колумб уехал тайно, опасаясь, что король пошлет за ним погоню. О причинах этой торопливости, этой таинственности и этих опасений ни в каких источниках не сообщается. Исследователи предполагают, что Колумб мог быть привлечен к суду как несостоятельный должник. Но английский историк-медиевист Лиза Джарден придерживается иной версии. По ее словам, брат Колумба Бартоломео был известным в Португалии картографом. Ему удалось снять копии с нескольких португальских карт, в том числе с совершенно секретной карты Тосканелли. Последнюю он перенес на 11 листов бумаги – их было легче спрятать, чем пергаментный свиток. Часть копий была затем с большой выгодой продана в Италии, карта же Тосканелли исправлена с учетом новейших открытий. Именно с этой картой в руках Христофор Колумб явился в конце 1491 года на аудиенцию к Изабелле и Фердинанду. Джарден пишет, что братья Колумбы, по ошибке или преднамеренно, изобразили Африку гораздо более обширным материком, простирающимся далеко на восток за мыс Доброй Надежды – материк, который еще предстояло обогнуть, чтобы войти в Индийский океан. Это обстоятельство стало дополнительным аргументом в пользу экспедиции в западном направлении.

Неизвестно, верил ли Колумб в размеры Африки, но вычислениям Тосканелли он

верил свято. В воскресенье 23 сентября, пишет сам Колумб, «люди стали роптать» – они начали догадываться, что дело наладно. Адмирал же сравнил себя с Моисеем, на которого роптали евреи «за то, что он освободил их из плена». В следующей записи упоминается какая-то особая карта: «Адмирал имел беседу с Мартином Алонсо Пинсоном, капитаном каравеллы «Пинта», относительно одной карты, которую три дня назад [адмирал] отослал на каравеллу и на которую, как оказалось потом, адмирал нанес некоторые острова в этом море, а Мартин Алонсо сказал, что находятся они не в этих местах. Адмирал ответил, что и ему тоже так кажется, а если им не встретились острова, то это объясняется действием течений, которые постоянно относили корабли к северо-востоку».

Вместо китайцев и японцев и огромных утопающих в роскоши городов, описанных Марко Поло, моряки увидели на открытых ими островах полуголых дикарей, живущих в примитивных хижинах. Имея при себе образцы пряностей, Колумб предъявлял их индейцам – те кивали и показывали в разные стороны. Тем не менее адмирал был полон надежд добраться до столицы «Катая». Высадившись на северо-восточном берегу Кубы, которую он принял за оконечность азиатского материка и назвал Хуаной, Колумб послал в глубь острова толмача и матроса. Им предостало разузнать о «великом хане» (в Европе не были в курсе, что монголы уже не правят Китаем) и справиться о судьбе затерявшихся после вавилонского пленения колен израилевых.

Земли, открытые Колумбом, не оправдали надежд кастильского двора. «Привез я Вашим Высочествам достаточно доказательств наличия залежей золота <...>, – писал он впоследствии католическим королям, – и доставил я столь великое множество различных сортов пряностей, что описание их отняло бы слишком много времени». Ни то, ни другое утверждение не соответствовало действительности. В Вест-Индии было мало золота, а растение, которое он принял за корицу и ветви которого доставил в

Слева направо: Фернан Магеллан, первым обогнувший Землю, покоритель инков
Франсиско Писарро

Испанию, оказалось бесполезным хворостом. Утверждал он также, что нашел на Карибских островах заросли мускатного ореха, имбиря, ревеня, алоэ и мастичного дерева, но и эти сведения не подтвердились. Колумб не лгал – просто никто из европейцев не видел, как растут пряности; даже век спустя художники изображали перец растущим на деревьях.

На повестке дня по-прежнему стоял вопрос о морском пути к Островам Пряностей. Поиски велись в обоих направлениях. В сентябре 1499 года, пока Колумб тщательно искал пролив в Центральной Америке, в Лиссабон вернулся Васко да Гама. Покрыв вчетверо большее расстояние, чем Колумб, и пережив неимоверные испытания, он обогнул Африку и доплыл до Калькутты (в тогдашнем написании – Каликут), столицы Малабарского берега. Гама попал в самую точку: омываемая Аравийским морем область Малабар была центром торговли индийскими пряностями, прежде всего черным перцем. Но португальцы оказались не готовы расплачиваться за товар звонкой монетой – они рассчитывали, как Колумб в Вест-Индии, приобрести сокровище в обмен на зеркальца и копеечные бусы и в итоге вернулись домой с пустыми руками. Спустя год король Мануэль I отправил к индийским берегам флотилию из 13 кораблей под командой Педру Альвариша Кабрала. Следуя указаниям португальских лоций, Кабрал повернул от Острова Зеленого Мыса на юго-запад, чтобы затем развернуться и идти к мысу Доброй Надежды, но несколько просчитался и по чистой случайности открыл Бразилию, которую назвал Островом Святого Креста. Из Бразилии Кабрал все-таки добрался до Каликуты и решил торговые вопросы просто: обстрелял город из корабельной артиллерии, после чего заключил с саморином, правителем Малабара, соглашение об эксклюзивном праве португальцев на закупку пряностей.

Герои Великого Разбоя

Открытия Колумба, Кабрала и да Гамы повлекли за собой острую конкуренцию на морях. Охота за новейшими географическими картами превратилась в доходный бизнес

шпионов и авантюристов. В истории европейской цивилизации ни до, ни после не было периода, когда карты ценились так высоко. Португалия столь тщательно хранила свои секреты, что к сегодняшнему дню португальских карт XV века почти не сохранилось. Одна из них – знаменитая Планисфера Кантино, названная так по имени итальянского шпиона Альберто Кантино, добывшего ее копию за взятку в 1502 году. Это шедевр средневековой картографии, не только самая красивая, но и самая ранняя из известных ныне карт, на которых изображена Америка, – на нее нанесен украшенный тремя красными макао фрагмент бразильского берега, открытого Кабралом всего двумя годами ранее. Это была совершенно секретная информация.

В 1517 году юному испанскому королю Карлу Габсбургу предложили новый проект плавания на запад. Его автором был португалец Фернан Магеллан, не снискавший, как и Колумб, успеха при лиссабонском дворе. Магеллана принял канцлер Жан ле Саваж. Вместе с ним во дворец пришел другой португалец, выдающийся астроном и картограф того времени Руй Фалейра. Вообще сообщество мореплавателей и картографов представляло собой сравнительно узкий круг людей, в котором все друг друга знали. Мануэль, каравший смертью разглашение материалов морских экспедиций, не мог воспрепятствовать этим контактам и переходу иностранцев под покровительство другой пиренейской державы; он и сам занимался сманиванием опытных лоцманов и капитанов. Специалистов этих надлежало не казнить, а улаживать и миловать, жалуя долю в будущих барышах. Обычной практикой того времени было подписание делового контракта между королем и начальником экспедиции – так, например, Колумбу жаловались полномочия вице-короля всех новооткрытых земель и десятая часть всех приобретенных в них ценностей. Сами же флотоводцы были людьми отчаянной смелости и стальной воли, безжалостные к себе и другим, одержимые жаждой обогащения и чуждые таких сентиментальных благоглупостей, как лояльность какому-то одному монарху. Они шли на службу к тому, кто больше платит, а деньгами всех королей сужали одни и те же банкиры – Европа уже тогда была единым домом. Эти герои эпохи Великого Разбоя мотивировали свои действия высокой миссией распространения христианства, но рассмеелись бы в глаза тому, кто стал бы утверждать, что жизнь новообращенных христиан

имеет хоть какую-то ценность.

На встречу с канцлером Магеллан и Фалейра принесли глобус, на котором южная оконечность американского материка – то место, где должен был, по расчетам Магеллана, находиться пролив, – была обозначена в виде белого пятна: даже среди советников Карла могли оказаться португальские шпионы.

Возможно также, что к разработке проекта Магеллана приложил руку Жоржи Рейнел – сын известного португальского картографа Педру Рейнела. Около 1519 года, когда ему было 17 лет, этот одаренный юноша по неясной причине перебрался из Лиссабона в Севилью. Некоторые исследователи ссылаются на донесение португальского посла в Севилье о том, что именно молодой Рейнел чертил карту для Магеллана. По другим сведениям, именно Жоржи Рейнел и был тем шпионом, который сообщал в Лиссабон о ходе подготовки испанских экспедиций, а по возвращении в Португалию получил за услуги 10 тысяч реалов ежегодной пенсии.

Кем бы ни был тайный картограф Магеллана, ясно, что он был не один. В Севилье в Главном архиве Индий и Торговой палате корпели над картами, добытыми правдами и неправдами, тщательно сличали сведения, полученные от моряков. Испанцы, в свою очередь, берегли свои карты как зеницу ока, а точнее – за двумя замками: ключ от одного хранился у главного кормчего, от другого – у главного картографа.

В чем по-прежнему ошибались картографы, а вместе с ними и Магеллан, так это в оценке длины экватора – они занижали реальную цифру почти на 3000 километров. Но именно эта ошибка способствовала положительному решению вопроса об экспедиции. Проблема разграничения сфер влияния между Испанией и Португалией по Тордесильяскому соглашению 1494 года состояла в том, что никто не знал, где проходит демаркационная линия в западном полушарии. Магеллан наглядно, на глобусе, показал Карлу, что Острова Пряностей, вне всякого сомнения, расположены на испанской стороне. (На самом деле Молуккские острова остаются к востоку от этой линии, то есть в португальской зоне.)

Этот аргумент стал решающим. 22 марта 1518 года договор с Магелланом был подписан. Как и в случае с Колумбом, в документе из соображений конспирации не указана истинная цель плавания.

20 сентября 1519 года флотилия Магеллана вышла из Санлукар-де-Баррамеды – морских

ворот Севильи в устье Гвадалквивира – и взяла курс на Канары. В феврале следующего года корабли добрались до залива Сан-Матиас, убедились, что сквозного прохода на запад там нет, и отправились дальше. 31 марта флотилия вошла в бухту Сан-Хулиан и встала на зимнюю стоянку. В августе экспедиция вышла из Сан-Хулиана, добралась до устья реки Санта-Крус и оставалась там до 18 октября. В этом пункте Магеллан объявил капитанам, что готов идти на юг хоть до 75° южной широты (75-я параллель проходит уже по Антарктиде) и лишь тогда, если не найдет пролива, повернет к мысу Доброй Надежды и отправится на поиски Молукки на восток.

Так низко к южному полюсу Магеллану спускаться все же не пришлось. 21 октября на 52° южной широты он дошел до выступа, который назвал мысом Одиннадцати Тысяч Дев. За мысом открылась картина, уже не раз повторявшаяся на протяжении безуспешных поисков: водное пространство, с трех сторон скованное покрытыми снегом скалами. Хроникер экспедиции Антонио Пигафетта пишет, что моряки не верили в то, что перед ними пролив, а не залив, «но капитан-генерал знал, куда следует направиться, чтобы найти скрытый от глаз пролив, так как он видел его на карте в сокровищнице короля Португалии, нарисованной таким превосходным мужем, как Мартин Бегайм». Блефовал? Не исключено. Но все действия Магеллана говорят о его неколебимой уверенности в существовании пролива. Будь у него этой уверенности хоть на грань меньше – он повернул бы назад, как поворачивали до него другие.

40 тонн золота для Ее Величества

За три года, пока экспедиция огибала земной шар, в Америке и Европе произошли радикальные перемены. В 1519 году Эрнан Кортес открыл и покорил богатейшее государство ацтеков. Карл V во главе Священной лиги успешно воевал с французами за север Италии, обогащаясь разорением итальянских городов. Сложный и опасный маршрут через Магелланов пролив оказался не нужен. На тихоокеанском побережье Панамы и Мексики появились гавани, из которых гораздо удобнее было ходить и в Южную Америку, и на острова Океании. А еще через четыре года Франсиско Писарро завоевал империю инков, и в Испанию рекой потекло золото. Надобность в южноамериканском проливе отпала.

Но забыли о проливе не все. В 70-е годы XVI века не было для испанцев в карибских водах более грозной опасности, чем английский капитан Фрэнсис Дрейк, прообраз капитана Блада из романов Сабатини.

Главной целью Дрейка было место на Панамском перешейке, которое испанцы называли Nombre de Dios (Имя Божие) – здесь был проложен маршрут, которым на спинах мулов и рабов перевозились сокровища, а на атлантическом берегу золотом загружались галеоны, раз в год под сильным конвоем доставлявшие драгоценный груз в Испанию. Во время одного из таких рейдов отряд Дрейка взобрался на горную гряду, и проводник показал ему высокое дерево, в стволе которого были вырублены ступени, а под кроной оборудовано нечто вроде смотровой площадки. Отсюда, сказал проводник, видны оба океана сразу. От этого зрелища у Дрейка перехватило дыхание.

15 ноября 1577 года Дрейк вышел из Бристоль в главе флотилии из пяти кораблей. При нем была шпага, врученная ему лично королевой Елизаветой. План Дрейка состоял в том, чтобы пройти Магеллановым проливом и напасть на западный берег испанской Южной Америки. Города тихоокеанского побережья чувствовали себя в полной безопасности и были совершенно не готовы к пиратским набегам, привычным на Карибах.

Рейд Дрейка удался на славу. 20 марта 1579 года, захватив небольшое судно у берегов Коста-Рики, Дрейк обнаружил среди трофеев две большие навигационные карты Тихого океана и комплект лоций с описанием морского пути в Китай. Бросив взгляд на карты, Дрейк пришел в полный восторг. Он прибыл в Бристоль с 40 тоннами золота и серебряных слитков на борту – это чуть ли не вдвое превосходило годовой бюджет английской администрации – и был пожалован королевой в рыцари прямо на палубе.

В XVI столетии испанские морские карты были для английских и французских пиратов более ценной добычей, чем золотые слитки галеонов. В 1681 году английский пират Бартоломео Шарп захватил у эквадорских берегов испанский корабль «Розарио». На борту он нашел полный набор лоций и карт, необходимых для судовождения у тихоокеанского побережья Америки, переплетенных в толстую книгу – derrotero. Испанский капитан попытался выбросить ее за борт, но не успел. «Испанцы рыдали, когда я завладел книгой», – писал впоследствии Шарп.

Именно derrotero спасла Шарпу жизнь, когда он годом позже вернулся в Англию. По требованию посла Испании ему и двум членам его команды были предъявлены обвинения в разбое и убийстве. Однако еще до суда добытая ими книга карт была доставлена королю Карлу II, который увлеклся картографией. Пиратов оправдали.

Карта – находка для шпиона

Нет нужды говорить, что не менее, чем для моряков, карты важны для военных. Отчасти из-за отсутствия надежных карт Джордж Вашингтон, пытаясь воспрепятствовать захвату Филадельфии, где заседал Континентальный конгресс, проиграл англичанам 11 сентября 1777 года битву на Брэндивайне. Вашингтон знал о трех бродах через Брэндивайн и сосредоточил в этих пунктах свои главные силы, но не знал о четвертом, к северу от своих позиций, по которому и переправились войска англичан и атаковали противника с правого фланга. Бой продолжался до наступления темноты, после чего силы Вашингтона отступили, потеряв 900 человек убитыми и 300 пленными. Конгресс спешно эвакуировался из Филадельфии, которую нечем было оборонять, и обратился в бег. Генерал Хау вошел в город. Спустя три недели он нанес Вашингтону новое поражение в битве при Джермантауне, и опять виной были туман и плохое знание местности.

Бывший землемер, главнокомандующий отлично понимал значение достоверных карт и посылал в стан противника шпионов с приказом рисовать, если потребуется, ради них жизнью. Но и англичанам были нужны карты и планы. Генерал континентальной армии Бенедикт Арнольд, чье имя стало в Америке синонимом предателя, был разоблачен благодаря поимке его связника майора Джона Андре в сентябре 1780 года. После тайной встречи с Арнольдом он направлялся в стан командующего британским экспедиционным корпусом генерала Генри Клинтон. При обыске в его сапоге обнаружили планы форта Вест-Пойнт, имевшего ключевое значение для обороны в долине реки Гудзон. Этим фортом как раз и командовал Арнольд, собиравшийся сдать его за 20 тысяч фунтов стерлингов. Арнольд успел бежать к англичанам. Андре был повешен, а в 1821 году с почетом перезахоронен в Вестминстерском аббатстве. Более удачливым оказался другой английский шпион, офицер континентальной армии Вильям Демонт, передавший лично в руки британскому генералу Хью Перси планы форта Вашингтон – крепости, защищавшей город Нью-Йорк, захваченный английскими войсками в 1776 году.

Во время Гражданской войны в военной картографии произошел технологический прорыв: в 1862 году армия Союза впервые применила аэростат для наблюдения за позициями и маневрами противника. У южан дела обстояли хуже. У них не было не только аэростатов, но и не хватало картографов, геодезических инструментов, типографий и даже бумаги и типографской краски. Но зато у них были преданные делу Конфедерации шпионы. Борьбу с этой сетью Линкольн поручил Аллану Пинкертону – создателю первого в мире частного сыска агентства в Чикаго.

Учитывая степень секретности информации, которая становилась известна южанам, Пинкертон пришел к выводу, что гнездо шпионажа следует искать на самом вершине, среди лиц, если не облеченных властью, то вращающихся в том же кругу. И он напал на след. В то время не существовало скрытых

камер и микрофонов. Способ тайной слежки был лишь один – собственные глаза и уши сыщика. 21 августа 1861 года Аллан Пинкертон под проливным дождем, босиком для пущей устойчивости, взобрался на плечи двух помощников, чтобы заглянуть в окна дома на 16-й улице, в нескольких кварталах от Вашингтона. В этом доме жила Роза О'Нил-Гринхау – известнейшая в вашингтонском обществе дама, хозяйка салона, где бывали знаменитости и высшие должностные лица государства, включая президента Джеймса Бьюкенена.

Роза была южанкой по рождению и убеждению, поэтому без колебаний вступила в тайный контакт с вождями Конфедерации.

Аллегорическое изображение жителей и продуктов Америки (XVII век)

Сведения, которыми она снабдила генералов южан Борега и Джексона, помогли им 21 июля 1861 года выиграть первую же значительную битву войны – сражение на реке Булл-Ран к югу от Вашингтона. Отступление северян превратилось в бегство; путь в Вашингтон был свободен, но войска Конфедерации не пошли в столицу, и Роза Гринхау продолжала действовать в тылу врага.

Стоя на плечах помощников, Пинкертон увидел то, что ожидал: молодой офицер армии Союза, которого Роза наедине принимала в своей гостиной, передал ей военную карту и снабдил подношение устными пояснениями. Засим пара удалилась в будуар вдовы. Промокший до нитки, но деликатный Пинкертон не стал заглядывать в окно спальни, однако дождался их возвращения; картина, представшая ему, по словам детектива, не оставила у него никаких сомнений в том, что миловидная вдова расплатилась со своим гостем плотскими утехами.

Сверху видно все...

Во время Второй мировой войны авиаразведка активно использовалась всеми воюющими сторонами; появились целые воинские части, занимающиеся дезинформацией противника – строительством ложных фортификаций и картонных военных объектов, размещением фанерных муляжей танков и самолетов. На повестку дня встала задача корректной интерпретации данных воздушной разведки. В июле 1955 года в пустыне Невада прошел летные испытания американский самолет-шпион U-2 с потолком высоты 25 километров, оборудованный инфракрасными фотокамерами и кинокамерой с особо тонкой пленкой – на бобине помещалась целая миля пленки. 2, 3 и 4 июля 1956 года два самолета U-2 совершили первые разведывательные полеты над семью

странами Варшавского пакта, включая Советский Союз. Над Москвой стояли облака, однако специальные фильтры помогали получить снимки высокого качества; разрешение было такое, что позволяло читать заголовки газет в руках у москвичей. Уже 5 июля советские МИГи попытались перехватить U-2, а 10 июля Москва заявила официальный протест о нарушении воздушного пространства. 1 мая 1960 года перехват удался. В этот день пилот Фрэнсис Гэри Пауэрс, совершивший уже 27 успешных разведывательных полетов на U-2, вылетел из Пешавара (Пакистан) и пересек территорию СССР вдоль Уральских гор, направляясь к космодрому Плесецк, однако до Плесецка не долетел: над Свердловском он был атакован ракетой SA-2, катапультировался, был арестован, осужден и приговорен к 10 годам лишения свободы, а в феврале 1962 года обменян на полковника советской разведки Рудольфа Абеля, арестованного и осужденного в США. Инцидент с Пауэрсом заставил президента Эйзенхауэра отдать приказ о прекращении разведывательных полетов над Советским Союзом. Однако в других регионах мира полеты продолжались. В октябре 1962 года снимки U-2 стали неопровержимым доказательством размещения советских ядерных ракет на Кубе и помогли успешному решению кубинского ракетного кризиса, когда мир оказался на грани ядерной войны.

А в августе 1960 года состоялся первый успешный полет американского спутника-шпиона KH-1 (KEYHOLE – «замочная скважина»). 19 августа аппарат совершил 17 оборотов вокруг Земли, после чего выбросил над Гавайскими островами капсулу с пленкой. На первых снимках, полученных таким образом, был запечатлен военный аэродром на мысе Шмидта.

В наше время право правительств на космическую разведку не подвергается сомнению. Объем информации, получаемой из космоса, настолько велик, что специалисты не успевают его просматривать. Эксперты всерьез обсуждают вопрос, может ли спутник быть двойным агентом (почему бы и нет, если у вас есть соответствующее оборудование и коды для общения с ним? именно коды составляют сейчас главный предмет шпионажа). Но данные космической разведки сегодня недорого стоят без агентов «в поле», которые могут проверить информацию на месте. По этой причине американская разведка проглядела создание северокорейской баллистической ракеты, индийского и пакистанского ядерного оружия.

Отдельная история – создание беспилотного самолета Predator («Хищник»). Он проектировался специально для разведывательных миссий, требующих особой точности. Свои первые задания Predator выполнял в 1995 году в небе над Боснией. Наблюдавший за одним из таких полетов из Лэнгли тогдашний директор ЦРУ Джеймс Вулси пришел в полный восторг: оператор мог развернуть машину каким угодно боком, укрупнить любую деталь. Вулси сделался энтузиастом воздушной разведки и направил на ее совершенствование огромные средства; сегодня его обвиняют в том, что он сделал это в ущерб подготовке специалистов для работы «в поле». В 1999 году в Косове «Хищник» стал элементом системы лазерного наведения высокоточного оружия, хотя в реальной боевой ситуации эта система не использовалась. Затем возникла идея охоты с помощью «Хищника» на бен Ладена. А потом кого-то осенило: коль скоро Predator способен обнаружить и узнать в лицо бен Ладена, почему бы не поручить ему и ликвидацию последнего, вместо того чтобы запускать с субмарин «томагавки»? «Хищник» вооружили ракетой Hellfire («адский огонь»), после чего ЦРУ немедленно отказалось от его эксплуатации: средство разведки превратилось в оружие, а это уже компетенция Пентагона. Межведомственный спор завершился в Овальном кабинете Белого дома: президент Клинтон должен был определить условия, при которых «Хищнику» разрешалось атаковать бен Ладена. Условия эти так ни разу и не наступили: в очередной раз выследив бен Ладена или его двойника, операторы не могли дать стопроцентную гарантию того, что это именно он, а также избежать побочных жертв, как предписывал президентский приказ.

Сегодня снимки, полученные из космоса,

лежат в Интернете в свободном доступе, а за умеренную плату можно заказать изображение специфического участка – хоть собственной дачи, хоть дачи соседа. Оружие войны превратилось в инструмент папарацци. Такие фотографии вряд ли способны спровоцировать войну, но политический кризис – вполне. В свое время журнал «Столица» на некоторое время отравил существование кремлевским начальникам: журнал опубликовал вид сверху подмосковного дачного поселка Горки-9 и указал, где чья дача; оказалось – высшие должностные лица государства живут вперемежку с главарями криминальных группировок. В 1995 году в Мичигане человек по имени Билл Стюарт был осужден за попытку продать похищенные им совершенно секретные трехмерные компьютерные карты Ближнего Востока.

Но это редкий случай – в основном современные карты ценятся не высоко. Иное дело карты старинные. Из-за них до сих пор некоторые готовы поплатиться если не жизнью, то свободой.

В краях средневековых карт всегда присутствует некая загадка и аномалия. Среди пойманных и осужденных в США похитителей карт были два монаха и профессор университета, литератор и член городского совета. Некоторые из них продавали или пытались продать украденные в университетских библиотеках атласы, другие хранили карты дома, часто вырезанные бритвой из книг, чтобы в уединении любоваться шедеврами картографического искусства. Самый известный из них, антиквар Гилберт Блэнд, имел около десятикарты вымышленных имен, жил двойной и тройной жизнью, единственным смыслом которой были карты. Общая черта этих людей заключается в том, что все они не могли остановиться, губили свою репутацию и карьеру, разрушали семью, отбывали тюремный срок, выходили на свободу – и снова предавались своей страсти.

В старинных картах есть неотразимая магия. Чертя такую карту, картограф создавал картину мира, вкладывал в нее не только все свое знание, но и представление о нем, соединял точные сведения с догадками, результаты собственных вычислений и бдений у телескопа с чистейшим вымыслом шарлатанов и мистификаторов. Это одновременно и научный трактат, и повесть о необыкновенных приключениях путешественников, и этнографические заметки, и иллюстрация к ним. Контуры полуоткрытых земель украшены жанровыми сценами, которые, в свою очередь, сопровождаются каллиграфическими пояснениями в затейливых картушах. Земная твердь и в особенности водная гладь заполнены изображениями диковинных существ. Гигантские чешуйчатые змеи и спруты с клювами хищных птиц, пузатые рыбы с покрытым шипами телом и головой единорога, невиданные плавающие твари с кабаньим рылом и слоновьими бивнями. На одной карте морского монстра оседлал португальский король. Путешественники привирали, отчасти дабы удивить читателя, отчасти – дабы отпугнуть конкурентов. А кроме того, ведь не могли же они не увидеть чудес, описанных другими авторитетными авторами. В XV веке таковым считался Джон Мандевиль, сочинивший фантастическое повествование о своих мнимых путешествиях на Восток, которое Колумб считал вполне надежным источником сведений о Китае. Из записок Антонио Пигафетты перекочевал в шекспировскую «Бурю» патагонец Калибан, вызывающий к своему божеству Селебосу. Английский вельможа, мореплаватель и пират Уолтер Роли, составивший первую карту Гвианы и Венесуэлы, писал об амазонках и людях без головы, у которых лицо располагается на груди; впрочем, сэр Уолтер сам был поэт и сочинитель.

Только не говорите, что в детстве, читавшись «Острова сокровищ», «Том Сойера» и «Золотого жука», вы не искали клад на пыльном чердаке или на необитаемом острове посреди чахой подмосковной речки. И не чертили собственную пиратскую карту, будучи свято убеждены, что по ней-то сокровище обязательно отыщется. Просто есть люди, у которых детское увлечение с возрастом не проходит. Во времена Колумба они шпионили для своих королей, отправлялись за тридевять земель в опасные путешествия. Сегодня о шпионаже речь не идет: кровь будоражит возможность не вполне легально приобщиться к тайнам средневековой картографии.

ПАЗЛ ДЛЯ «ГРАФА МОНТЕ-КРИСТО»

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

История того, как складывался великий замысел, хранит не меньше детективной интриги и острых коллизий, чем сам роман Александра Дюма.

Блистательные герои романов Александра Дюма и сами названия его книг давно стали нарицательными. Так, о верных друзьях мы говорим: неразлучны, как три мушкетера. А графом Монте-Кристо часто называют таинственного и богатого человека с неясным прошлым. Впрочем, и сами обстоятельства создания романов Дюма хранят немало загадок и тайн.

В начале 1840-х годов Александр Дюма уже прославился не только как драматург, но и как автор историко-приключенческих романов. Известность и богатство пришли к нему во многом благодаря новому газетно-журнальному жанру – фельетону. В то время фельетоном назывались увлекательные романы, которые печатались из номера в номер, с продолжением. Вся Франция с восторгом читала «Трех мушкетеров» в журнале «Сьекль» («Век»), в течение полугода заветные номера, что называется, рвали из рук, зачитывали до дыр, а некоторые главы омывали слезами. Например, гибель славного Портоса повергла тысячи французов в безутешную скорбь.

Новомодный жанр требовал от автора огромной работоспособности и особых навыков в построении фабулы: каждой главе следовало придать определенную сюжетную завершенность, но непременно с интригующим финалом. Пометка в конце главы «Продолжение следует» буквально гипнотизировала читателей, возбуждала неугасающий интерес. Кроме того, главы печатались по мере написания, с пылу с жару, а общий план романа существовал только в голове автора, и требовалось высокое мастерство, чтобы свести воедино разрозненные эпизоды и сюжетные линии, не растерять героев и второстепенных персонажей. По мере публикации романа-фельетона в периодике, автор уже составлял отдельные тома из напечатанных глав, а издатели выпускали их в свет.

Некоторое время никто не мог сравниться с Александром Дюма в мастерстве фельетонного романиста, а равно и в тиражах, и в доходах. Но в 1843-м трон короля фельетона зашатался. Роман-фельетон Эжена Сю «Парижские тайны» вызвал огромный интерес у французской публики, и читатель проголодался за него рублем, то бишь, франком. Совокупный гонорар за это произведение в газете и в книжном издании побил все рекорды.

Дюма не слишком огорчился, пожалуй, только его тщеславие было слегка задето – он не привык быть вторым. Поразмыслив, он понял, в чем был скрыт успех «Парижских тайн». Хотя Эжен Сю был значительно слабее его как писатель, но он рассказывал о современной жизни Франции, его героями стали представители всех слоев общества сверху донизу. Читатели с удовольствием подсматривали в замочную скважину за жизнью великосветских особ; они узнавали себя в честных работягах; они с любопытством и одновременно с отвращением опускались в мир городских трущоб. При этом Эжен Сю умел лихо закручивать криминальный сюжет, интриговать тайнами, нагнетать страсти, как высокие, так и низменные.

Александр Дюма отец

Издатели убеждали Дюма обратиться к современности. Тот и сам планировал в будущем изобразить панораму столичной жизни в «Парижских путевых очерках» – аж в восьми томах! Но теперь воображение мастера пленилось новой творческой задачей. Дюма решил в первый и в последний раз взяться за роман на современную тему. Прежде всего, ему нужен был захватывающий сюжет, в котором переплелись бы самые сильные страсти человеческие: любовь, зависть, алчность, стремление к власти и жажда справедливого возмездия.

Дюма и прежде прочитывал море разнообразной литературы в поисках материалов и сюжетов. Он не вел картотеки, он все хранил в своей массивной, под стать всей тучной фигуре, голове. И вот из глубин памяти всплыла история, расчитанная лет пять назад. Первым ее раскопал в полицейских архивах историк Жак Пеше и опубликовал под заглавием «Алмаз отмщения». Случай из полицейской хроники оказался настоящим алмазом, требующим, однако, мастерской огранки.

Жестокая шутка

Жил в Париже сапожник по имени Франсуа Пико. Это был честный, работающий малый, приехавший в столицу с юга, из города Ним. Франсуа звезд с неба не хватал, но работал на совесть, и клиенты его ценили. В 1807 году ему улыбнулось счастье: красавица Маргарита Вигору согласилась выйти за него замуж. К тому же в приданое за ней родители давали сто тысяч франков!

Клевета достигла цели, донос попал прямо к комиссару полиции. Тот смекнул, что раскрытие заговора сулит повышение по службе и без предварительного следствия отпрапортовал по начальству. Наполеоновская госбезопасность тоже шуток не понимала. Директор тайной полиции Савари, также без всякого следствия, подмахнул приказ, и за три дня до свадьбы Франсуа Пико был арестован. Его заточили навечно в замок Фенестрель в Пьемонте.

Родственники несчастного сапожника, его невеста и ее родители безуспешно обивали пороги – полиция хранила молчание. Франсуа Пико исчез без следа.

В тюремном заключении Франсуа подружился со стариком, итальянским священником, непримиримым врагом Бонапарта. Старик был уже слаб и болен, Пико заботливо ухаживал за ним. Перед смертью священник открылся молодому другу: он был богат, владел огромным состоянием в несколько миллионов франков, и еще столько же стоили драгоценности, спрятанные в потайном месте в Милане. Все это старик завещал Франсуа. По правде говоря, Пико не надеялся когда-нибудь воспользоваться этим богатством.

Номер 1 и номер 2

Минуло семь долгих лет. В 1814 году пала великая империя, а ее властелин сам отправился в заточение на остров Святой Елены. Тысячи узников наполеоновского режима вышли на свободу. Среди них и Франсуа Пико, сосланный до срока – голова его побелела, лицо изрезали горестные морщины, и только глаза горели испепеляющим огнем.

Пико вступил в права наследства, разыскал спрятанный в Милане клад и стал сказочно богат. Вскоре он объявился в родном парижском квартале под именем Жозефа Люше. Никто не узнал в нем исчезнувшего сапожника. Пико скоро выяснил, что его невеста два года оплакивала сгинувшего жениха, а потом все-таки вышла за того самого кабатчика Лупиана, вдовца с двумя детьми. Вскоре на свет появились еще двое детей. На приданое жены Лупиан развернул и теперь владел одним из лучших ресторанов Парижа. У двоих друзей Лупиана дела тоже шли неплохо. Только Антуан Аллю вынужден был вернуться в Ним, там он содержал захудалый трактир. Пико интуитивно чувствовал, что Аллю «сдаст» ему остальных. И отправился в Ним.

Однажды вечером в трактир вошел почтенный священник. «Аббат Бальдини», – представился он хозяину. Святой отец рассказал, что был узником замка Окуф в Неаполе и там близко познакомился с Франсуа Пико. Бедняга умер в тюрьме, а перед смертью завещал разыскать виновников своих несчастий. Антуан Аллю замаялся, и тогда аббат выложил на стол необыкновенной красоты бриллиант: «Он будет твоим, если ты скажешь, кто погубил Франсуа Пико». «Все это затеял Лупиан, ему помогали бакалейщик Шамбар и шляпник Солари, – признался Аллю. – Я хотел их остановить...» Аббат покачал головой: «Но не оставил». Он небрежно бросил бриллиант на грязную трактирную скатерть и ушел.

Аллю продал алмаз ювелиру, купил богатый дом в Ниме и зажил в свое удовольствие. Но вскоре узнал, что ювелир перепродал тот алмаз почти вдвое дороже. Это возмутило Антуана Аллю, он пришел к ювелиру и потребовал еще денег. Ювелир отказался. Вспыхнула ссора, Аллю выхватил нож и убил ювелира. Прихватив все деньги, трактирщик скрылся.

Счастливым жених сиял, как золотой луидор.

Как-то раз, во время карнавала, Франсуа Пико завернул в знакомый кабачок. Там у кабатчика Матье Лупиана часто собирались земляки-южане. Кабатчик Лупиан тоже ухаживал за Маргаритой, но получил от ворот поворот. Франсуа хотел поделиться своей радостью, а заодно слегка поддеть соперника. Ведь и Лупиан, бывало, хвастался: я, мол, хозяин приличного заведения, не чета какому-то сапожнику!

Дело было перед закрытием кабачка, за столиком сидели еще трое знакомых хозяина – Шамбар, Солари и Аллю. Они с кислыми физиономиями выслушали болтовню везучего сапожника, потому что втайне все завидовали ему. Когда Пико ушел, Лупиан как бы в шутку предложил: «А давайте напишем на него донос! Пусть понервничает перед свадьбой, чтобы жизнь медом не казалась!» Приятель охотно согласился, только один из них, Антуан Аллю, засомневался: смех смехом, а донос – дело серьезное! Но на него замахали руками: ты что, шуток не понимаешь? И накатали целую шпионскую историю о том, что под личиной сапожника Пико скрывается дворянин из Лангедока, тайный агент англичан, который плетет сети заговора с целью свержения власти Наполеона и восстановления монархии Бурбонов.

А тем временем в парижском ресторане Лупиана появился новый официант по имени Проспер. Старательный человек средних лет, он не только прекрасно обслуживал клиентов, но и внимательно относился к родным и близким хозяина – к его жене и детям от первого брака, к его друзьям. Однажды бакалейщик Шамбар не пришел в ресторан Лупиана на традиционную партию в трик-так. Под утро его нашли на мосту Искусств с кинжалом в груди. На рукоятке была надпись: «Номер первый». Через некоторое время, после ужина в ресторане Лупиана, шляпник Солари почувствовал рези в животе. Ночью он умер в страшных мучениях. Во время похорон все заметили записку, приколотую к траурному сукну, покрывающему гроб: «Номер второй».

Последняя просьба Антуана Аллю

Беды одна за другой посыпались на семью Лупиана. Сначала некий маркиз Корлано соблазнил его шестнадцатилетнюю дочь от первого брака. Беременная Тереза во всем призналась отцу. Лупиан немного успокоился, когда маркиз, как благородный человек, попросил руки его дочери и заверил, что признает будущего ребенка своим законным наследником. Молодые обвенчались чести по чести. Но за свадебным столом жениха почему-то не оказалось. Через несколько дней он прислал письмо из Испании, в котором объявлял, что вся эта свадьба – всего лишь карнавальная шутка. И никакой он не маркиз, а ловкий аферист, к тому же – беглый каторжник.

Не прошло и недели, как сгорел дотла ресторан Лупиана. Огонь охватил и жилые комнаты, семья едва сумела спастись. Разоренный Лупиан рассчитал всех служащих, и только официант Проспер остался помогать хозяину, не требуя никакой платы.

Вдобавок парижские воры соблазнили легкой наживой младшего сына Лупиана – Эжена. На первой краже со взломом Эжен попался с поличным, а ловкие сообщники, разумеется, улизнули. Суд приговорил его к двадцати годам каторги.

Не выдержав страшных испытаний, умерла Маргарита, «прекрасная мадам Лупиан», как ее называли. И сам Лупиан предпочел бы смерть, но судьба хранила его для последнего удара. Официант Проспер предложил без обиняков: «Я спасу тебя и детей от голода и нищеты, если Тереза станет моей любовницей». И дочь хозяина пошла в содержанки к слуге.

Зловещий карнавал завершился трагическим маскарадом. Поздно вечером на улице перед Лупианом внезапно появилась фигура незнакомца в черном домино.

«Помнишь ли ты 1807 год? – спросил знакомый голос. – Ты совершил ужасное преступление, погубил жизнь невинного человека».

«Да, – признался Лупиан. – Но Бог покарает меня, жестоко покарает».

«Нет, не Бог, – сказал незнакомец, снимая маску, – а я, Франсуа Пико. Это я заколол Шамбара, отравил Солари, сжег твой дом, опозорил твою дочь и отправил на каторгу твоего сына. Теперь настал твой час – ты номер третий».

Пронзенный кинжалом, Матье Лупиан упал замертво.

Франсуа Пико возвращался в свое убежище опустошенным. Таким живым трупом он чувствовал себя в замке Фенестрель, когда чувствовал со своей прежней жизнью. И теперь, выплеснув из сердца всю месть, он вдруг понял, что жить больше не для чего...

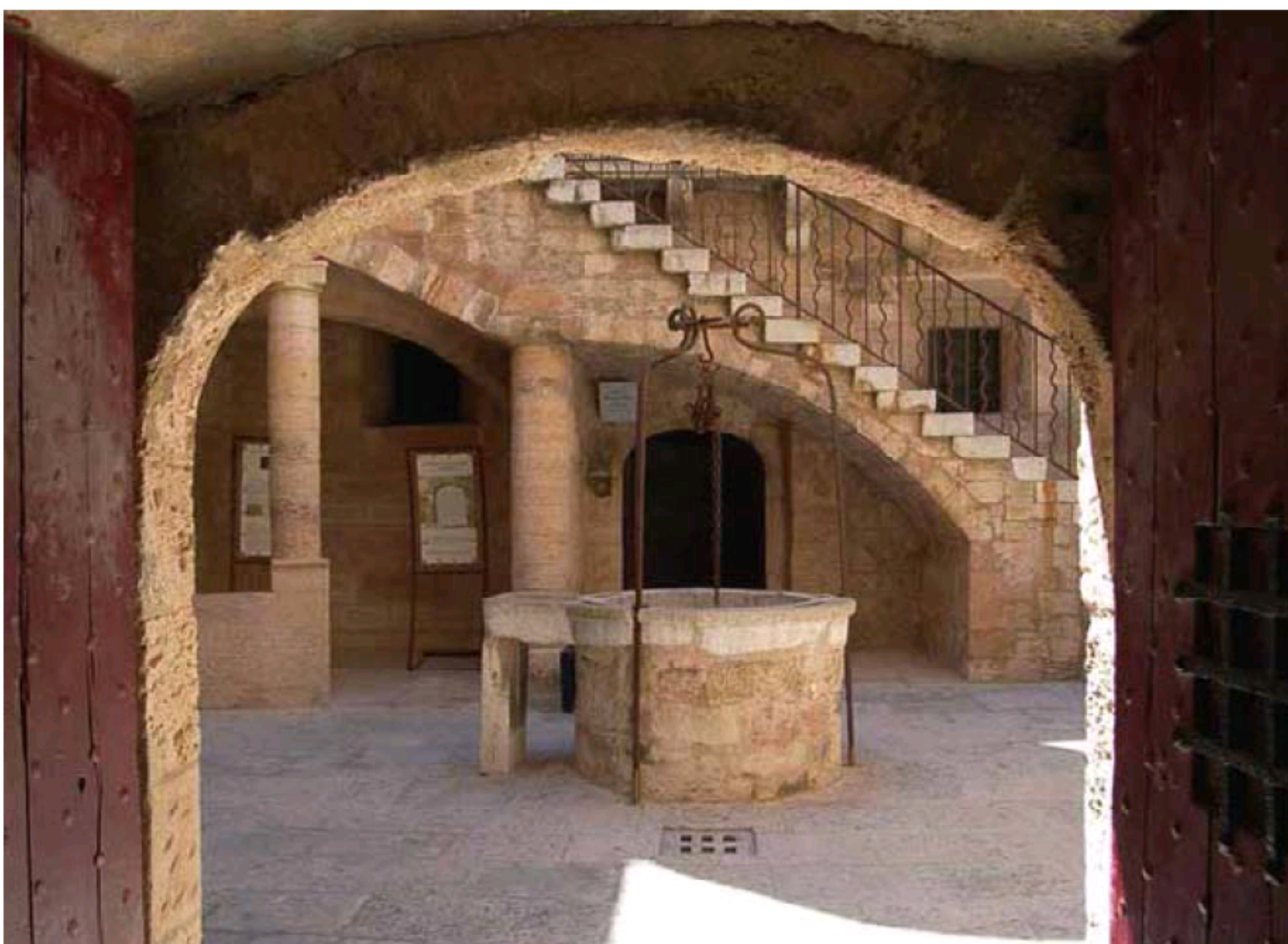
Вдруг кто-то оглушил его ударом по голове, Франсуа Пико потерял сознание. Он очнулся связанным, в каком-то полутемном подвале. Над ним склонился... Антуан Аллю. Он давно догадался, кто приходил к нему под видом аббата. А главное, понял, что одинокий мститель сказочно богат. Аллю тайно приехал в Париж и следил за Франсуа Пико.

«Вот ты и свершил свою месть, – сказал Аллю. – Скажи, стоило это десяти лет жизни?»

Франсуа Пико молчал.

«Ладно, это твое дело и твое право. Скажи мне, где ты спрятал свои богатства, и мы разойдемся мирно... – Аллю достал нож. – Говори – или...»

Франсуа Пико улыбался. Взбешенный Аллю ударил его ножом в грудь.

Вверху: замок Монте-Кристо, построенный Александром Дюма в предместье Парижа на гонорар, полученный от издания романа. Внизу: внутренний дворик замка.

После этого Антуан Аллю бежал в Англию и жил там совершенно один. Через несколько лет он почувствовал приближение смерти и призвал католического священника. Прелата поразила исповедь убийцы, но еще больше – его последняя просьба. Аллю попросил священника передать его исповедь французским властям.

Так эта история обманутых надежд, предательства и мести попала в архивы парижской полиции.

Таинственный аббат

Сходство фабулы «Графа Монте-Кристо» с трагической историей Франсуа Пико очевидно. Но и расхождений достаточно. И главное отличие в том, что Франсуа Пико был одержим жаждой мести, а Эдмон Дантес, отец графа Монте-Кристо, осуществлял возмездие (как говорится, почувствуйте разницу!). Пико собственноручно вершит расправу, а Монте-Кристо лишь направляет судьбу, которая сама воздаст сторицей за пороки и преступления. Кстати, Эдмон Дантес, вернувшись в Марсель, начинает не с мщения, а с благодарений – щедро одаривает тех, кто остался ему верен, кто пострадал безвинно, как и он.

Еще одно важное обстоятельство: первоначально Дюма намеревался, вслед за Эженом Сю, рассказать типично парижскую историю. Но, сделав Эдмона Дантеса моряком, он должен был перенести события первой части романа в приморский город. В какой? Конечно, в Марсель. Потому что Дюма любил этот город и часто бывал там. А

Марсель сам подсказал и некоторые новые места действия и даже новых героев.

Дюма много раз любовался с марсельской набережной островом и замком Иф, «южной Бастилией», как его еще называли. Согласно преданию, там в разное время были заключены загадочный «человек в железной маске», маркиз де Сад, граф де Мирабо и множество других примечательных личностей. Дюма переправился на остров в лодке, долго бродил по галереям замка, заглядывая в мрачные казематы. В одном из них, как рассказали гостю, лет тридцать назад сидел некий аббат Фариа. Так Дюма впервые услышал о человеке, послужившем прототипом одного из главных героев его романа, которого тогда еще не было и в замысле.

В 1756 году в Гоа, португальском владении на побережье Индии, в знатной семье де Фариа родился сын Хосе. Мальчик был смуглым, как индеец, и умным не по годам. Может быть, он унаследовал гены одного из своих предков по отцовской линии – брамина Анту Синая, принявшего крещение в XVI веке. Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, семья переехала в Лиссабон. Было решено, что Хосе получит религиозное образование, как и его отец. Юноша отправился в Рим, блестяще окончил коллеж и стал доктором богословия.

Когда он вернулся в столицу Португалии, его отец Каэтано Виторино де Фариа уже был исповедником королевы. Он добился для сына места при дворцовом храме. Но в 1788 году все внезапно переменилось. На обоих де Фариа пало подозрение в участии в заговоре, и они бежали в Париж.

После ханжеского лиссабонского двора молодой аббат Фариа упивался свободой и новыми идеями. Революцию 1789 года он встретил в рядах восставших и даже командовал одним из отрядов санкюлотов. Но благородное происхождение в карман не

спрячешь, и зловещий припев песенки санкюлотов «Всех аристократов – на фонарь!» – относился и к нему. Когда гильотины заработали, как часы, аббат Фариа уехал подальше от столицы, в Марсель. Там он преподавал в Марсельской академии и в местном лицее, изучал медицину.

Но вот к власти пришел Наполеон. Аббат Фариа вслух не осуждал, но и не поддерживал империю. Когда в лицее вспыхнули волнения, аббат сочувственно отнесся к требованиям лицейцев и покрывал зачинщиков. Начальство побыстрее спровадило аббата Фариа в Ним на должность младшего преподавателя. Но тайная полиция уже занесла аббата в черные списки, он был арестован в Ниме и доставлен в Марсель. Следствие долго искало, к какому бы заговору приписать вольнолюбивого аббата, и в конце концов его зачислили в последователи Гракха Бабефа, то есть, в современных терминах, в коммунисты. А такому опасному преступнику место как раз в каземате замка Иф.

Долгие годы, проведенные в каземате замка Иф, аббат Фариа потратил не зря. Он совершенствовался в искусстве магнетизма – так называли тогда гипноз. Еще в Париже аббат познакомился с исследованиями австрийского врача Месмера и его французского последователя, маркиза де Пуисегюра. То, что они считали «животным магнетизмом» и «искусственным сомнамбулизмом», было обыкновенным гипнозом. В Индии гипноз был обычной практикой жрецов и йогов, этот дар достался аббату Фариа, можно сказать, по наследству. Он соединил знания передовой европейской медицины с древней восточной практикой и стал лучшим магнетизером своего времени.

Наконец Наполеон пал, двери казематов отворились. Аббат Фариа вернулся в Париж. В доме на улице Клиши он нанял квартиру с небольшим залом, где начал показывать сеансы гипноза. Вскоре таинственный магнетизер сделался знаменитым, его прозвали «бронзовый аббат». А он вовсе не стремился ни к славе, ни к богатству. Плату за вход брал скромную, всего пять франков. Во время сеансов избегал внешних эффектов, ставил перед собой задачи лечебные и исследовательские. По ночам он записывал в тетради: «Не в магнетизере тайна магнетического состояния, а в магнетизируемом – в его воображении. Верь и надейся, если хочешь подвергнуться внушению».

Не так ли исцелял Христос, спрашивая больных: веришь ли? И говорил исцеленному: вера твоя спасла тебя. Но как раз католическая церковь была непримиримым противником ученого аббата. Церковь закрывала глаза на деятельность «чудотворцев» вроде графа Сен-Жермена и Калиостро, но слуге божьему подобная деятельность не пристала. Силу магнетизма объявили «дьявольским внушением». Аббату пришлось сделать нелегкий выбор между верой и научной работой. Он оставил Париж и принял маленький бедный приход в предместье. Только его знания не смогли у него отнять, он успел написать книгу «О причине ясного сна, или Исследование природы человека, написанное аббатом Фариа, брамином, доктором теологии». Исполнив долг ученого, он умер в 1819 году.

И, наконец, очень личное

И еще одно южное путешествие припомнилось Дюма. В 1842 году писатель приехал во Флоренцию. Его принял Жером Бонапарт, младший брат Наполеона, экс-король Вестфалии в изгнании. Дюма был по натуре демократом, по убеждениям республиканцем, но такие встречи льстили его самолюбию. А впрочем, улыбался про себя писатель, они и в самом деле не равны: низложенный король несуществующего ныне государства принимает действующего короля Литературы!

Жером Бонапарт попросил Дюма сопровождать его сына, принца Наполеона, в поездке на остров Эльбу – место последнего пристанища императора. Сорокалетний писатель и восемнадцатилетний юноша исходили Эльбу вдоль и поперек. «Здесь на островах прекрасная охота, – сказал гостям проводник. – Особенно на острове Монте-Кристо. Там водятся дикие козы, каких не встретишь нигде». Монте-Кристо, Христова Гора! Дюма был очарован этим названием. К несчастью, на остров нельзя было высадиться из-за объявленного властями карантина.

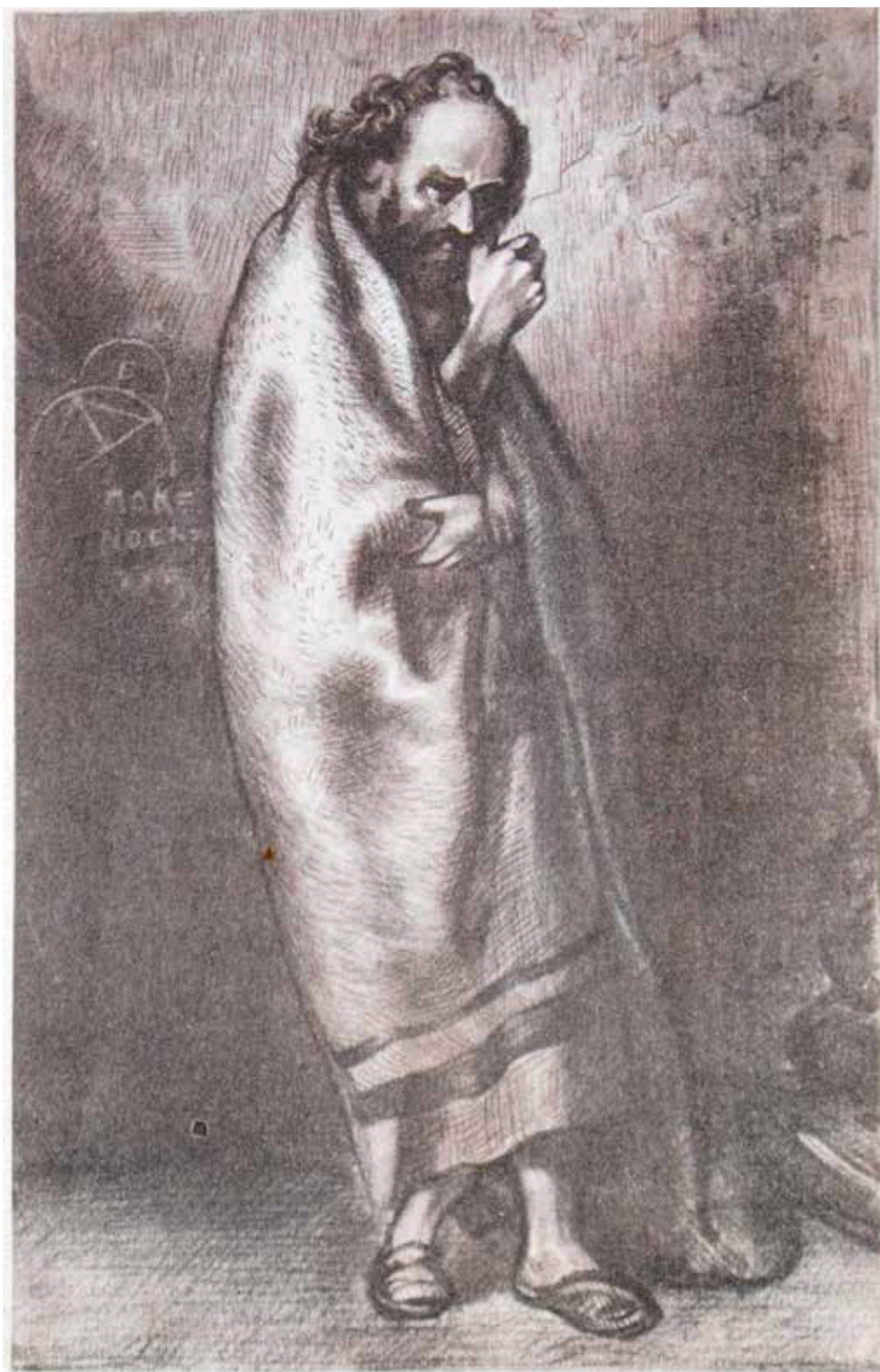
Но Дюма приказал плыть вокруг острова-горы, возвышавшейся над поверхностью моря. «Зачем?» – спросил юный принц. «Чтобы хорошенько запомнить этот остров. Клянусь, в память о нашем путешествии я назову именем Монте-Кристо один из моих романов!» Рассказы местных жителей еще больше разбудили фантазию писателя. В старину здесь был уединенный и очень богатый монастырь. Узнав о сокровищах монахов, на остров высадились алжирские пираты. Но сколько ни пытались монахов, они так и не сказали, где спрятаны сокровища. Впоследствии пираты и контрабандисты часто прятали на этом острове свои клады...

Итак, в распоряжении Дюма были подлинная криминальная история из полицейских архивов, необычная биография аббата Фариа, живые впечатления от посещения Марселя, замка Иф и острова Монте-Кристо. Это много. Но этого мало! Для того, чтобы разрозненные сюжеты и впечатления сложились в единое художественное целое, писателю требуется личное отношение к описываемым событиям, то, что волнует его всерьез.

У Дюма было такое отношение, и были личные мотивы, которые он хотел отразить в романе. Поэтому «Монте-Кристо» оказался не просто современным произведением, он стал злободневным документом эпохи.

Поколение французов, к которому принадлежал Дюма, пережило триумф Наполеона, а затем его сокрушительное падение, реставрацию монархии Бурбонов, революцию 1830 года. Не утихала острая политическая борьба республиканцев, бонапартистов и монархистов. История режет по живому, ломая не только общественные устои, но и судьбы людей. Во Франции, как в послереволюционной России, многие трепетали от вопроса: «А в какой партии вы состоите до тысяча восьмисот такого-то года?» Людей бросали в тюрьмы, отправляли на каторгу, часто безвинно. Потом власть менялась, одних освобождали, других сажали. Кто-то стремительно возвышался, а кто-то падал на самое дно...

Хлебнула горя и семья Дюма. Отец писателя, Тома-Александр Дюма, в чьих жилах текла кровь гаитянской рабыни, храбро воевал за республику и заслужил генеральские эполеты. Несмотря на близкое знакомство с молодым Наполеоном, Дюма-старший не скрывал республиканских убеждений. После утверждения империи начались притеснения по расовому признаку, было вос-

Аббат Фариа. Иллюстратор Поль Гаварни, 1846 г.

у графа Монте-Кристо. Конечно, не для удовлетворения своих прихотей, а именно для торжества справедливости – такая детская мечта не оставляла и Дюма.

Он и был большим ребенком, немного капризным, но, в сущности, добрым мечтателем.

Испытание блаженством

Вот какие реальные люди и события, собственные впечатления и личные переживания, наконец, сокровенные мечты воплоти-

лись в «Графе Монте-Кристо». И это отчасти объясняет совершенство романа. Отчасти, потому что сотворение шедевра всегда сродни чуду.

Но потом свершилось еще одно чудо: мечта Дюма о богатстве воплотилась наяву. Публикация романа с продолжением в газете «Деба» и книжные издания принесли автору действительно огромные деньги. Он и прежде был богат, но деньги у него не залеживались – он любил пожить с размахом, попотчевать друзей, содержал многочисленных любовниц. Но после «Монте-Кристо» у Дюма появилось целое состояние, которое затруднительно было просто прокутить.

Писатель начал строить настоящий замок Монте-Кристо в предместье Парижа. Дюма пригласил архитектора Ипполита Дюрана и сказал: «Я хочу, чтобы замок был таким...» И начал выдвигать фантастические проекты. Архитектор был в отчаянии, но с заказчиком не поспоришь.

И вот в июле 1848 года творческая элита Франции была приглашена на новоселье. Их взорам предстало необыкновенное зрелище. На девяти гектарах раскинулся английский парк с искусственными озером, водопадом и подъемными мостами. Все аллеи сходились к замку причудливой архитектуры. Поодаль стояло готическое строение поменьше – замок Иф. В вольерах прыгали обезьяны, прогуливались фазаны, кричали попугаи. В конюшне били копытами три арабских скакуна – Атос, Портос и Арамис. Но самым удивительным был сам замок Монте-Кристо. Снаружи он походил на роскошную итальянскую виллу, а внутри – на дворец мавританского султана.

Хозяин не показал гостям лишь одну комнату. Среди великолепия дворца она являла образец скромности: стол, стул, кровать. Это был кабинет писателя. Здесь, а не в роскошных покоях, он намеревался работать, а значит – жить.

Отпраздновав новоселье за пиршественным столом, гости возвращались домой. «Как вам понравился замок?» – спросили Оноре де Бальзака. «Самая царственная бонбоньерка на свете», – сказал живой классик.

Ну и что?! Дюма построил то, что хотел. Но, увы, писатель не успел толком обжиться в своем замке. Дело в том, что Дюма открыл собственный театр, начал издавать свою газету, но оба предприятия провалились. Кредиторы обложили его, как медведя, в его роскошной берлоге. В конце концов «царственная бонбоньерка» пошла с молотка.

Да, богатство не далось Александру Дюма. И все-таки он оставался сказочно богат – впереди у него было еще столько прекрасных книг! И этими сокровищами он щедро делился с нами, как настоящий граф Монте-Кристо.

Немногие помнят, что в конце романа Эдмон Дантес устал от ненависти. Он сохранил жизнь заклятому врагу Данглару, обеспечил счастье двух влюбленных, Максимилиана и Валентины. Загадочный граф оставил им прощальное письмо и исчез навсегда. Письмо оканчивалось словами: «Только тот, кто безмерно страдал, способен испытать блаженство. Надо почувствовать вкус смерти, чтобы с удовольствием вкушать жизнь. Вся премудрость в двух словах: ждать и надеяться!..»

Статуя аббата Фариа

становлено рабство в колониях, отмененное революцией; генерал Дюма оказался слишком черен для новой власти, он впал в немилость и вынужден был выйти в отставку. Генерал уже не оправился от несправедливого удара и умер, оставив семью без средств к существованию. Его сын тоже потерпелся от власть имущих, от подлецов и выскочек эпохи Реставрации. На его глазах циничные дельцы, вчерашние работоторговцы и контрабандисты становились элитой французского общества. Роман «Граф Монте-Кристо»

отразил и эту коллизию.

И, наконец, глубоко личное, почти интимное. Александр Дюма, как и все честные люди, жаждал справедливости. Все мы хотим, чтобы зло было наказано, а добро вознаграждено. И приходим в отчаяние от мысли, что это, увы, слишком редкое явление. Ах, если бы найти какое-нибудь чудесное средство, вроде волшебной палочки! Таким средством с незапамятных времен стали деньги, и не просто деньги, а огромное состояние, как

Рассвет на острове Монтекросто

НЕСКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ МИСТЕРА ФО

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Он был проповедником, мореплавателем, торговцем, журналистом, тайным агентом Ее Величества. Он тринадцать раз становился богат и снова разорялся. Но самое главное дело своей бурной жизни он совершил ровно 294 года назад и обрел бессмертие. В 1719 году на книжных прилавках Лондона появилась его книга о необычайных приключениях Робинзона Крузо.

Похоже, так было всегда и везде: его обвиняли в «экономических преступлениях», а на самом деле преследовали за инакомыслие. Самое начало нового века, но нравы еще дикие. Законов много, а правды нет, и все в руках судебных. А судьи – кто?..

И он написал письмо на самый верх. Уверял, что его не так поняли, а он ничего дурного не замышлял. Теперь же, осознав свои ошибки, он может с новыми силами послужить отечеству.

Знакомая история, не правда ли?

Из мясников и протестантов

Его предки были фламандцы, носившие фамилию де Фо. Они приехали с континента еще во времена «старой доброй Англии» (англичане всегда относят «старые добрые времена» лет на сто – двести назад). В Европе католики бились с протестантами, и тысячи европейцев устремились через Ла-Манш. Англия вела себя расчетливо: всех принимала и никого не выдавала. Благодаря объявленной «веротерпимости» она привлекла тысячи волевых и предприимчивых людей, готовых начать жизнь заново. Неудивительно, что Англия быстро стала лидером Европы и «владычицей морей».

В Англии де Фо стали звать просто Фо. Зато никто не покушался на их веру, не обирал, не притеснял. Старший Фо завел в Лондоне мясную торговлю, был принят в цех лондонских мясников. Его сыновья обзавелись собственными мастерскими и лавками. В 1660 году в семье Джеймса Фо родился сын Даниель.

Но в 1662 году был издан «Закон о церковном единообразии». Истинно христианской объявлялась только англиканская церковь. А протестанты «европейского образца» и пуританского толка назывались раскольниками. Это на словах, а на деле любой поступок раскольника могли расценить как «умысел против короля».

Так маленький Даниель Фо, крещенный в приходе Святого Джайлса, что у Кривых ворот в лондонском Сити, в возрасте двух лет был от этой церкви отлучен. Многих добрых христиан-протестантов осудили безвинно, бросили в тюрьмы или продали в рабство – даже такой приговор был в арсенале английского правосудия.

И словно наказание Божье, беды обрушились на Англию. Через три года, в 1665-м, – страшная эпидемия чумы. Она выкосила пятую часть населения Лондона, больше всего пострадал центр, Сити, где и жили Фо. Но уже в следующем, 1666-м (число-то какое зловещее!), случился тот самый «большой лондонский пожар», превративший город в руины... А потом войны, одна за другой, слившиеся в большую войну за передел мира.

Приходские школы и оба университета – Кембридж и Оксфорд – были закрыты для Даниеля. Он учился в семинарии протестанта Чарльза Мортонса, талантливого проповедника и педагога. Про своих однокаш-

Даниэль Дефо

ников Даниель впоследствии вспоминал: «Они могли бы составить славу своего учителя, но сделались мучениками». Среди его друзей в «академии Мортонса» был и Тимоти Крузо. Запомним эту фамилию.

Даниель поднимает паруса

Отец записал сына в лондонский цех мясников. Он хотел, чтобы сын пошел по дедовским или отцовским стопам. Даниель был деятельным по натуре, предпринимательство было у него в крови. Но не за торговым прилавком видел он себя. И он ушел в море.

В то время редкий юноша не стремился поднять паруса. И дело тут вовсе не в романтике дальних странствий. За морем каждый пенс превращался в полновесный фунт. Половина богатств Англии приплывала морским путем. Правда, и сами искатели заморских богатств частенько находили вечный покой под волнами. Но какой юнец принимает это обстоятельство в расчет?!

И вот Даниель с контрабандным грузом вина отправляется в первое плавание. Он изведal все и сразу: океанские волны, мучительную морскую болезнь, нападение алжирских пиратов, отбитое лишь благодаря появлению английского сторожевого судна. Натерпелся он страху и оттого, что контрабандный груз в трюме мог быть обнаружен. Пришлось вскрыть несколько бочек и хорошенько угостить спасителей, чтобы усыпить их бдительность. В дальнейшем Даниель избегал морских путешествий.

Но с коммерческой точки зрения предприятие было удачным. Даниель посетил Францию, Италию, Испанию и Португалию. Ему предлагали место постоянного торгового агента в Кадиксе, но он отказался. И вернулся в Англию – по суше через всю Европу (против Ла-Манш не в счет).

ников. Среди них были и товарищи Даниеля по академии Мортонса, которых он вспоминал как мучеников. Еще сотни бунтовщиков были по приговору суда отправлены в рабство в заморские колонии.

Самого Даниеля видели среди бунтовщиков, в седле и с оружием в руках, но каким-то чудом он избежал кары. Хотя его участие в бунте было хорошо известно властям, спустя несколько лет суд постановил «добавить его имя к списку амнистированных». В чем тут дело? Может быть, уже тогда в судьбе Даниеля появилась вторая, тайная жизнь?

Но Яков-католик недолго продержался на троне. В 1688 году его сверг собственный зять, голландский принц Вильгельм Оранский. Король Вильям и королева Мария II вновь заявили о веротерпимости, нашли компромисс с парламентом. Либералы той поры заговорили о «славной революции». Пожалуй, преждевременно.

Тем не менее Даниель считал, что настали «золотые дни» его карьеры. Преуспевающий бизнесмен из Сити, образованный и религиозный, патриот и гражданин, он был замечен при дворе, ему предлагали государственные должности, для него открылся путь в высшие сферы. Правда, в ничтожном пока качестве – чиновника по сбору «оконного налога» (подобного русскому налогу «с дыму») и казначея королевской лотереи (которую сам же и придумал). Но Даниель рассчитывал на большее – на должность мэра Лондона, например. А по влиянию мог стать и доверенным лицом короля.

Но не стал, не получил, не оправдал... Потому что именно тогда деловая репутация Даниеля была, мягко говоря, подмочена.

Должник собственной тещи

«Тринадцать раз становился богат и снова беден», – написал он о себе впоследствии. Но этот, первый крах был сокрушительным и навсегда изменил его жизнь.

Ему всегда и всего было мало, не от жадности, а от неумейной жадности деятельности. Не окончив одного дела, он уже хватался за другое; не получив прибыли по одной сделке, уже вкладывал средства в следующий проект, брал кредиты. Производство кирпичей – отлично! Лондон отстраивается заново, кирпичей можно продать без счета. Но ведь кирпичный завод еще построить надо. А что вы скажете о разведении мускусных кошек для парфюмеров? Или о строительстве подводного колокола для подъема товаров с затонувших кораблей? Ну, допустим, кирпичный заводик через несколько лет заработал и стал приносить твердый доход. Но кошек, купленных по случаю и задешево, не знал, как сбыть с рук. Подводный колокол занимал его долго и высосал много денег, но возникали все новые технические неполадки, устранить которые так и не удалось...

Главный же удар нанесла война. Даниель потерял несколько кораблей с товарами – французы топили английских купцов так же, как англичане – французов, испанцев, голландцев... Он подал прошение в парламент, и нижняя палата признала, что торговец Даниель Фо «потерпел значительные материальные убытки из-за войны с Францией». Даниель просил парламент вступить за него перед кредиторами.

«Обманутых вкладчиков» было восемь. Среди них его собственная теща. Они предъявили иски на 17 тысяч фунтов. Даниель клялся и божился вернуть долги (и вернул, правда, в течение десяти лет и не все – около двух третей).

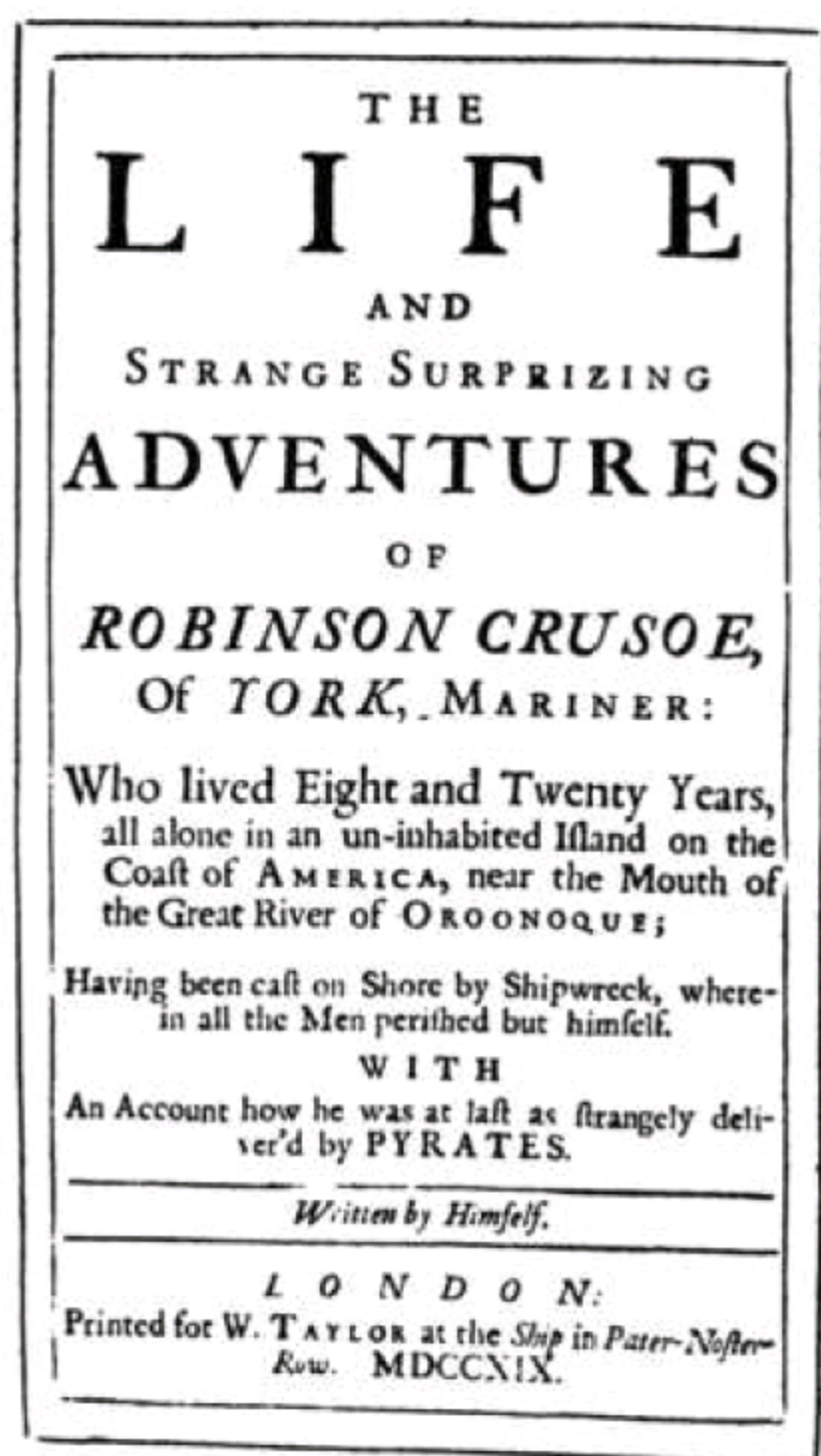
Тогда с должниками и банкротами не церемонились. Если должник пускался в бег – при поимке казнили. Если сдавался сам – тюрьма. А после тюрьмы – кто тебе

Уехал юношей, вернулся мужчиной. Появились опыт и уверенность в себе, завелись деньги. В 1684 году Даниель женился на дочери купца-винооторговца, получил в приданое целое состояние – 3700 фунтов! Взял в компаньоны брата жены и мужа сестры и открыл торговлю галантерейными товарами, притом с европейским размахом. Но и вином, бывало, приторговывал. Правда, в «пьяном» бизнесе придерживался пуританских принципов: выступал против джина, буквально залившего тогда города Англии, и вообще крепких напитков.

Политическая ситуация в Англии накалялась. Умер Карл II, скрытый католик, симпатизировавший Франции, и трон унаследовал его младший брат Яков VII, католик явный и французский протекже. Протестанты всех исповеданий временно объединились против «католической угрозы». Среди знатных оппозиционеров был лишь один человек, способный возглавить сопротивление, – герцог Монмут, незаконнорожденный сын Карла II. Протестант, лихой наездник и спортсмен, денди того времени, он умел нравиться людям. Но за яркой внешностью и приятным обхождением герцога, как выяснилось, скрывались беспечность и нерешительность. Повстанческое войско было не обучено и скверно вооружено, им командовали только два кадровых офицера, притом один убил другого на дуэли. В решающем сражении с королевскими войсками повстанцы были разгромлены, герцог Монмут бежал с поля боя, затем пленен. В конце концов он взмог на эшафот вместе с сотнями своих сторон-

Первое издание романа, слева гравюра Кларка и Пайна, перерисованная Жаном Гранвилем в 1840 году

только англиканскую церковь. Раскольники снова стали если не врагами, то уж точно не друзьями королевы и церкви. И хотя, как говорится, земля горела под ногами Дефо, он не мог удержаться и написал новый памфлет – «Простейший способ разделаться с раскольниками». Памфлет наделал столько шума, что и поныне некоторые исследователи считают его «самым громким литературным событием века». Противники не сразу поняли, над кем издевается автор. Лишь спустя некоторое время до них дошло, и поднялся крик: да как он смеет, это провокация!.. Но и сторонники Дефо посчитали автора чуть ли не предателем. Даниель опять оказался в одиночестве и был вынужден скрываться.

Ему припомнили все сразу, в том числе неоплаченные долги. Дефо объявили в розыск, его приметы напечатали в «Лондонской газете», ничего не упустили: среднего роста, смугл, волосы торчком, нос крючком. А враги расстарались и добавили от себя: «Совесть у него, разумеется, темнее, чем рожь».

Дефо скрывался полгода. Но однажды вынужден был отправиться в Лондон, чтобы подписать важные бумаги. Там его и арестовали «волей Ее Величества».

На секретной службе Ее Величества

Суд над ним продолжался три дня. Наконец судья огласил приговор: позорный столб, крупный денежный штраф и «примерное поведение» в течение семи лет (иначе говоря, семь лет условно).

Три дня подряд по несколько часов Дефо стоял у позорного столба на трех площадях Лондона. Его шея и руки были зажаты колодками, как ярмом. В осужденного разрешалось кидать камни (случалось, что забивали насмерть), плевать и поносить какими угодно словами. Но не только камни и грязь полетели в Дефо, но и цветы тоже. А мальчишки-разносчики бойко торговали листками с новым памфлетом Дефо «Гимн позорному столбу».

Гражданская казнь Дефо стала если не победой, то и не поражением. Но и после позорного столба он оставался в тюрьме. Платить штраф было нечем. Как известно, предприниматель сидит – дело стоит, долги растут.

За положением осужденного внимательно наблюдал Роберт Гарлей, будущий государственный секретарь. Гарлей видел немалые выгоды от сотрудничества с известным публицистом и предпринимателем. И сделал ему «предложение, от которого невозможно отказаться». Подробности сделки мы никогда не узнаем, но условия и последствия известны. В начале ноября 1703 года Дефо был помилован, штраф за него выплачен из королевской казны. «Вспомоществование» получила и семья Дефо, а было у него шестеро детей: четыре дочери и двое сыновей. Но и цена за свободу была высока.

Во-первых, отныне свободный журналист становился «агентом влияния»: он должен был представлять в печати политику правительства в выгодном свете. В 1704 году начинает выходить собственная газета Даниеля Дефо «Обозреватель» – с солидной дотацией правительства.

А во-вторых, Дефо становился тайным агентом правительства Англии в Шотландии. Королевство Шотландия давно стало частью Великобритании. Но у шотландцев оставался свой независимый парламент, не всегда одобрявший решения Лондона. Слияние двух парламентов должно было стать вторым шагом к полному присоединению Шотландии. Поэтому Гарлею нужен был «свой человек в Эдинбурге», который и сообщал бы о мнениях упрямых шотландцев, и мог бы тактично влиять на их умонастроения. Дефо, с его репутацией задиры, подходил по всем статьям.

К чести Дефо надо сказать, что на «секретной службе Ее Величества» он не запятнал себя явной подлостью. Как «агент влияния» он действительно поддерживал законы и решения правительства, но только те, которые разделял и сам. А его письма из Шотландии к Гарлею даже отдаленно не напоминают ни отчеты, ни рапорты, ни тем более доносы. Хотя, по сути, это, конечно, агентурная переписка. «Я буду ждать от вас вестей на имя Александра Голдсмита», – на всякий случай напоминал Дефо свое явочное имя. Известны и другие его псевдонимы – Андре Моретон и Клод Гийо. Но в агентурных письмах Дефо нет других имен и должностей. От его секретной деятельности, как говорится, ни один шотландец не пострадал. Стоит ли говорить, насколько его миссия была непростой и опасной. Характер шотландцев известен. «Если бы только стало известно, что он шпионит, его бы разорвали на куски», – писал современник, посвященный в тайную жизнь Дефо.

В 1706 году Дефо потерпел новое банкротство, и это еще больше закабалило его. Только заступничество и дотации правительства спасали от нового суда и тюрьмы. Друзей становилось все меньше, а врагов – явных и скрытых – все больше. В сохранившемся доносе 1707 года, названном благозвучия ради «Доклад относительно Даниеля де Фо», говорится: «Человек он крайне несдержанный и опрометчивый, жалкий продажный потаскун, присяжный фигляр, наемное оружие в чужих руках, скандальный писак, грязный крикливый ублюдок, сочинитель, пишущий ради куска хлеба, а питающийся бесчестьем».

Друг писал иное: «Он обладает честью, достойным писателя, и мужеством, достойным подвижника». Ну, на то он и друг. Мы все тоже друзья Дефо. Однако, отбросив явные поношения из «Доклада», согласимся с тем, что поступал он часто весьма опрометчиво. Действительно, сочинял, и часто ради куска хлеба. А теперь еще и оказался «наемным оружием в чужих руках».

Храбрый моряк Александр Селькирк

В 1703 году адмирал Дампьер, знаменитый гидрограф и не менее известный пират, отправился в новую экспедицию. Его флотилия состояла всего из двух кораблей. Флагманом был «Святой Георг», а второй назывался «Пять портов».

Не один Дампьер совмещал службу королю и преступный промысел. Такими были многие «морские соколы» XVII–XVIII веков – они приносили к ногам королевы новые земли, завоевывали колонии, поэтому правительство закрывало глаза на их «подвиги» иного рода. Океан оставался территорией вне закона.

Штурманом на корабле «Пять портов» служил шотландец из Ларго по имени Александр Селькирк. Во время плавания он стал помощником капитана. Командир корабля капитан Страдлинг приказал не отставать от флагмана, но «Пять портов» не мог за ним поспеть. В трюме корабля была течь, судно нуждалось в ремонте, а команда в отдыхе. Селькирк не раз говорил об этом капитану (и был совершенно прав – корабль вскоре затонул, никто из команды не спасся, но Селькирка на борту уже не было). Споры с капитаном перешли в ссору. Команда могла встать на сторону помощника, и тогда –

бунт на корабле. В море капитан – верховный судья. В опасной ситуации он обязан принять самые жесткие меры: мог просто повесить непокорного помощника на рее, мог заключить его под стражу и по возвращении предать суду или же высадить его на ближайший берег. Страдлинг принял решение с оглядкой на реакцию экипажа: он предложил помощнику добровольно сойти на берег. Понятно, что это была добровольно-принудительная мера. Ладно, Селькирк взял с собой ружье, порох, табак, одежду, белье и Библию, матросы свезли его на берег. Так он оказался на необитаемом острове Мас-а-Тьерра из архипелага Хуан Фернандес в Тихом океане.

Четыре с половиной года спустя к острову подошел английский корабль. Капитан Вудс Роджерс приказал матросам запастись пресной водой. Через некоторое время моряки вернулись с человеком, одетым в козы шкуры. Он одичал, почти разучился говорить и, казалось, был безразличен к встрече с людьми. Постепенно Селькирк разговорился и рассказал свою историю. На острове он питался плодами растений и мясом одичавших коз. Когда пули и порох кончились, Селькирк просто догонял их и валил наземь. Вообще, он стал необыкновенно проворен. Однажды он убежал от нагрянувших на остров испанцев, его ловили всей командой – не догнали, в него стреляли – увернулся. «Моряк как моряк. Прилагал все силы, чтобы остаться в живых», – написал о нем капитан Роджерс через год в своих «Записках». Ничего он на острове не построил, не вырастил, никого не приручил и друга себе не завел.

Историю Селькирка печатали пять раз. В том числе знаменитый публицист того времени Ричард Стил написал очерк о нем для журнала «Англичанин». А сам Селькирк, вернувшись на сушу, десять лет не ходил в море, завел себе подружку и жил в свое удовольствие. За кружку эля или стаканчик джина в таверне охотно рассказывал о себе «все как было, без прикрас». Но деньги кончились, Селькирк нанялся штурманом на «Веймут» и ушел на нем в свое последнее плавание.

Моряка из Ларго скоро забыли. Из памяти современников его вытеснил Робинзон Крузо, моряк из Йорка. Он оказался достовернее прототипа.

Рождение Робинзона

Даниелю Дефо было уже под шестьдесят. Он написал более пятисот произведений. За плечами прожитая жизнь, да еще какая! И среди самых горьких переживаний – одиночество.

История Селькирка разбудила фантазию автора. Да, он воспользовался «случаем из жизни», но решительно оттолкнулся от факта. Он будто спорил с прототипом. Ведь Селькирк на острове расчеловечился, если можно так выразиться. Робинзон в книге Дефо не просто выживает, он строит осмысленную жизнь на «острове отчаяния» – не дикую, а человеческую. Своими руками, умом, волей и верой моряк из Йорка создает мир, подобный миру людей, который он потерял. Жизнь, а не выживание – эту мысль Дефо мог бы поставить в подзаголовок книги. Собственно говоря, он это и сделал. На обложке прижизненных изданий книги в длинном заголовке «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка...» наиболее крупно было выделено слово ЖИЗНЬ.

«Версия» Дефо была принята даже самим Селькирком: после выхода книги он и сам рассказывал свою историю уже «по-робинзоновски».

Пусть в книжке и море, и слезы, и кровь – чернильные. Но сочинение становится правдой, когда автор включает в произведение подлинного себя, впечатления собственной жизни. Взять хотя бы фамилию главного героя – ее носил погибший друг юности. К тому же Дефо представил эту фамилию иностранной. Робинзон начинает свой рассказ о «семье, происходившей, впрочем, не из этих мест. Фамилия отца была Крейцнер, но по обычаю англичан коверкать иностранные слова нас стали называть Крузо».

Итак, 294 года назад на книжных прилавках Лондона появилась книга «Жизнь и необычайные приключения Робинзона Крузо,

морья из Йорка, который прожил двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья реки Ориноко, куда был он выброшен после кораблекрушения, а вся остальная команда погибла. С добавлением рассказа о том, как он в конце концов удивительно был спасен пиратами. Написано им самим». Книга была очень дорогой – пять фунтов. Тем не менее первое издание быстро разошлось, издатель несколько раз дорепечатывал тираж.

«Приключения Робинзона Крузо» быстро стали мировым бестселлером. В 1720 году книга о Робинзоне появилась в Германии, в 1764 году – в России. Много размышлял над нею французский философ Жан-Жак Руссо, в Робинзоне он видел «естественного человека», не испорченного цивилизацией. Всю жизнь не расставался с этой книгой Лев Толстой, для которого Робинзон был своего рода «толстовцем».

Интерпретаций «Робинзона Крузо» было и есть великое множество. Ведь это книга про ЖИЗНЬ.

Правда, нет в «Робинзоне» любви. По-видимому, ее и в жизни автора не хватало. Что ж, иногда доблесть писателя состоит в том, чтобы НЕ писать. Например, чего не знаешь, во что не веришь.

Всеми забытый

После «Робинзона Крузо» Даниель Дефо написал несколько превосходных книг, в том числе «Молль Флендерс» и «История полковника Джека», которые вошли в классику английской литературы. Одна из книг этого периода была посвящена России и называлась «Беспристрастная история жизни и деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, от его рождения до настоящего времени» (1722).

Дефо и раньше касался «русской темы». В книге «История войн Карла XII» описал Полтавскую битву, для пущей беспристрастности – глазами шотландского офицера, воевавшего на стороне шведов. Много раз Дефо

писал о российской политике и торговле в газетах. Однажды он даже обозвал Петра I «сибирским медведем» – неизвестно, правда, чье мнение он выразил, но извиняться перед русским послом пришлось.

В «Дальнейших приключениях Робинзона Крузо» Дефо отправил своего героя в кругосветное путешествие, и значительную часть пути Робинзон проделал по России – из Пекина через Сибирь на Архангельск. В поселке под Нерчинском он сжег языческого идола, в Тобольске беседовал с опальными вельможами, рассказал о почти неизвестной европейцам реке Амур...

И вот наконец «История Петра», на сей раз поведенная британским офицером на российской службе. Это первое в Европе подробное жизнеописание Петра, созданное еще при жизни царя-реформатора, за два года до его безвременной смерти. Дефо прекрасно понимал масштаб исторической личности своего героя и значение его преобразований. Знал он и цену его свершениям, но оправдывал «жестокие методы». Более того, он ставил Петра в пример: «Покажите мне в Европе еще такого государя, который бы, не имея прежде ни одного корабля, за три года построил бы флот!» – в устах подданного ведущей морской державы это убедительный довод. Когда Дефо собрал воедино все доступные ему материалы, он сделал вывод, который, думается, поразил и его самого: в колоссальных свершениях Петра не было грабежа, захвата, колонизации, обычных для той эпохи. У исследователей возникал даже вопрос: а не был ли Дефо как-нибудь наездом в России? Нет, не был. Как не был никогда на необитаемом острове посреди океана. Но он «вращался среди московитов», перерыл горы книг и имел достаточно здравого смысла, чтобы отделить правду от небылиц.

На склоне лет Дефо вздохнул свободнее. Его «тайный договор» с властями практически утратил значение. Правда, иногда к нему обращались с каким-нибудь деликатным поручением. Так, его командировали в

Париж, чтобы разведать, «как идут на бирже акции французской компании по эксплуатации реки Миссисипи».

Но журналистику Дефо не оставил. Правительственные субсидии «Обозревателю» давно прекратились, и газета закрылась. Дефо писал статьи для «Торговца», потом редактировал газету «Политическое состояние Великобритании», выпускал книги (скорее, брошюры). Одно их название способно пробудить интерес: «Политическая история дьявола», «Совершенный английский торговец», «Совершенный английский джентльмен».

С кредиторами он кое-как ладил, некоторые из них уже умерли, другим выплачивал долги малыми взносами (выручал кирпичный заводик!). Конечно, приходилось ловчить, таиться, заискивать. Втихую обзавелся собственным домом в Ньюингтоне, недалеко от Лондона.

Но и это зыбкое перемирие с судьбой оказалось недолгим – вдова одного из кредиторов подала новый иск. И судебная машина вновь закрутилась... Чтобы избежать конфискации имущества, Дефо переписал дом и имущество на сына и... жестоко просчитался. Бенджамен был способным журналистом, но, увы, негодяем. «Я поставил себя от него в зависимость, доверился ему, отдал ему в руки других своих, еще не обеспеченных детей, а у него не нашлось сострадания, заставил он мучиться их и свою несчастную умирающую мать, когда сам он жил в полном достатке», – писал Дефо.

На восьмом десятке он вновь был вынужден скрываться. Снял комнату в лондонском Сити. Годы и болезни брали свое. Однажды лондонцы прочитали в «Ежедневном курьере»: «В понедельник вечером у себя на квартире по Канатной аллее в преклонном возрасте скончался знаменитый Даниель Дефо».

Иногда кажется, что в биографии Даниеля Дефо уместилось несколько судеб совершенно разных, но ярких личностей. При этом их трудно вообразить близкими людьми, а не то что одним человеком.

Могила Даниэля Дефо, Банхилл Филдс, Лондон

Так who is Mr. Foe?

Англичане любят загодя сочинять себе эпифансии. Остроумные, парадоксальные и, уж во всяком случае, – краткие. Сочинил и Дефо. Он хотел, чтобы на его могиле значилось: «Даниэль де Фо, джентльмен».

Но люди рассудили иначе. Что им за дело, был он джентльменом или всю жизнь стремился им стать. Они высекли на могильном камне главное: «Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо».

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

ПЕРЕДПЛАЧУЙТЕ НА 2020 РІК
в будь-якому відділенні Укрпошти

РЫНОК ЗЕМЛИ
№ 9/364
СЕНТЯБРЬ 2019
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
3e!
РАЗМИНКА ЗАКОНЧИЛАСЬ
ИГРА

КОМПЛЕКТ:
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА" +
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК"
ИНДЕКС 49542
3 міс. – 65,25 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»
ИНДЕКС 35257
3 міс. – 37,77 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»
ИНДЕКС 49056
3 міс. – 32,07 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього періоду та пенсіонерів)
ИНДЕКС 37104
3 міс. – 35,34 грн.

Передплатити також можна на сайті market.umh.ua або за телефоном (044) 207-97-25

ГУСАР НА ТРОНЕ

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Его шпага служила многим странам, на Камчатке он отбывал ссылку, а на Мадагаскаре царствовал. Это был всесторонний талант: имя Морица Бенёвского вошло даже в историю шахматной игры.

Три страны называют себя родиной этого героя – Словакия, Венгрия и Польша. «Бенёвский! Так зовется мой герой... // Он был храним таинственной звездой // В мороз и в зной и в час сраженья дикий». Это первые строки из эпической поэмы «Бенёвский» польского поэта Юлиуша Словацкого. Такие рыцари Фортуны, как шевалье д'Эон, Казанова, Стефан Занович и многие другие, при жизни создавали себе вторую, легендарную биографию. Но в случае Бенёвского фантазии были явно излишни: его судьба увлекательна и без прикрас.

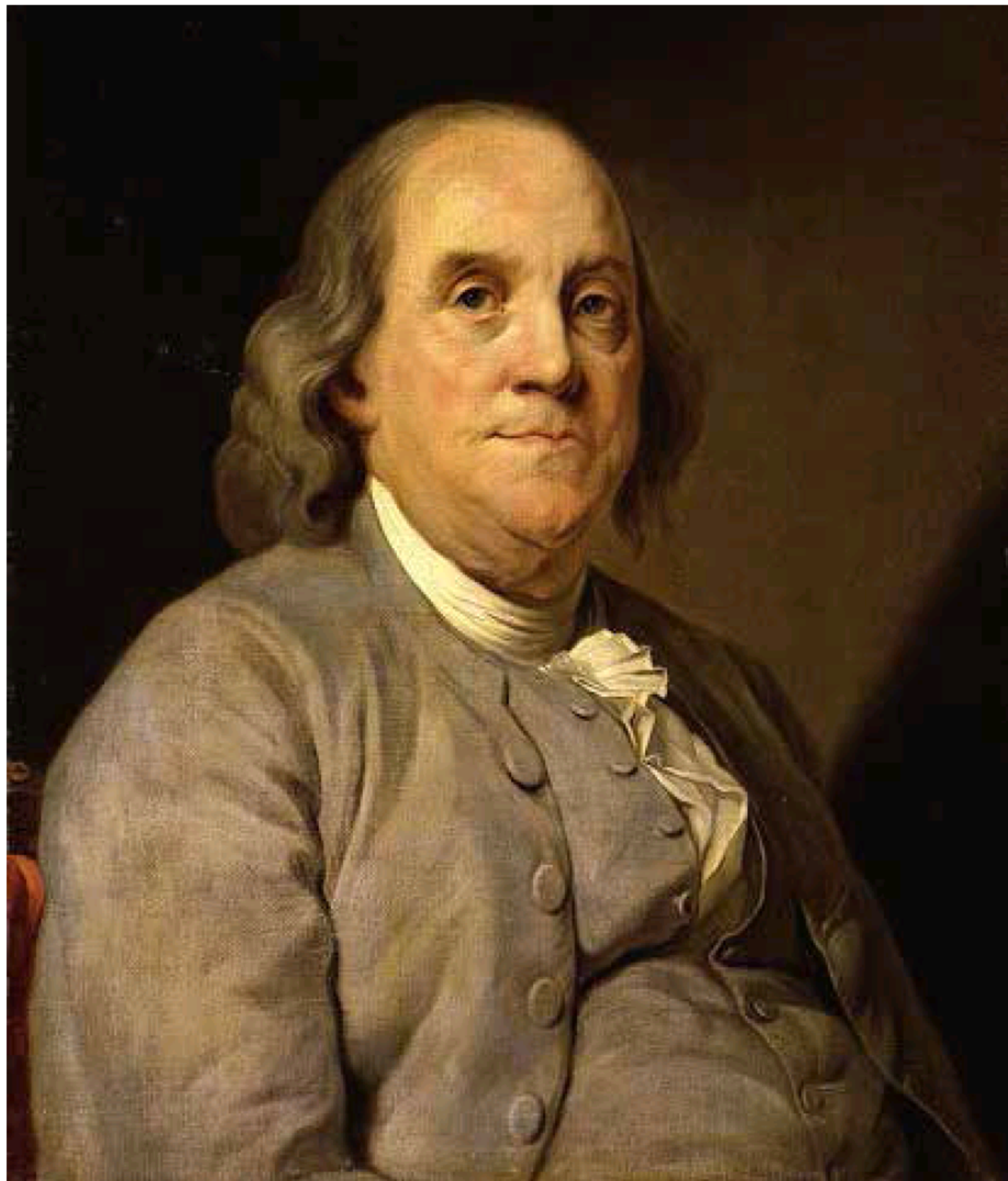
Мориц Август Бенёвский родился в 1746 году. Его отец, словак по национальности, был генералом в австрийской кавалерии, а мать – баронессой из знатного венгерского рода. Мориц частенько рекомендовался бароном, хотя по женской линии высокие титулы не передаются. Мориц был красив, великолепно сложен, хотя и невысок ростом, обладал изысканными манерами и тем неотразимым обаянием, от которого тают женщины и которому завидуют многие мужчины. В ранней юности он поступил на военную службу и позднее утверждал, что участвовал в важнейших сражениях Семилетней войны, был награжден орденами и дослужился до генеральского чина. В действительности он был всего лишь гусарским капитаном, в войне не участвовал, а прославился в основном дуэлями и буйством. Эка невидаль для гусара! Но и у гусара есть границы дозволенного – честь, долг, присяга. Когда Бенёвский оскорбил всеми уважаемого командира, сослуживцы отвернулись от него. В конце концов Бенёвский вынужден был выйти в отставку.

Мориц вернулся в родовое поместье, но и здесь продолжал повесничать. Старик отец долго терпел выходки сына и перед самой смертью завещал поместье мужьям своих дочерей. Бенёвский-младший не смирился с последней волей отца, собрал отряд верных ему слуг и выгнал сестер с их мужьями вон. Родственники обратились с жалобой в Вену. Поступило высочайшее повеление: имение вернуть законным владельцам. А самого Бенёвского обвинили не только в самоуправстве, но и в церковной ереси. Не дожидаясь ареста, Мориц бежал в Польшу.

Там в это время шла война. В 1768 году часть польской шляхты объединилась для борьбы с королем Станиславом Августом Понятовским, ставленником России и бывшим любовником Екатерины II. Мятежники втянули в международный конфликт Османскую империю, что привело к очередной Русско-турецкой войне (1768–1774). Русские войска вступили в Польшу.

Командующему конфедератов генералу Пулавскому нужны были отчаянные офицеры, Бенёвский пришелся к стати. Он так расписал свои подвиги, что его произвели в полковники. Мориц храбро воевал, отличился в нескольких сражениях, пока не попал в плен. Русские довольно мягко обходились с побежденными, офицеров отпускали «на пароль» – под честное слово, что они не возьмутся вновь за оружие. Немногие сдержали слово, Бенёвский тоже вернулся в строй и был пленен во второй раз. Теперь уже рассчитывать на снисхождение не приходилось.

Сначала Бенёвского и плененного вместе с ним шведского волонтера Адольфа Винбланда отправили в Киев, оттуда сослали в Казань. Там обоих определили на постой к местному купцу Вислогузову. Мориц и Адольф постоянно обдумывали планы побега. Однажды, пользуясь отсутствием купца, Бенёвский выкрал из его кабинета документы и подорожную. С этими бумагами беглецы довольно

Маршал Сюше

легко добрались до Санкт-Петербурга. В Кронштадте они сговорились с голландскими моряками, что их вывезут за пределы России. Но в последний момент шкипер-голландец выдал беглецов. Генерал-прокурор Сената князь Вяземский разглядел в Бенёвском человека, «которому жить или умереть – все едино». На этот раз Бенёвского и Винбланда выслали дальше некуда: на Камчатку.

Начальник Камчатки

«В мороз и в зной и в час сраженья» менялся характер Бенёвского. Скандалист становился героем. Правда, в достижении своих целей он не останавливался перед ложью и мелким предательством.

Путешествие Бенёвского и Винбланда через всю Россию хотя и заняло около восьми месяцев, не было слишком изнурительным. Инструкции, данные офицеру охраны, предписывали оказывать пленным должный «решпект». Встречались только крамольные речи: «Есть ли оные арестанты станут иногда врать какие не пристойные слова, в таком случае запретить им строго». Впрочем, губернаторы и градоначальники инструкций не соблюдали – они радушно принимали у себя настоящего европейца, «генерала польской армии», как представлялся Бенёвский.

Наконец прибыли в Охотск, отсюда путь лежал морем на Камчатку, в Большерецкий острог. Здесь, в Охотском порту, у Бенёвского возник новый план побега: во время шторма, когда команда укроется в трюме, он с Винбландом задраит люки и поведет корабль... Небо услышало молитвы Бенёвского, и разыгрался шторм. Но благодаря мастерству штурмана Максима Чурина галиот «Св. Петр» прибыл в Большерецк 12 сентября 1770 года.

В своих мемуарах «Путешествия и воспоминания» Бенёвский изобразил место своей ссылки как настоящую крепость. На самом деле это был обычный поселок, несколько десятков изб и купеческих лавок, а в них око-

ло сотни обитателей. В центре поселка стояла канцелярия командира, капитана Нилова. Гарнизон насчитывал семьдесят солдат. Все ссыльные в Большерецком остроге были «политические», все сплошь дворяне, среди них и придворные, и гвардейские офицеры. Бежать отсюда было некуда, поэтому ссыльные жили без надзора, на частных квартирах.

Бенёвский с его талантом сходить с людьми и неизменно нравиться всем быстро сделался своим человеком в обществе большерецких ссыльных. Особенно близко он сошелся с гвардейским поручиком Петром Хрущевым. Поручик, как гласил именной указ, «обличен и винулся в изблевании оскорбления величества», был приговорен к четвертованию и отсечению головы. Но, по милосердию монаршему, казнь заменили вечной ссылкой на Камчатку.

Бенёвский поселился в одном доме с Хрущевым, приятели часто бывали у коменданта Нилова – и в гости заходили, и давали уроки его сыну. Капитан Нилов был неплохой человек, но сильно пьющий. Впрочем, на окраины империи таких и присылали – либо пьяниц, либо бестолковых, либо в чем-то провинившихся.

Именно Хрущев давно разработал план побега с Камчатки на захваченном корабле. Более того, он знал и куда плыть. В его библиотеке была книга британского адмирала Джорджа Ансона «Путешествие около Света», которое в 1741–1744 годах совершил Лорд Ансон с картами и подробными описаниями. Однако захватить корабль и незаметно выйти на нем в море было невозможно. Бенёвский внес в план Хрущева радикальные изменения: поднять восстание, арестовать коменданта, нейтрализовать гарнизон, а уже потом подготовить корабль к плаванию и выйти в море.

Естественно, ссыльные стали ядром заговора. Скоро к ним примкнули многие обитатели Большерецка. Большой удачей Бенёвского стало вовлечение в заговор штурмана Чурина, двух штурманских учеников и нескольких матросов. Труднее было склонить на свою сторону промысловиков – охотников на морского зверя, оставшихся на зимовку в Большерецке. Это были отважные,

опытные люди, замордованные хозяином-купцом. Тогда Бенёвский изготовил подложное письмо наследника Павла Петровича, обещающая охотникам: «...получите особливую милость, а при том вы от притеснения здешнего избавитесь».

Весной 1771 года восстание было подготовлено, бунтовщики вооружены пистолетами с достаточным запасом пуль и пороха. Накануне бунта капитану Нилову донесли о готовящихся беспорядках, он тотчас послал команду солдат, чтобы арестовать Бенёвского, а сам со спокойным сердцем откупорил очередную штоф. Но солдатиков самих схватили и разоружили. Когда Бенёвский с товарищами ворвался в дом коменданта, тот был уже очень хорош. Однако силушку не пропешь: Нилов схватил Бенёвского за шарф и начал душить. И удавил бы насмерть, если бы в это время гвардии поручик Панов не выстрелил ему в голову. В ту же ночь были захвачены канцелярия и склады. Большерецк пал, Бенёвский был провозглашен командиром Камчатки. Реквизируя документы и деньги в канцелярии, пушнину и провиант на складах, он оставлял расписки, в которых именовал себя так: «пресветлейшей республики Польской резидент и ее императорского величества Римского (т.е. Австрийской императрицы. – С.М.) камергер, военный советник и регементарь!»

На другой день восставшие прошли по домам и лавкам, собрали оружие и провиант. Причем за них заплатили деньгами из захваченной казны. Этот факт был впоследствии особо отмечен в донесении о большерецком бунте: «...что всего смешнее, на сии деньги нужные товары у купцов покупали, а не грабили».

Коменданта Нилова похоронили честью по чести. Причиной смерти объявили пьянство. После отпевания, прямо в церкви, бунтовщики поклонились на Евангелии в верности царевичу Павлу Петровичу и целовали в том крест. Только один человек не клялся – Петр Хрущев. Он предлагал план бегства, но был противником бунта.

Хождение за пять морей

Отряд в двести солдат прибыл в Большерецк через неделю после отплытия корабля мятежников. До столицы рапорт о бунте дошел несколько месяцев спустя.

...А мятежный корабль плыл неведомым путем. Утлое суденышко – семнадцать метров в длину и шесть в ширину – было перегружено людьми и припасами. На борту находилось семьдесят человек, в том числе семь женщин – жены беглецов и две работницы. Через пять дней плавания «Св. Петр» достиг необитаемого острова из Курильской гряды. На нем запаслись пресной водой, напекли хлеба и сшили британские и голландские флаги. В продолжение всего путешествия Бенёвский скрывал, что корабль русский, опасаясь, что Екатерина II обратится к иностранным державам с просьбой захватить судно бунтовщиков.

Во время перехода от Курил к Японии разыгрался сильный шторм, «Св. Петр» едва не перевернулся. В июле пристали к одному из малеренных японских островов. Здесь, в Японии, Бенёвский начал проявлять себя как авантюрист международного масштаба. Он послал сёгуну, правившему Японией от имени императора, а также директору голландской фактории в Нагасаки секретные письма, в которых сообщал об опасных приготовлениях России: корабли русских якобы тайно обследуют берега Японии, на ближайшем острове построена крепость с большими складами оружия и боеприпасов. Он утверждал, что первое нападение русских будет на Хоккайдо уже в следующем году.

Японцы поверили. Письма авантюриста получили официальное название «предостережение Бенёвского» и серьезно повлияли на российско-японские отношения. Собственно говоря, Страна восходящего солнца впервые осознала реальность угрозы извне.

В августе на горизонте показался остров Формоза – нынешний Тайвань. Несколько охотников под командованием поручика

Панова отправились за водой. Неожиданно засвистели стрелы – аборигены убили троих и еще столько же ранили. Бенёвский устроил карательную экспедицию, сжег лодки и хижины, несколько туземцев были застрелены.

Наконец 12 сентября прибыли в Макао, португальское владение на южном побережье Китая. Окончилось плавание через пять морей: Охотское, Японское, Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское. В этом большом международном порту стояли десятки европейских и местных кораблей. Здесь путешественники смогли наконец отдохнуть на берегу. За проданную пушнину накупили достаточно еды, сменили изношенную одежду. Бенёвский редко бывал с экипажем, почти все время проводил у губернатора и других влиятельных персон. Товарищи не знали, что у него на уме. Известие о том, что галиот «Св. Петр» продан со всем грузом и имуществом, оказалось совершенно неожиданным и потрясло экипаж. Бенёвский поступил так не корысти ради, а чтобы продолжить плавание. Но и русских можно понять – они потеряли свой дом, хотя и плавающий, а для моряков «Св. Петр» был как родное дитя. Недовольные подали жалобу в местный суд, против Бенёвского выступил даже верный швед Винбланд. Полная неизвестность, непривычный субтропический климат и местные эпидемии подорвали физические и душевные силы россиян, в Макао умерли еще шестнадцать человек.

Тем временем Бенёвский выбрал страну, которой решил предложить свои услуги – Францию. Он зафрахтовал два французских корабля – «Дофин» и «Ляверди», и вместе с уцелевшими спутниками в начале 1772 года продолжил плавание.

Первая остановка была на Иль-де-Франс, он же остров Маврикий, в ту пору – колония и форпост Франции в Индийском океане. Здесь Бенёвский познакомился с губернатором и чиновниками колониальной администрации, с военными и торговцами. Вникал в особенности колониального правления, словно предчувствуя, что вернется в эти края.

Король Мадагаскара

Наконец Франция! В июле 1772-го завершилось почти кругосветное путешествие россиян продолжительностью два с лишним года и длиною десятки тысяч морских миль. Из порта Бенёвский отправился в Париж на дилижансе, а его команда еще около двух недель топала в столицу пешком. Явились в российское посольство и подали прошения, приложив подробное описание путешествия и штурманские карты. Стали ожидать решения своей участи.

Но двенадцать россиян остались с Бенёвским, в том числе юный попович Ваня Уфтьужанинов и одна женщина, жена матроса Андреевнана. Во Франции Бенёвский именовал себя уже графом. Проверить обстоятельства его биографии тогда никто не мог, но даже сегодня в энциклопедии «Гран Ларусс» о нем говорится: «Похитил дочь губернатора (Камчатки. – С.М.) и бежал в Китай, где покинул соблазненную девушку, и прибыл в Париж. Получил назначение на Мадагаскар».

Последнее утверждение истинно. Бенёвский предложил французскому правительству проект завоевания острова Формоза. Это предложение не заинтересовало французам, но сам Мориц и рассказы о его подвигах произвели должное впечатление. Министр иностранных дел герцог д'Эгийон и морской министр граф де Буайн предложили «графу» возглавить другую экспедицию – на Мадагаскар. Бенёвский охотно согласился.

В это время Великий остров, как еще называют иногда Мадагаскар, был непокоренным. Обосноваться на нем пытались португальцы, позднее французы, но закрепить надолго не смогли. Сопротивление местных племен и тяжелый климат изнуряли европейцев. Основанный французами Форт Дофин на юге Мадагаскара стоял заброшенным. Только пираты устраивали в укромных бух-

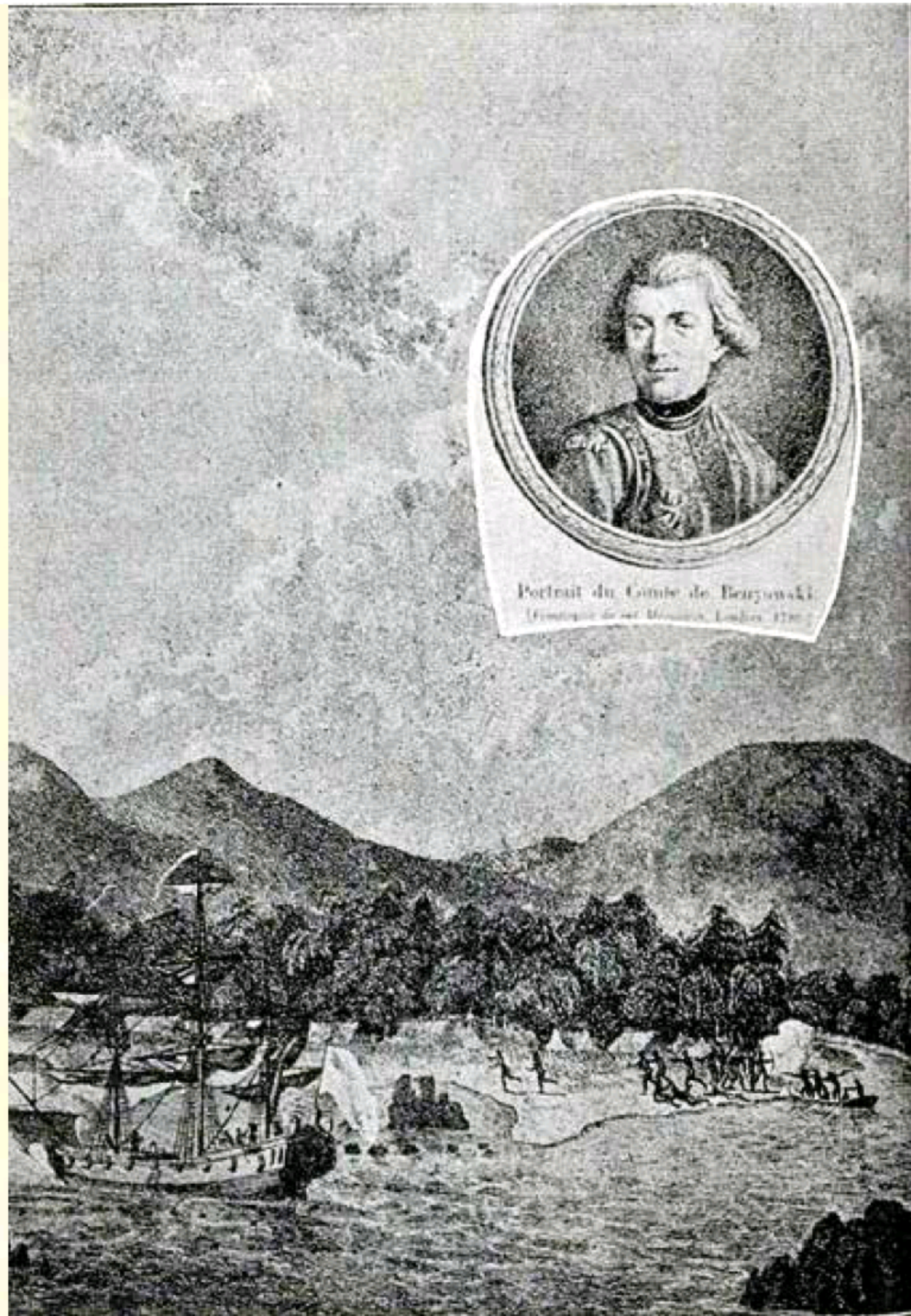

Мориц Бенёвский и его корабль. Гравюра из издания книги Мора Йокаи «Граф Мориц Бенёвский» 1891 г. Справа: Корабль Бенёвского у острова Формоза (Тайвань). Рисунок из издания записок Бенёвского нач. XX в.

тах свои стоянки, отдыхали от набегов и пряталиклады. Один из пиратских вожаков – капитан Миссон и его лейтенант Караччиоли даже основали на Мадагаскаре «республику Либерталия».

23 марта 1773 года, после одобрения плана экспедиции на Мадагаскар королем Людовиком XV, Бенёвский с российскими спутниками и другими волонтерами отправился на Иль-де-Франс, где должен был получить корабль с необходимыми припасами и отряд солдат с несколькими офицерами. Но отношения с колониальными властями не складывались. Губернатор де Терне сам хотел бы управлять Мадагаскаром, ведь с этого острова привозили много риса, быков, а главное – рабов. Недовольство губернатора де Терне вызвало и то, что Бенёвский не стал возрождать заброшенные базы, а основал форт на новом месте – в бухте Антонжиль, в северо-восточной части острова. По старой колониальной традиции он назвал город в честь правящего короля Порт-Луи. Но прижилось почему-то название Луисбург.

Вскоре после основания форта Бенёвский пригласил вождя мальгашей и других племен для переговоров. Он объяснил, что французы хотят жить с ними в мире, будут продавать им ткани и множество необходимых им товаров. У островитян колонисты станут покупать рис и другую провизию. Но вожди должны выполнять следующие условия: земли, на которых созданы французские поселения, будут принадлежать французиам и французскому королю; вожди могут разрешать соплеменникам продавать свои земельные участки колонистам; вожди обязуются защищать колонию от нападений других племен. В свою очередь и вожди выставили дополнительные условия.

Влияние колонии росло. Росли и личные амбиции Бенёвского. Настоящий авантюрист – всегда великий актер. Роль предводителя экспедиции была уже сыграна, Бенёвский хотел играть короля. Он уговорил вождей дружественных ему племен провозгласить его «вождем вождей» – ампансакабе, или, проще говоря, королем Мадагаскара. Чтобы как-то объяснить это соплеменникам, вожди распустили слух, будто дочь последнего короля из рода Рамини была похищена белыми людьми и родила сына от белого человека. Этот сын и есть Бенёвский, прямой потомок Рамини.

В порт Луисбурга все чаще заходили торговые корабли. Это вызывало зависть колониальных властей в Иль-де-Франс. Оттуда в Париж посылали совсем другие реликвии о деятельности Бенёвского. Новый морской министр Сартин послал на Мадагаскар инспекцию с заданием разобраться с пристрастием. И разобрались. В декабре 1776 года король Мадагаскара вынужден был покинуть свой трон, свое королевство и подданных.

С этого момента судьба его спутников-россиян неизвестна.

Мат Бенёвского

Возвращение Бенёвского с Мадагаскара было не только следствием интриг. Франция вступила в период жесточайшего кризиса, окончившегося революцией. Новые финансы вложений, а казна была пуста. Но король, уже Людовик XVI, все-таки отблагодарил Бенёвского генеральским чином и орденом Св. Людовика.

В Париже Бенёвский был окружен яркими личностями той эпохи. Подружился он и с

американским посланником, будущим президентом США Бенджамином Франклином, они подолгу беседовали, в том числе за шахматной доской. Бенёвский оказался талантливым шахматистом, его коронный «мат Бенёвского» вошел в учебники шахматной игры. Но жизнь без приключений наскучила ему.

Его не отпускал Мадагаскар. В поисках денег для новой экспедиции Бенёвский в 1783 году отправился в Лондон, а затем в Америку. Там, в Балтиморе, окончательно сложился британско-американский консорциум. Компаньоны планировали не колониальный захват, а коммерческое освоение Мадагаскара, прежде всего основание факторий на побережье. Руководителем экспедиции был, разумеется, Бенёвский. С небольшим отрядом на американском торговом судне «Интрепид» он вернулся на Мадагаскар в июне 1785 года. Когда Бенёвский с двумя десятками спутников сошел на берег и уцелевшие колонисты Луисбурга узнали короля Мадагаскара, две пушки форта салютовали ему. Но капитан корабля испугался, решив, что это нападение, снялся с якоря и отплыл прочь.

Бенёвский оказался почти без припасов и снаряжения. И тем не менее он с жаром принялся за восстановление Луисбурга, налаживание связей с мальгашами, привлечение торговых партнеров. Он обещал торговые преимущества французским колониальным властям на Иль-де-Франс, но губернатора это не устраивало. Теперь Бенёвский был не соперником, а представителем другого государства, захватчиком, врагом. Против него был направлен отряд во главе с капитаном Ларшером.

Французы высадились на Мадагаскаре и осадили Луисбург. На рассвете 23 мая 1786 года Бенёвский встал к орудию с горящим фитилем в руке. Но, видно, его счастливая звезда закатилась – пуля сразила его в самом начале атаки. Он был единственным, кто погиб в этом бою.

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№08 (173) от 11.08.2020
Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»

04080, г. Киев, ул. Кирриловская, 104
Главный редактор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 24421-14361 ПР
выдано Министерством юстиции
Украины 13.03.2020
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г
Телефон редакции: (044) 207-97-11

e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Размещение рекламы
reklama@umh.com.ua
Тел.: (044) 207-97-00, (044) 207-33-05
Распространение и подписка
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»
Отдел розницы, тел.: (044) 207-97-00
Отдел подписки, тел.: (044) 207-97-25
При подготовке номера использованы

материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типограф-
ского брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел.: (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
© «Совершенно секретно-Украина», 2020
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ № 78955

№ 8/375
АВГУСТ 2020

ВТОРАЯ ВОЛНА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОСНОВАТЕЛИ ЮЛИАН СЕМЕНОВ И А.

курс на 30

ПОЛИТИКА 4

ПОЛИТИКА 16

ПОЛИТИКА 9

ПРЕДВЫБОРНЫЕ КРОЙКА И ШИТЬЕ

ВЕЛИКИЙ ИМИТАТОР

ПЯТЬ ПРИЧИН

ISSN 2075-7522

9 772075 752039

у серпневому номері
читайте:

- НАВІЩО ВЛАДА ВИМАГАЄ ДЕВАЛЬВАЦІЮ ГРИВНИ, ТА ХТО ВІД ЦЬОГО ВИГРАЄ
- ЧОМУ ЗЕЛЕНСКОГО ЧЕКАЄ ПРОВАЛ, ТА ЩО БУДЕ ПІСЛЯ ОБВАЛУ РЕЙТИНГА
- КОЛИ ПУТІНА ЗГУБИТЬ ЙОГО ВІДІРВАНІСТЬ ВІД РЕАЛЬНОСТІ

вже
У ПРОДАЖУ

Свідоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
24420-14360 ПР
від 13.03.2020р.

СПЕЦВИПУСК
«Секрети зброї»

ВДОМА!

на природі!

на роботі!

РАДІО

П'ЯТНИЦЯ

У НАС ЗАВЖДИ П'ЯТНИЦЯ!